СБОРНИКЪ

ПАМЯТНИКОВЪ НАРОДНАГО ТВОРЧЕСТВА

въ

СѢВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

Изданіе

РЕДАКЦІИ ВИЛЕНСКАГО ВѢСТНИКА.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ВИЛЬНА.

1866.

Дозволено ценсурою 29 Іюля 1866 г. Вильна.

Въ типографіи Р. М. Ромма.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Непосредственное, безъискуственное творчество прекращается въ народѣ, уступая свое мѣсто творчеству другого рода, съ той минуты, какъ только въ него начнетъ проникать вліяніе цивилизаціи. Это исчезновеніе уже совершается мало-по-малу въ русскомъ народѣ. Крестьяне смѣются надъ своими сказками, видятъ въ нихъ однѣ только бредни, и переворотъ этотъ совершился, когда народъ вполнѣ, à posteriori, познакомился съ окружающею его природой. За сказками въ настоящее время остался интересъ только научный. Впрочемъ, остатки сказокъ еще живутъ, подъ именемъ суевѣрій. Былевое творчество, въ которое привзошло довольно сказочнаго элемента,— съ распространеніемъ грамотности и чтенія, а также вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ, передвинулось, у насъ въ Россіи, почти все на сѣверо-востокъ. Крестьянинъ изъ среднихъ губерній или совсѣмъ не помнитъ, или очень мало—о былинахъ, распѣвавшихся его отцами. Въ средней поло-

сѣ Россіи (впрочемъ, не во всей) остатки былеваго творчества, потерявъ строй и характеръ бывальщины, приняли форму сказки. Лирическое творчество хотя и живетъ, но и оно, современемъ, раздѣлитъ общую съ былевымъ участь. Признаки разрушенія въ этой области наиболѣе замѣтны въ такъ-называемыхъ обрядовыхъ пѣсняхъ, т. е. въ сватебныхъ, коровайныхъ, колядкахъ, зажнивныхъ и проч.

Напоминаемъ мы объ этомъ потому, что недалеко то время, когда всякій любитель и собиратель народныхъ пѣснопѣній будетъ слушать и записывать нѣчто похожее на романсъ, но никакъ не народную пѣсню. Подобное уже можно встрѣтить около столицъ, фабричныхъ и промышленныхъ городовъ и мѣстечекъ. Слѣдовательно, имѣя это въ виду, не нужно терять времени, нужно спѣшить записываніемъ устной старины, удаляющейся съ каждымъ днемъ отъ насъ.

Что касается въ этомъ отношеніи здѣшняго края, то онъ имѣлъ и имѣетъ своихъ собирателей памятниковъ народнаго творчества. Первый починъ въ этомъ дѣлѣ былъ сдѣланъ Поляками, и разумѣется, былъ сдѣланъ по-своему, по-ихнему. Достаточно указать на «Piosenki gminne ludu Pińskiego», которыя собралъ и по-польски перевелъ Ромуальдъ Зѣнкевичъ. Изданы онѣ такъ: на одной страницѣ латинская транскрипція текста Бѣлорусской пѣсни, на другой польскій переводъ, до-нельзя искаженный (для примѣра укажемъ хоть на стр. 33, 35 и 37). Сказанною транскрипціей (и, вѣроятно, не безъ задней мысли) языкъ изданныхъ Зѣнкевичемъ пѣсенъ сильно попорченъ. Попор-

чены также и понятія, различныя положенія и отношенія, встрѣчающіяся въ пѣсни. Можно ли повѣрить, чтобы отъ Пинскихъ колядокъ вѣяло костеломъ и польскими кантычками? Вѣдь православныхъ жителей въ Пинскомъ уѣздѣ почти въ 8 разъ болѣе нежели католиковъ [1])! Или развѣ можно допустить, чтобы на Волынскомъ Полѣсьѣ объ извѣстномъ Гонтѣ, котораго казнили Поляки, пѣли тамошніе жители, родные по племени братья Гонты, слѣдующее четверостишіе:

Дивитеся, Украйнцы!
Дивитеся, люде!
Покайтеся дичи сыны,
Бо и вамъ тэе будэ [2]).

Послѣ этого, намъ было болѣе чѣмъ странно встрѣтить въ русской „Иллюстрированной Газетѣ“ (1866, №№ 20 и 21) статью (вѣроятно, шляхтича) Г. Г. о бѣлорусской народной поэзіи и о бѣлорусскихъ поэтахъ. Читая эту статью, вы на каждомъ шагу встрѣчаете, наглѣйшую въ мірѣ, польскую ложь, поразительное невѣжество и умышленное извращеніе фактовъ. Такъ напр. поэма *чиновника* Могилевской губерніи, потомъ витебскаго *вице-губернатора* Маньковскаго, *народнаго пѣвца,* „замѣчательна не только въ художественномъ, но и въ филологическомъ отношеніи, какъ памятникъ живого языка бѣлорусскаго, который нѣ-

---

[1]) Зеленскаго, Описаніе Минской губерніи, I, стр. 467.

[2]) См. сборникъ Зѣнкевича, стр. 398. Цитату мы написали русскими буквами. Четверостишіе это, какъ видно изъ хода всей пѣсни, отнюдь не юмористическое.

когда въ великомъ княжествѣ литовскомъ былъ языкомъ придворнымъ, дипломатическимъ и отчасти *административнымъ, но отъ котораго не осталось почти никакихъ письменныхъ слѣдовъ.“* А грамоты и прочіе историческіе документы на бѣлорусскомъ нарѣчіи, изданные во многихъ томахъ, и неизданные? А 18,000 волюмовъ, хранящихся въ Виленскомъ Центральномъ Архивѣ, изъ которыхъ почти половина на бѣлорусскомъ нарѣчіи?

Шляхтичъ Г. Г. совершенно спокойно бранитъ русскую публику и русскихъ литераторовъ, которые видѣли до 1861 года въ Бѣлорусскихъ крестьянахъ несчастныхъ существъ, забитыхъ панами; между тѣмъ какъ польскіе литераторы, по увѣренію Г. Г., будили (извѣстно къ чему, но не успѣшно), еще съ начала XIX вѣка, народное сознаніе. И во главѣ этихъ будильщиковъ являются іезуиты Францъ Богомолецъ и Мусницкій!

Подъ именемъ народа Г. Г. разумѣетъ „огородную шляхту и однодворцевъ,“ распѣвающихъ произведенія такихъ вдохновенныхъ народныхъ пѣвцовъ, какъ шляхтичъ Янъ Оношко, предсѣдатель Витебской гражданской палаты Францъ Рысинскій, вице-губернаторъ Маньковскій, воспитанникъ іезуитовъ Янъ Барщевскій, писавшій по-польски, „родившійся, но не сдѣлавшійся Бѣлоруссомъ“ (?!), и наконецъ шляхтичъ Ѳаддей Лада-Заблоцкій, сосланный за излишнее усердіе (вѣроятно, къ польской справѣ) на Кавказъ, отличавшійся „тихою, *гордою* грустью въ настоящемъ и *непоколебимою вѣрою въ лучшее будущее.“* Г. Г. требуетъ, чтобы предъ этими лже-народниками всѣ „преклонялись.“ Онъ ихъ причисляетъ къ новой партіи, а ее

опредѣляетъ такъ: „прежде цѣнилось только все народное, теперь возбуждаетъ интересъ и цѣнится уже *все человѣческое.*“

Да простятъ намъ читатели невольную остановку на новомъ и недавнемъ фактѣ уже неновой польской лжи, для которой радушно предлагаетъ мѣсто журналъ, издаваемый, кажется, Русскими (гг. Бауманъ и Зотовъ), но, повидимому, не считающими себя за таковыхъ.

Кромѣ сборника Зѣнкевича и другихъ польскихъ, а также нѣкоторыхъ русскихъ попытокъ, пѣсни Бѣлорусскія встрѣчаются по губернскимъ мѣстнымъ вѣдомостямъ и въ извѣстномъ „Этнографическомъ Сборникѣ.“ Кромѣ того, мы можемъ указать на неизданное еще собраніе Бѣлорусскихъ пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго, доходящее до 500 нумеровъ [3]).

Съ одной стороны отсутствіе болѣе полнаго и достовѣрнаго сборника памятниковъ народнаго творчества въ сѣверо-западномъ краѣ, а съ другой—неотложность и важность такого сборника въ настоящее время—побудили редакцію «Виленскаго Вѣстника» предпринять это изданіе. Вкравшіяся въ сборникъ, вслѣдствіе спѣшности, ошибки исправлены въ концѣ предисловія.

Въ первый выпускъ нашего сборника вошло 300 пѣсенъ, 151 пословица и 93 загадки. Матеріалъ этотъ собранъ на пространствѣ преимущественно Гродненской губерніи (уѣзды: Кобринскій, Брестскій, Слонимскій, Бѣльскій, Пружанскій, Бѣлостокскій, Волковыскій), затѣмъ Виленской (уѣз-

---

3) Объ исторіи и судьбѣ этого собранія см. 19 № «Виленскаго Вѣстника» за 1866 годъ.

ды: Дисненскій, Вилейскій) и отчасти Минской (уѣзды: Новогрудскій, Пинскій). Изъ числа 300 пѣсенъ, на малорусскомъ нарѣчіи—162, на бѣлорусскомъ—122, на заблудовскомъ говорѣ—16.

При чтеніи этихъ пѣсенъ, вниманіе читателя останавливается на языкѣ ихъ, почти совершенно понятномъ для Великорусса. Затѣмъ читатель видитъ сходство, и сходство поразительное, не только въ отдѣльныхъ оборотахъ и выраженіяхъ, но даже и въ цѣлыхъ пѣсняхъ—съ великорусскими. Это послѣднее обстоятельство такъ важно, что мы считаемъ необходимымъ подольше остановиться на немъ и привести, параллельно съ бѣлорусскими, варіанты изъ сборниковъ Якушкина, Максимовича и Метлинскаго. Объясняя сродство интересовъ и идеаловъ русскаго народа обѣихъ половинъ, восточной и западной, варіанты эти послужатъ нагляднымъ доказательствомъ тождественности бѣлорусскаго и малорусскаго нарѣчій съ языкомъ общерусскимъ.

(*Орлов. губ.*)

Выѣзжаетъ молодой маіоръ,
Молодой маіоръ полковничекъ,
Выбираетъ молодыхъ солдатъ,
Молодыхъ солдатъ ребятушекъ.
У отца было три сына,
Три сына хорошіе;
Большаго сына жаль отдать,
Средняго нехочется;
Отдамъ я сына меньшаго,

Сына меньшаго Ивanушку!
Меньшій сынъ расплакался:
—Государь нашъ батюшка,
Или я вамъ былъ не родной сынъ,
Или я вамъ былъ пасынокъ?
Да вы, дѣти мои милые!
Вы возьмите-тко по палочкѣ,
Да вы бросьте-тко по жеребью;
Да кому изъ васъ достанется?
Доставалось сыну меньшему,
Сыну меньшему Иванушкѣ.

(Сборникъ Якушкина, стр. 99—100.)

(*Орлов. губ.*)

... ...
Енъ возьметъ золото ружье—настрѣляится,
Саблей вострой намахаетси,
Енъ возьметъ ворона коня, енъ наѣздитси.

(Тамъ же.)

(*Виленской губ.*)

За Питирамъ да за горадамъ
Жила была одна вдовачка.
Были у лё три сыны на роду,
Загадали имъ у салдатики ици,
Ци большему, ци среднему,
Ци самому паслѣднему
Большему не хочется,
Сяреднему не приходится,
Самый меньшій якъ расплакався, якъ разжалився:

—Матуличка наша родная,
Ци мы дзѣтки всѣ неровные,
Ци мы служки всѣ невѣрные?
—Дзѣтки мои всѣ родные,
Служки мои всѣ вѣрные,
Да идите-жъ вы да въ чистое поле,
Да выломте-жъ вы по прутику,
Да возмитеся на жерабя—
Которому выпадзиць у салдаты ици.
Да и выпало самому опаслѣднему.
... ...
Мамка на кони наѣздица,
Братья ружьями настрѣляются,
Сестры платковъ наносятся,
Жонка вѣкъ свой нагалосится,
Малыя дзѣтки нагаруются.

(См. нашъ сборникъ, стр. 8—9.)

Изъ сравненія этихъ двухъ варіантовъ видно, что бѣлорусскій, помимо большаго сходства въ языкѣ и содержаніи, полнѣе и законченнѣе.

(*Орловск. г.*)

... Онъ и такъ *плачетъ, что рѣка льется.*

(Сб. Якушкина, стр. 95.)

(*Виленск. г.*)

... А жона *плачець, якъ рѣка плывець.*

(*Гродненск. г.*)

... И за ними *рѣчка слезъ плыве.*

(См. нашъ сборникъ, стр. 37 и 2.)

XI

(*Арханг. г., Холмогорск. у.*)

Что подъ бѣлою березой гусарь-отъ убитъ,
Бѣло личко прикрыто бѣлою *китайкой;*
Къ нему *панья* приходила, панья молодая,
Бѣло лицо покрывала, въ уста цаловала.
... ...
За рѣченькой, за рѣкой гусарь сѣно коситъ,
На другой-то сторонѣ панья воду носитъ,
Воду носитъ, дожжа проситъ.
—Подай, Боже, дожжъ,
Ты подай, Боже, дожжа поскоряе,
Чтобы травоньку смочило, косы не чуяло,
Молодаго гусаря со поля сгонило.

(Сб. Якушкина.)

(*Гроднен. г.*)

Пудъ горою трава шумытъ,
За горою козакъ лежытъ,
Коло его нітъ нэкого.
Дэся взялась дівчинонька,
Выломыла калыноньку
И тэрнула по выдоньку.
... ...
За річкою за быстрэю
Козакъ сіно косытъ,
Ой за другэю річэнькою
Дывчя Бога просытъ:
—Ой сэбѣ сіно тутъ посіло,
Коса зогнулася,

Ой сэбѣ мого мылэнького
Сыла вернулася.

(См. нашъ сборникъ, стр. 22 и 69.)

Варіантъ, записанный С. В. Максимовымъ въ одномъ изъ самыхъ сѣверныхъ пунктовъ Архангельской губерніи, весьма замѣчателенъ. Интересно знать—какимъ путемъ проникъ на крайній сѣверъ лирическій пріемъ объ убитомъ козакѣ, исключительно принадлежащій южнорусскому творчеству. Что пріемъ этотъ употребляется въ Кобринскомъ и Брестскомъ уѣздахъ, а быть можетъ еще и въ Пинскомъ,—это понятно, потому что посредствующею, передаточною средою между южно-русскимъ и сѣверо-западнымъ творчествомъ служитъ Полѣсье, простирающееся въ южные Предѣлы Гродненской и Минской губерній и населенное по преимуществу (особенно—въ первой) Малороссами.

(*Архангельск. губерніи.*)

Калина съ малиной ранымъ-рано разцвѣла,
На ту пору молоду меня мать родила;
Не собравшись съ разумомъ, *въ чужи люди отдала;*
Велѣла мнѣ матушка семь лѣтъ не бывать;
Родимый-то батюшка—хоть вѣкъ не видать.
Годочикъ я прожила, другой прожила,
А третій годочикъ во слезахъ провела.
А вскинуся пташечкой-кукушечкою,
Полечу на батюшкину на сторонушку,
Сяду я на яблоньку въ зеленомъ саду,
Запою на яблонькѣ жалкимъ голосомъ.

XIII

—Что это за пташечка у насъ во саду?
Большой-то братъ говоритъ: „Семъ я поймаю.“
Среднiй братъ говоритъ: „Семъ я застрѣлю.“
Меньшой-то братъ говоритъ: „Семъ я посмотрю,“
Не наша ли горькая съ чужой дальней стороны?
—Большому ли брату-то—во солдатахъ быть
Среднему ль брату-то—во разбойникахъ,
Меньшому ли брату-то со мной домомъ жить.

(Сб. Якушкина, стр. 130.)

(*Гродненской г.*)

... ...
Тэбэ маты проклынала, щобъ ты мэнэ (доли) *нэ мала.*
Отдала маты далеко отъ сэбэ дочку замужъ
Отдавала да й прыказала,
Щобъ сімъ літъ ны бувала.
Дочка ны вътырпіла, до роченьку прылытіла,
Сіла-пала въ вышневомъ садочку,
Зозулькою заковала.
... ...
Выйшовъ, выйшовъ старшій *братикъ*
Зозульку стріляты.
За нимъ, за нимъ рудна маты,
И стала казаты:
—Ой нэ стріляй, муй сыноньку,
Но просы до хаты.

(См. нашъ сборникъ, стр. 14—15, 183.)

Эта пѣсня въ нашемъ сборникѣ повторяется на 185

страницѣ, къ которой варіантъ въ сборникѣ Якушкина на страницѣ 110-ой.

(*Орловской губерніи.*)

На что жъ меня *матушка*
  На горе *родила,*
Не собравшись съ разумомъ
  Замужъ отдала,
Чужая сторонушка
  Безъ вѣтру сушитъ,
Чужой отецъ съ матерью
  Безъ вины журятъ.

(Сборникъ Якушкина, стр. 129.)

(*Минской губерніи.*)

Калина зъ малиною въ одну пору зацвѣла,
Въ тую пору раненько *матка сына радзила,*
Не собравши розуму, да въ солдаты отдала,
Въ солдаты въ солдатушки на чужую сторону.
... ...
—Диця мое милое, ходзишь ты не весело,
Ходзишь ты не весело, гуляешь не радостно.
—Матка моя милая! якъ мнѣ вясёлому быць,
Чужая сторонушка безъ вѣтру сушиць, грушиць
Нашы камандзерушки безъ вина шумяць, гремяць.

(См. нашъ сборникъ, стр. 223.)

(Записано А. А. Григорьевымъ—гдѣ ?)

Соловьюшко, соловей,
Молоденькой, маленькой,

Голосочикъ тоненькой!
Не пой тонкимъ, не пой звонкимъ,
Не пой рано по зарѣ
Въ своемъ зеленомъ саду.
Объ чемъ тошно, объ чемъ грустно?
Жаль сударушку свою.

(Сборникъ Якушкина, стр. 135.)

(*Гродненской губ.*)

Салавейко рябеньки,
Твой галасокъ таненькій,
Не щебечи въ елинѣ,
Не задавай жалю мнѣ,
Што я въ чужой сторонѣ.

(См. нашъ сборникъ, стр. 3.)

(*Орловской губерніи.*)

Эй вы камарики, вы сударики маи,
Вы за што, пашто вы кусаитя мине?
Ятъ кусаньица грудь, галовушка балить,
Ятъ галовушки я уся стала бальна...

(Сборникъ Якушкина, стр. 141.)

(*Виленской губерніи.*)

Камарики, камари,
Не лятайця у вишнёвъ садъ,
Не кусайця вы мяне
Ани личунька майго,
Мое лицо горачо
Разгаритца балячо.

(См. нашъ сборникъ, стр. 258.)

(*Орловской губерніи.*)

... ...

Твая мати чаривница, а сестрица розлучница:
Розлучила насъ съ милою, какъ рыбицу со водою,
Бѣлую щуку со окунцами, красную дѣвку съ молодцами.
(Сборникъ Якушкина, стр. 173.)

(*Виленской губ.*)

... ...

Твая мати — чаровница
Сястра твая—разлучница,
Разлучила мяне въ табою,
Якъ бы рыбку съ вадою.
(См. нашъ сборникъ, стр. 43.)

Приводимъ варіантъ изъ сборника Максимовича къ пѣсни, помѣщенной въ нашемъ сборникѣ на стр. 169-ой. Изъ сравненія читатель увидитъ, что помѣщенная у насъ пѣсня—несравненно полнѣе и законченнѣе, а потому и древнѣе.

Гомонъ, гомонъ по дубровѣ,
Туманъ поле покрывае,
Мати сына проганяе;
Поди, сыну, геть одъ мене—
Нехай тебе Турки возьмуть!
—Мене, мене, Турки знають—
Мене коньми надѣляють!
Гомонъ, гомонъ по дубровѣ,
Туманъ поле покрывае,
Мати сына проганяе:

XVII

Поди, сыну, геть одъ мене—
Нехай тебе Орда візьме!
—Мене, нене, Орда знае—
Сріблом, злотомъ надѣляе!

(Сборникъ Максимовича, стр. 137.)

Приводимъ изъ того же сборника варіантъ къ пѣсни, помѣщенной у насъ на стр. 242—243; въ первомъ дѣйствующія лица—гайдамаки, а въ послѣдней—разбойники.

Наѣхали козаки до Маруси въ гости:
—Марусенько пани, чи е твой панъ дома?
Коли жъ нема пана, выйди до насъ сама!
Марусенько не познала, въ черевичкахъ выйшла:
—Есте вы козаки, есте гайдамаки!
—Марусенько пани, по чімъ ты пізнала?
По чімъ ты пізнала, правдоньку сказала?
—По тімъ я пізнала, правдоньку сказала,
Що я свого пана коника пізнала.
—Марусенько пани, не правдоньку жъ кажешъ:
Мы того коника въ твого пана купили,
Въ зеленуй дубровѣ гроши полѣчили,
Въ холоднуй крыницѣ могоричъ запили,
Підъ гнилу колоду пана пудкотили.

(Сборникъ Максимовича, стр. 172.)

Изъ сборника Метлинскаго укажемъ варіанты на стран. 14, 21—22; они имѣютъ въ нашемъ выпускѣ соотвѣтственныя страницы 189-ую и 103-ью. Варіантовъ въ помянутомъ сборникѣ много, но мы выбрали только два.

Что касается сходства и варіантовъ въ пословицахъ, поговоркахъ и загадкахъ, то почти каждая изъ нихъ находится, въ томъ или другомъ видѣ, въ сборникахъ Даля, Номиса и Худякова. Для примѣра приведемъ нѣкоторыя изъ загадокъ:

(*Рязан. губ.*)

Мать толста, дочь красна,
Сынъ храбёръ, подъ небеса ушелъ.

(Худяковъ, стр. 56, № 437.)

(*Минской губ.*)

Маци тавсцюха, дочка залатуха а сынъ парабо́рь выскачиу на дворъ.

(См. нашъ сборникъ, стр. 295, № 9.)

(*Московской губ.*)

Полонъ хлѣвецъ бѣлыхъ овецъ.

(Худяковъ, стр. 31, № 198.)

(*Минской губ.*)

Повенъ хлѣвець бѣлыхъ авецъ.

(См. н. сборн., стр. 295, № 14.)

На этихъ примѣрахъ сходства мы и остановимся: иначе конца не будетъ. Приведенныхъ примѣровъ весьма достаточно для опредѣленія того, что́ общаго и мно́го ли— между здѣшнимъ краемъ и остальною Россіей. Никакіе историческіе документы и изслѣдованія не могутъ доказать такъ наглядно и осязательно ту кровную и неразрывную связь сѣверо-западной и средней Россіи, которая существовала и существуетъ по настоящее время. Преимущество это, разумѣется, останется за памятниками народнаго творчества.

XIX

Но при поразительномъ сходствѣ, существуютъ и нѣкоторыя отличія, касающіяся болѣе формы, внѣшности, пріема, нежели содержанія внутренняго. Возьмемъ примѣръ. Въ сватебномъ обрядовомъ кругѣ есть обыкновеніе обращаться съ привѣтомъ не только къ каждому изъ членовъ семьи, но и вообще къ гостямъ. Отецъ и мать пользуются въ этомъ случаѣ нѣкоторымъ преимуществомъ: если они умерли, то существуетъ особая форма обращенія къ нимъ. Обычай этотъ свято чтится какъ у Великоруссовъ, такъ и у Западноруссовъ; но форма и характеръ этихъ обращеній различны.

Въ Новгородской губерніи дружка говоритъ:

Завѣйте вѣтры буйные,
Вѣтры буйные, полуденные!
Развѣйте съ высокихъ могилъ желты пески,
Раскатитесь сѣры камешки,
Разступися мать-сыра-земля,
Раскройся гробова доска,
Размахнися золота парча,
Раскиньтесь тонки саваны,
Распуститесь ручки бѣлыя,
Проглядите очи ясныя,
Проговорите уста сахарныя.
Ты, родной батюшка!
Стань, не полѣнись,
На скоры ноги подынись,
Не на долгое на времечко,
На единъ минутный часъ;

XX

На честное собраньице,
На великое пированьице,
На законную на свадебку!

(Новг. Губ. Вѣд., 1866, №21.)

Въ Гродненской губерніи сирота-невѣста поетъ:

—Прошу тэбэ, татку, на вэсильечко.
—Вэселися, доньку, зо всіми святыми,
Зо всіми святыми, зъ людьми добрыми,
Ой ужежъ-бо я за тремя замками:
Пэрвый замочекъ—зъ дощекъ домочекъ,
Други замочекъ—рыжецъ песочекъ,
Третій замочекъ—трава мурава.

(См. н. сборн., стр. 200.)

Изъ вышеприведеннаго читатель уже могъ замѣтить, на-сколько основательны и состоятельны притязанія польскія на здѣшній народъ. Содержаніе и форма выраженія пѣсенъ западно-русскаго народа—обще-русскія. Теперь перейдемъ къ ближайшему разсмотрѣнію языка пѣсенъ.

Особенности Бѣлорусскаго нарѣчія состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Сокращеніе *и* въ j, ь: свайго, свайму изъ сваиго. Примѣровъ можно довольно найти въ настоящемъ выпускѣ.

2. Въ Виленской и Гродненской г.г. окончаніе прилагательныхъ опредѣленныхъ ый, ий, стягивается въ *ы*, *и*:

зялёны, печоны, стары, старши; но рядомъ съ этимъ: мокрый, послѣдній. Тамъ же б и, р о з б и, вм. б и й.

3. Появленіе іоты послѣ гласныхъ твердыхъ: пайславъ, пайзвавъ, пайшовъ.

4. Въ Виленской и Гродненской г. г. удерживается древнее посредственное смягченіе *д* въ д ж: виджу, ураджу, пагляджу.

5. Измѣненіе д, т передъ ь, е, и, я, ю, ѣ въ мягкіе д з, ц: дзѣдъ, трецій.

6. Измѣненіе *д, т* передъ согласными въ *й* произошло путемъ непосредственнаго смягченія: брайцыки, зъ айцомъ, малайцá.

7. Удвоеніе согласныхъ передъ ь (j) съ послѣдующею гласною: пѣнне, вяселле, кунню шубу, жыццё, житте, снидание. Впрочемъ, это удвоеніе не повсемѣстно.

8. *р* почти постоянно твердо: гаспадаръ, багатыръ, нарадокъ, нарадокъ, бяроза, гавару.

9. *ч* иногда переходитъ въ *ц* и въ *к:* боцка, церезъ, циразъ, керезъ, киразъ, крузъ.

10. Измѣненіе неударяемаго *у* въ началѣ и въ срединѣ послѣ гласной въ *в:* вже, въ него; примѣта эта изъ наиболѣе древнѣйшихъ, встрѣчающаяся еще у Нестора.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ словаря жителей Гродненской губерніи, по различному ихъ произношенію, и сравнимъ ихъ съ русскимъ и польскимъ языками:

1. *Согрѣлся:* согрѣуся, согрывся, согрѣвся—*огжалъ сенъ* (пол.)

2. *Бывши:* быуши, бувши, бывши—*бендонцъ.*

3. *Теперь:* цеперь, цяперь, тэпэрь—*теразъ.*

4. *Глядитъ:* глядзиць, глядыть, глядить—*патиы*.

5. *Сколько:* коулька, килько, кулько—*иле* [4]).

Изъ всего Бѣлорусскаго говора довольно отчетливо выдѣляется рѣчь жителей 40 деревень близъ м. Заблудова, въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ. По языку и произношенію жители эти отличаются рѣзко отъ своихъ сосѣдей, такъ что рѣчь ихъ имѣетъ полное право на названіе *Заблудовскаго говора*.

Границы этого говора опредѣляются такъ [5]): на западѣ онъ примыкаетъ къ Мазовецкому, граница котораго, захватывая западную часть Гродненской губерніи, идетъ съ юга на сѣверъ отъ Дрогичина мимо Цѣхановца, Брянска, Суража, Хорощи, Кнышина, Суховоли, до мѣстечекъ Липска и Домбровы. На югѣ онъ сосѣдитъ съ особымъ оттѣнкомъ русскаго языка, который у здѣшнихъ жителей называется *корольоускимъ*, т. е. королевскимъ. Послѣднимъ говорятъ около мѣстечка Нарева (на Наревѣ) и дальше на югъ подъ Бѣльскъ; королевская рѣчь отличается отъ Заблудовскаго говора отсутствіемъ дзеканья: пооиде, поѣде, буде, а не пуойдзэ, поѣдзэ, какъ въ Заблудовскомъ. Оттого сосѣди и прозываютъ одни другихъ дэкалами и дзекалами. На востокѣ и сѣверо-востокѣ Заблудовскій говоръ граничитъ съ Бѣлорусскимъ.

Въ нашемъ первомъ выпускѣ шестнадцать Заблудовскихъ пѣсенъ. Позволимъ себѣ привести изъ цитованной статьи образчикъ прозаической Заблудовской рѣчи.

---

4) См. Приложеніе (I, стр. 150) къ Описанію Гродненской губ. Бобровскаго.

5) См. статью „Замѣтки о западной части Гродненской губ.", въ III-мъ выпускѣ Этнографическаго Сборника.

„Показуютъ старые людзи, што на туомъ міѣсцу дзіѣ цеперъ Заблудуовье, были колись великіе лѣсы. То-жъ лони, бодай, чи позалони N. выкопау въ болоци берозовы пень. На іуомъ ще й незоусимъ кора згнила. То зноу N. того-жъ, бодай, року выцягнуу у туомъ-же міѣсцу зъ болота велизны сосновы верхъ, такъ што ледзва, пару куоньми привьюозъ до дому. Або зноу недалеко одъ Ш. за версту также мижи болотами лятось выцягнуу N. въ воды велизного дуба. Муоцны Боже! хтобъ муогъ сподзиваціисе, што у гетыхъ міѣсцахъ, дзіѣ цеперъ такіе болота и тонелицы были колись-цика вельки лѣсы.

„Гля! то-жъ ще бацько чи дзіѣдъ старого N. кіемиу, якъ у гетомъ міѣсцу выводзилисе недзьвѣдзи. Показовау, што дзіѣсь за городами, коло могилокъ у туомъ міѣсцу, дзіѣ цеперъ ще стоитъ шыесьць, чи сіемъ сосіонъ (хвоіокъ), недзьвѣдзица вывела дзѣцей.

„Або-жъ зноу у ліѣси К. ще й цеперъ е одна сосна што зовеце недзьвѣджою. Хоць уже й зацягнуло оболонею, але ще таки й цеперъ знаць, што до половины борць была вылуплена колись недзьвѣдзіомъ кажутъ, што таѐ недзьвѣдзь вылупиу, добираючисе до пщуолъ. То муситъ-то колись были тутъ не малые лѣсы, коли ажъ недзьвѣдзи выводзилисе....

„...Може то ще у тыхъ лѣсахъ жила колись и тая Татарка. То-жъ и цеперъ ще коло З. у ліѣси тое міѣсце зовеце Татаркою. Показуютъ людзи, што то была якаясь розбуойница, чи віѣдзьма, але то уже вельми дауни часы. Вона жила у ліѣси при дорози и якъ оно хто йшоу, чи іѣхау, вона зарезъ выбѣжить зъ ліѣса, перепынитъ и забье. Якось цыцкою, кажутъ, удыерытъ и одъ разу забье чоло-

віѣка. Але одзіюнъ жоуніѣръ ухитриусе и забиу ее самую. Было́ то такъ. Послали іого кудысь-цика зъ листомъ, чи зъ чимсь и́ншымъ и треба іому было іѣхаци коло Татарки, такъ вуонъ узяу, зробиу зъ соломы бы чоловіѣка и посадзи́у іого на коня, а самъ набиуши фузыю срыебною кулею, чи сыребнымъ гузикомъ (бо, кажуть, злои моцы ледаяка́я ку́ля не бо́зьме, оно срыебна) зачайусе за хво́ею. Якъ же Татарка выбѣгла до того́ коня́ зъ кулёмъ соло́мы, подумауши, што то ѣдзе чоловіѣкъ на коневи, вуонъ зъ-за хво́и выстрелиу у розбойницу и заби́у тую віѣдзьму. Вона розлиласе у смолу́, сказауши ту́лько: „цеперъ же годзи мніѣ жици и людзе й губици; ты мене перехитриу." Кажуть зноу, што передъ сме́рцею показала ёму усѣньки свое скáрбы и потумъ уже сконала дзіѣсь у ліѣхахъ."

Хотя Шафарикъ относитъ Заблудовскій говоръ къ Бѣлорусскому нарѣчію, но въ немъ только и есть Бѣлорусскаго, что смягченіе *е* и условленное имъ смягченіе предыдущихъ согласныхъ, между прочимъ *д*, *т* въ *дз*, *ц*. Всѣ же прочіе признаки (различеніе *ы* и *и*, *о=у*, *е=ю*, *ѣ=іѣ*, *г=h*, *д=јдж*, *в=у*, *у=в*, *л=в*, опущеніе *тъ* въ 3 л., опущеніе *н* эвфон. въ мѣст. онъ: на іюомъ, пудъ ею) частью встрѣчаются въ малорусскомъ нарѣчіи, частью предполагаются имъ. Ударенія—малорусскія и свободныя отъ польскаго вліянія. Въ Заблудовскомъ говорѣ и смежныхъ малорусскихъ—*уо* (одинъ слогъ) вм. *о*: вуонъ, муой, Буогъ, нуочъ, двуоръ, муогъ, муоцны, гуолька, Заблудуовье, найбуольшы, беруозка, пщуолъ (род. мн.) луозъ (id.) на туомъ, по туомъ, патыкуовъ, у новуой, куосонька, голуовонька, здоруовьечко, лебьюодка; изрѣдка чистое у:

не пудманешь, у гетумъ, пудъ тобою, лебьюдка. Буква *л* переходитъ послѣ гласной въ букву *у* въ концѣ и серединѣ словъ: быу, бывау, стояу, стоупъ, воуна, жоуты, доуго, жоунiѣръ; въ эту же букву измѣняется и *в* послѣ гласной: поптоуши, прауда. Послѣ буквы *д* вставляется *з:* дзиця, дзень, дзѣука, злодзѣй. Буква *т* часто перемѣняется въ *ц:* стояци, знаци, стоуйце, дзиця, бацько. Въ глаголахъ 1-го спряженiя въ 3-мъ лицѣ отбрасывается буква *т:* бѣгае, мае, каже. Въ прилагательныхъ отбрасывается *й*—добры, милы, мни, гуорки. Буква *т* выбрасывается въ серединѣ словъ: скло, склянка, сроги. Въ началѣ словъ, начинающихся съ гласной, прибавляются придиханiя—или *в*, или *г:* вуонъ, вона, воно, воны, гэтой, гэта, гэто. Буква *г* выговаривается какъ латинское *h; у* и *и* всегда краткiя.

Въ послѣдующихъ выпускахъ замѣтки о здѣшнемъ языкѣ будутъ приведены въ болѣе полномъ и систематическомъ видѣ.

Далѣе въ пѣсняхъ, главнымъ образомъ, поражаетъ отсутствiе историческихъ. Во всемъ первомъ выпускѣ едва набралось девять пѣсенъ, отчасти сохранившихъ нѣкоторыя историческiя воспоминанiя, но не о фактахъ, а объ ихъ слѣдствiяхъ. Такъ наприм., нѣтъ ни одной пѣсни, гдѣ бы говорилось о столкновенiяхъ Западно-Руссовъ съ Мазовшанами, Литвою, Татарами и Поляками (въ Великорусскомъ народномъ творчествѣ, какъ извѣстно, существуетъ цѣлый отдѣлъ историческихъ пѣсенъ Владимiрова времени,

татарскаго времени и т. д.); вмѣсто всего этого есть только одни заключенія, выводы, что, напримѣръ, „Полякъ—сучий сынъ, поглумившій русскую (православную) вѣру,“ „Пульша проклята“ и т. п.

Отсутствіе былевыхъ пѣсенъ кроется въ самой исторіи здѣшняго края. Между тѣмъ край этотъ жилъ общею со всею тогдашнею Русью жизнью вплоть до XIII в. Свидѣтельствомъ этой связи могутъ служить слѣдующія отрывочныя свидѣтельства изъ лѣтописи Нестора: (983 г.) *„Иде Владиміръ на Ятвязи и побѣди Ятвязи и вся землю ихъ“* [6]) (1038 г.) *„Ярославъ иде на Ятвязи“*... (1040 г.) *„Ярославъ иде на Литву“*... (1041 г.) *„Иде Ярославъ на Мазовшаны въ лодьяхъ* (по Бугу)“... (1047) *„Ярославъ иде на Мазовшаны, и побѣди я, и князя ихъ уби Моислава, и покори я Казиміру польскому королю* (женатому на Ярославовой сестрѣ Доброгнѣвѣ).

Съ появленіемъ Татаръ въ Западной Россіи, когда Восточная уже не могла подать своей родной сестрѣ руку помощи, знаменитый Даніилъ, пламенно желавшій свергнуть монгольское иго, въ крайности обратился (въ 1246 г.) къ римскому папѣ Иннокентію IV, прося о поддержкѣ противъ общаго врага. Помощь эта обусловливалась уніею, сближеніемъ съ латинскою церковью, но съ сохраненіемъ обрядовъ православной церкви. Въ это время, какъ бы случайно, проѣзжалъ чрезъ Владиміро-Волынскъ въ Орду папскій легатъ Плано-Карпини, отнесшійся съ большимъ участіемъ (!) къ судьбѣ Западной Руси. Не смотря на то, что

---

6) Преимущественно Волковыскій уѣздъ Гродней. губ.

папа сталъ уже называть Даніила своимъ любезнѣйшимъ сыномъ и просить иностранныхъ государей о всеобщемъ ополченіи, обѣщанная помощь не являлась. Такъ протекло нѣсколько лѣтъ. Видя всю безплодность сближенія съ Римомъ, Даніилъ прервалъ съ нимъ всякія сношенія. Но какъ бы то ни было, основный камень былъ положенъ, и наслѣдники Иннокентія IV, при посредствѣ Польши, не отказались, какъ то доказала исторія, отъ своихъ видовъ на Западную Русь. Да и наконецъ послѣдующіе союзы Даніила съ князьями польскими и мазовецкими въ борьбѣ съ Ятвягами не мало способствовали удаленію Западной Руси отъ восточной, заполоненной Татарами.

Пѣсня на стран. 7-ой воспѣваетъ дружину Минскаго удѣльнаго князя, идущую отъ Слуцка и Клецка къ Пинску, для обороны его отъ Ляховъ (Поляковъ). Но такъ какъ, во времена удѣльныя, порядку и согласія было мало, то пришедшія къ Пинску дружины

...не дали рады,
Погинули вси отъ здрады,

т. е., не посовѣтовавшись, не условившись заранѣе о единствѣ дѣйствій, были разбиты, вслѣдствіе своей измѣны, Поляками. Пѣсня заканчивается тѣмъ, что одинъ изъ русскихъ воиновъ (а можетъ быть, и самъ князь), уцѣлѣвшій въ битвѣ, сознается въ общемъ тогдашнемъ грѣхѣ—въ отсутствіи порядка и единства дѣйствій, причинившемъ нашимъ предкамъ множество бѣдъ. Этотъ уцѣлѣвшій воинъ даетъ обѣщаніе сходить во время великаго поста въ Туровъ, къ владыкѣ, и отслужить тамъ молебенъ. Единственное его желаніе и утѣшеніе заключается въ слѣдующемъ:

День и ночь буду молити,
День и ночь буду просити,
Щобы сгинули Ляхи!

Пѣсня эта несомнѣнно относится къ весьма раннему времени русской исторіи.

Или вотъ наприм. (стр. 116) крестьяне Минскіе ждутъ не дождутся, когда къ нимъ придутъ *Москали*,

Наши сродные,
Вѣры одныя!

Было бы намъ хорошо, и мы были бы счастливы, продолжаютъ Минскіе кретьяне, *когда бы вся Русь, держась одною силою, за-одно была. Но, вѣроятно, за грѣхи пришли къ намъ Ляхи и заняли нашъ край.*

Ой Ляхи бъ не пришлы,
Щобъ паны ихъ не свелы,
Ой *паны* щобы пропалы,
Що *Ляхамъ насъ запродалы;*
Ой, паны, щобъ вы сгинулы,
Що вы *вѣру покинулы.*

Разумѣется, первый панъ, запродавшій Западную Русь Полякамъ, есть Ягайло, и народъ, проклинающій пановъ за измѣну своей родной странѣ и „старожитной" вѣрѣ, проклинаетъ во первыхъ Ягайлу. Пѣсня эта, какъ надо полагать, сложилась не во время Ягайлы, но при ближайшихъ его наслѣдникахъ.

Дурная память о Полякахъ вошла даже и въ заклинанія. На 117-ой стран. перваго выпуска заклинается человѣкъ. Заклинающій начинаетъ съ того, что въ темномъ лѣсѣ, надъ

Вислицою, среди Кислицкаго бора, есть проклятый (и потому) засохшій сукъ; на этомъ суку сидитъ крукъ (воронъ), къ которому заклинающій обращается съ просьбою, чтобы онъ погубилъ его лиходѣя:

Загубы яго ты душу,
Высуши якъ гэту грушу,
Якъ Русь Ляхи загубыли,
Якъ Русь Ляхи полоныли.

Помимо приведенной исторической черты, заклинаніе это представляетъ еще черту миѳологическую, именно: *крукъ* (воронъ) названъ *старшимъ внукомъ Чернобога;* наконецъ, упоминается о древнихъ Славянскихъ божествахъ *Ладѣ* и *Дивѣ.*

Пѣсня на стран. 115-ой весьма замѣчательна: во первыхъ, она служитъ доказательствомъ, что здѣшній народъ незнакомый съ писанною исторіей, хорошо помнитъ и глубоко сознаетъ, что „старожитная" его вѣра есть вѣра русская, православная, что къ этой вѣрѣ народъ русскій приведенъ княземъ Владиміромъ, поразившимъ Чернобога, что по всѣмъ здѣшнимъ городамъ (пѣсня упоминаетъ собственно о церквахъ православныхъ въ Туровѣ, Слуцкѣ, Несвижѣ), еще со временъ Владиміра, были поставлены православныя церкви; что *латынь, эта нечистая сила,* является уже гораздо позднѣе, въ эпоху князя Радзивила:

Понайшла нечиста сила,
Русску вѣру поглумила:
Батьки (прав. свящ.) *въ церкви не служили,*
А ксендзы имшу вопили.

Выраженіе „батьки въцеркви не служили“ объясняется такъ: православные священники были, существовали, но надъ ними совершалось насиліе: ихъ не пускали въ церковь, сданную въ аренду Жиду, а ксендзамъ было предоставлено широкое раздолье вопить. Для великорусскихъ читателей пояснимъ, что слово *вопить* слѣдуетъ понимать буквально: кто не бывалъ въ Западно-Русскомъ краѣ, тотъ не можетъ себѣ представить какіе вопли испускаются ксендзами въ костелахъ, вопли, въ соединеніи съ женскимъ пискомъ девотокъ, переходящіе въ нѣчто отчаянно-безобразное. Въ Москвѣ, гдѣ также есть костелъ, намъ не приходилось слышать такого безобразія.

Приведенная пѣсня православныхъ крестьянъ заканчивается слезами и молитвою предъ Св. Юріемъ, во имя котораго создана, по свидѣтельству пѣсни, первая православная церковь въ Несвижѣ,

Щобъ его святая сила
Поконала Радзивила.

Въ этой пѣснѣ мы опять встрѣчаемся съ божествами и суевѣріемъ древней Руси: съ Чернобогомъ (резиденція его, по пѣсни, Туровъ Рогъ) и Вѣдьмами, слетающимися ночью на Лысую Гору.

Пѣсня на 169-ой стран. объясняетъ отношенія здѣшняго жителя (преимущественно—Малорусса), подъ видомъ разговора сына съ матерью, къ Великоруссамъ. Мать, недовольная сыномъ, прогоняетъ его къ Ордѣ (Татарамъ).— Меня Орда знаетъ, отвѣчаетъ сынъ, она меня бѣгаетъ въ полѣ.— Ну, такъ ступай къ Туркамъ, говоритъ мать.— И они меня знаютъ: серебро и золото я отъ нихъ получаю.— Ну, такъ

ступай въ Польшу.— И Польша меня знаетъ, я пью у ней медъ и пиво.— Ну такъ ступай къ Русинамъ (Великоруссамъ).— Великорусcъ меня зоветъ, давно зоветъ къ себѣ я съ нимъ буду жить и лупить Ляховъ и Турокъ.

Эта пѣсня достаточно говоритъ и довольно ясно указываетъ на тотъ центръ, къ которому тяготѣетъ и долженъ, вслѣдствіе историческаго хода, тяготѣть здѣшній край. Это заявленіе и сознаніе народное, переходящее изъ устъ въ уста въ видѣ пѣсни, драгоцѣннѣе всякаго драгоцѣннѣйшаго историческаго документа, говорящаго хотя тоже самое, но только въ извѣстный историческій моментъ. Пѣсня же, записанная такъ сказать вчера, говоритъ не о прошедшемъ, а о современномъ стремленіи народа, которое можетъ быть подтверждено всею предъидущею исторіею.

Приводимъ блистательнѣйшее историческое подтвержденіе помѣщенной у насъ пѣсни. Подтвержденіе это есть рѣчь Богдана Хмельницкаго, держанная имъ къ войску и народу Запорожскому 8 января 1654 года:

„Паны полковники, есаулы, сотники, все войско Запорожское и всѣ православные христіане! Вѣдомо вамъ всѣмъ, какъ Богъ освободилъ насъ изъ рукъ враговъ, гонящихъ церковь Божію и озлобляющихъ все христіанство нашего восточнаго православія. Вотъ уже шесть лѣтъ живемъ мы безъ государя, въ безпрестанныхъ браняхъ и кровопролитіяхъ съ *гонителями и врагами нашими, хотящими искоренить церковь Божію, дабы имя Русское не помянулось въ землѣ нашей*, что уже очень намъ всѣмъ наскучило, и видимъ, что *нельзя намъ жить больше безъ царя.*

Для этого собрали мы раду, явную всему народу, чтобъ вы съ нами *выбрали себѣ государя изъ четырехъ*, какого хотите: *первый—царь Турецкій*, который много разъ черезъ пословъ своихъ призывалъ насъ подъ свою власть; *второй—ханъ Крымскій; третій—король Польскій*, который, если захотимъ, и теперь насъ еще въ прежнюю ласку принять можетъ; *четвертый есть православный Великой Россіи государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Руси самодержецъ восточный*, котораго мы уже шесть лѣтъ безпрестанными моленіями нашими себѣ просимъ: тутъ котораго хотите избирайте! *Царь Турецкій бусурманъ;* всѣмъ вамъ извѣстно, какъ братья наши, православные христіане, Греки бѣду терпятъ и въ какомъ живутъ отъ безбожныхъ утѣсненіи; *Крымскій ханъ тоже бусурманъ*, котораго мы по нуждѣ въ дружбу принявши, какія нестерпимыя бѣды испытали! *Объ утѣсненіяхъ отъ Польскихъ пановъ нечего и говорить: сами знаете, что лучше Жида и пса, нежели христіанина, брата нашего, почитали. А православный* христіанскій великій государь *царь восточный единаго съ нами благочестія*, Греческаго закона, *единаго исповѣданія*, едино мы тѣло церковное съ православіемъ Великой Россіи, главу имѣя Іисуса Христа. Этотъ великій государь царь христіанскій, сжалившись надъ нестерпимымъ озлобленіемъ православной церкви въ нашей Малой Россіи, шестилѣтнихъ нашихъ моленій безпрестанныхъ не презрѣвши, теперь милостивое свое царское сердце къ намъ склонивши, своихъ великихъ ближнихъ людей къ намъ съ царскою милостію своею прислать изволилъ; если мы его съ усердіемъ возлюбимъ, то кромѣ

его царской высокой руки благотишайшаго пристанища не обрящемъ; *если же кто съ нами не согласенъ, то куда хочетъ—вольная дорога*". Тутъ весь народъ завопилъ: „*Волимъ подъ царя восточнаго православнаго!* лучше въ своей благочестивой вѣрѣ умереть, нежели ненавистнику Христову, поганину достаться!" Потомъ полковникъ Переяславскій Тетеря, ходя въ кругу, спрашивалъ на всѣ стороны: „Всѣ ли такъ соизволяете?" — „*Всѣ единодушно!*" раздавался отвѣтъ. Гетманъ сталъ опять говорить: „Будь такъ; да Господь Богъ нашъ укрѣпитъ насъ подъ его царскою крѣпкою рукою!" Народъ на это завопилъ единогласно: „*Боже утверди!* Боже *укрѣпи! чтобъ мы во вѣки все едино были*" [7]).

Пѣсня, помѣщенная у насъ на стран. 62-й, воспѣваетъ одно, вѣроятно, изъ многихъ насилій, совершавшихся панами надъ молодыми крестьянками. Вотъ что говоритъ пѣсня: Подолянка (въ Подоліи) смотрѣла съ крыльца на королевскій поѣздъ. *Крулевичъ* замѣтилъ ее и приказалъ своимъ вѣрнымъ слугамъ привести молодую Подолянку къ себѣ. Разумѣется, приказаніе было исполнено. Находясь въ насильномъ плѣну у Амура, дочь пишетъ къ матери, чтобы эта послѣдняя прислала ей рубашекъ, *бѣлый чепецъ* и капку *на бѣлую головоньку* (символъ *женщины*). Мать спрашиваетъ: дитя мое родное, гдѣ же ты ходила, что *вѣнокъ* (символъ *дѣвушки*) свой загубила? Дочь отвѣчаетъ, что ее увезли насильно:

---

7) Соловьева, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. X, стр. 321—322.

XXXIV

Моя матюнко рідна,
Іхала вперодъ конемъ,
Я стояла підъ мычемъ,
Брала шлюбъ *зъ нывірнымъ Полякомъ*
Нашымъ паномъ крулевычомъ.

Пѣсня эта, помимо возмутительнаго содержанія, прекрасно характеризуетъ отношенія православнаго крестьянства къ латино-польскому правительству: „хотя крулевичъ—нашъ панъ, но все таки онъ—невѣрный Полякъ, человѣкъ не нашей старожитной вѣры, чуждый намъ."

Двѣ пѣсни на стран. 95—96-ой сохранили въ себѣ воспоминаніе о Татарахъ и Туркахъ, о томъ какъ первые воевали Подолъ и захватили съ собою трехъ сестеръ-Подоляночекъ; о плѣнѣ въ турецкой землѣ, о бѣгствѣ изъ плѣна и погонѣ турецкой за бѣжавшими. Одинъ изъ бѣжавшихъ, достигши родины, хочетъ продать коня „за мёдъ, за горѣлку, за хорошую дѣвку." Конь припоминаетъ хозяину свои заслуги, и между ними особенно ту, что если бы не онъ, не конь, то пану сидѣть бы и теперь въ плѣну.

На 123-й стр. также упоминается о Татарахъ, о ихъ ночныхъ продѣлкахъ. Въ этой пѣснѣ вниманіе особенно останавливается на слѣдующемъ выраженіи: „іхали Татарэ-*Буярэ*." Что такое *буярэ? Буяны,* съ передѣлкою окончанія въ *р* для рифмы, или *бояре?* Въ пользу того, что *буярэ — буяны,* говорятъ первые три стиха пѣсни:

О сюй ночи *стучало — гриміло,*
Я думала, што братъ зъ вуйска йидэ.
А то іхали Татарэ—Буярэ...

о, можетъ быть, *буяръ*=бояре. Слово это, имѣющее
ъ Восточной Россіи извѣстное значеніе, не имѣетъ такого
ъ Западной. Быть можетъ, и здѣсь бояре были нѣкогда,
о Ягайлы, настоящими боярами, но позднѣе они явля-
тся какими-то разсыльными, вѣстовыми при панахъ, даже
иже обыкновенной шляхты. Зубрицкій, въ своей исторіи
алиціи, упоминаетъ, что значеніе бояръ было унижено
ъ умысломъ. Послѣ этого, нѣтъ ничего мудрёнаго, что
бояре, поставленные нравственно и матеріально весьма
изко, считали, быть можетъ, за честь якшаться съ Та-
тарами, имѣвшими богатыя помѣстья въ здѣшнемъ краѣ.

О происхожденіи Литовскихъ Татаръ есть цѣлая книга,
аписанная г. Мухлинскимъ. Татары, селившіеся въ За-
адныхъ губерніяхъ, были 1) или оставшіеся отъ временъ на-
шествія; 2) или плѣнные, приглашенные Витовтомъ; 3) или
ыходцы, добровольно поселившіеся. Наконецъ, извѣстно,
что Литовскіе князья нанимали Татаръ; такъ напримѣръ,
Гедимина они составляли всегда передовое войско, и нѣко-
торые изъ нихъ получили въ награду земли. Витовтъ, захва-
ившій въ 1397 году нѣсколько улусовъ, пригласилъ плѣн-
ыхъ, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми въ Литву, и образовалъ
татарскія колоніи въ Виленской губерніи (по берегамъ
р. Ваки) и въ Гродненской (Сокольскій уѣздъ и часть
Брестскаго). Землею Татары владѣли свободно, были о-
вобождены отъ податей и сборовъ, и вѣра ихъ была тер-
пима князьями. Позднѣе, послѣ битвы при Клёцкѣ (1506),
плѣнные Татары поселились на мѣстѣ пораженія и въ смеж-
ныхъ мѣстечкахъ; много Татаръ поселилось также во вла-

дѣніяхъ князя Острожскаго. Александръ I и Сигизмундъ жаловали Татаръ землею, съ обязательствомъ защищать край. Права бековъ и мурзъ были тѣже, что и князей вельможъ, пановъ и шляхты. Татарамъ дозволялось жениться на Литовкахъ, съ условіемъ имѣть одну жену обычай единобрачія существуетъ и до сихъ поръ. Коранъ писался на польскомъ языкѣ арабскими буквами; молитвенники и сочиненія религіознаго содержанія, съ польскимъ, бѣлорусскимъ и малорусскимъ переводомъ, относящіеся къ XVI столѣтію, встрѣчаются и теперь въ значительномъ количествѣ Но мирное житіе Татаръ вскорѣ нарушилось. По наущенію несравненныхъ отцовъ іезуитовъ Сигизмундъ III воздвигъ гоненіе на Татаръ; ихъ обвиняли въ сношеніи съ врагомъ рода человѣческаго, діаволомъ и сожигали. Только уже много спустя, польское законодательство смягчилось. Въ настоящее время въ сѣверо-западномъ краѣ (въ 6 губерніяхъ) считается отъ 4 до тысячъ Татаръ. Многіе изъ нихъ, во время гоненій, перешли въ Турцію и Крымъ. На сколько намъ извѣстно и какъ мы отъ многихъ слышали, Татары живутъ и ведутъ себя честно, не такъ какъ Евреи, но, въ тоже время съ туземцами не сливаются. Впрочемъ, они говорятъ и пишутъ мѣстнымъ языкомъ, но только транскрипціи арабская.

На стран. 111-ой, козакъ Грицъ *изъ-за Дуная*, не пропускающій ни одной войны въ неспокойное для Царя время припоминаетъ, какъ гетманъ запорожскій

Нагайкою сікъ Поляка,
А Французувъ и Турчинувъ

Коловъ, вішавъ сучьихъ сыновъ.

Пѣсня эта несомнѣнно принадлежитъ съ самому позднѣйшему времени, но замѣчательна особенно потому, что ь ней сохранилось воспоминаніе о гетманщинѣ—живое, не рхеологическое.

Вотъ и все, собственное-историческое, въ тѣсномъ смыцѣ, содержащееся въ первомъ выпускѣ. Въ приведенномъ ами нѣтъ какихъ либо новыхъ историческихъ фактовъ указаній, ускользнувшихъ отъ вниманія лѣтописцевъ. ю во всякомъ случаѣ важно для общества и науки распѣваемое до настоящаго времени народомъ подтвержденіе ой непререкаемой исторической истины, что Полякъ—еловѣкъ чуждый для здѣшняго края, угнетатель, *невѣрный, проклятый, сучій сынъ*. Да не сердятся на насъ за эти эпитеты: не нами они созданы и не нами даны—создали ихъ сами Поляки, далъ же ихъ vox populi. Факты изъ исторіи не внѣшней, а собственно внутренней, бытовой будутъ предложены ниже, въ пѣсняхъ, говорящихъ о панщинѣ или барщинѣ.

Теперь перейдемъ къ Евреямъ или, какъ называетъ ихъ повсемѣстно русскій народъ, Жидамъ. Много ли говорится о нихъ въ нашемъ первомъ выпускѣ? Какими они тамъ нарисованы?

Говорится о нихъ не много—всего, кажется, раза два. Такая бѣдность пѣсенныхъ извѣстій о Евреяхъ объясняется, вопервыхъ, не весьма большимъ количестомъ пѣсенъ, вошедшихъ въ первый выпускъ; во вторыхъ—тѣмъ, что пѣсни записаны большею частью отъ Малоруссовъ, пле-

мени живаго и энергическаго, менѣе разбросаннаго, под-
держиваемаго съ югу истыми Малоруссами; да и наконец
Евреевъ значительно меньше въ южныхъ уѣздахъ Гро-
ненской губерніи, чѣмъ въ другихъ пунктахъ сѣверо-за-
паднаго края. Мы надѣемся достичь въ этомъ отношен-
другихъ результатовъ, при послѣдующихъ выпускахъ, когд
количество бѣлорусскихъ пѣсенъ будетъ значительно пре-
обладать надъ малорусскими. Если уже на самомъ юг
среди запорожцевъ, сохранилась (см. Кулиша, Записки
Южной Руси) память объ Іудейскомъ гнетѣ, то какъ ж
ей не сохраниться въ здѣшнемъ, сѣверо-западномъ краѣ.

Вотъ что поютъ Запорожцы о Жидахъ:

... у земли королевскуй до добра не було,
Якъ Жиды рандари вси шляхи козацьки зарандовали,
На днуй мили да по три шинки становылы,
Становылы шинки на долынахъ,
Звóдылы щоглы на высокихъ могилахъ,
Да брали миту про-миту
Одъ воюваго по повзолотого,
Одъ пышога-пѣшеныцы
По тры денежки мыта бралы,
Одъ неборака старця
Бралы крупы да яйца,
Да й ще пытае:
—Цы нема, котыкъ, сще цого?

—Ой Жыды жъ вы, Жиды рандаре!
Екъ (якъ) изъ нызу літни вытеръ повьие,

XXXIX

Вся ваша Жидовьска сторожа погине.
Тогди жъ то икъ (якъ) у святы день во вторныкъ,
Гатьманъ Хмельницки козакувъ до всходу сонця у по-
ходъ выправлявъ,
Тогда Хмельницки на славну Украину прибувавъ,
То Жыда рядара не годняго (одного) не зустававъ.

У Кулиша есть еще народныя указанія и на то, какъ Жиды держали на арендѣ церкви [8]), мѣлили пасху и проч.;

---

[8]) Не можемъ не припомнить нашимъ читателямъ поразительнаго факта еврейской монополіи по отношенію къ православнымъ церквамъ въ юго-западномъ краѣ *даже въ настоящее время*. Фактъ этотъ перепечатанъ изъ «Кіевскаго Телеграфа» въ 149 № «Виленскаго Вѣстника». Вотъ онъ:

Въ засѣданіи совѣта Кіевскаго Св. Владимірскаго братства, 26 мая 1866 года, была читана записка св. Липовецкаго у., Ѳ. Ляхоцкаго, слѣдующаго содержанія: а) восковыя свѣчи, отъ распродажи которыхъ при церквахъ получается главный источникъ для содержанія духовно-учебныхъ заведеній, съ каждымъ годомъ значительно подымаются въ цѣнѣ, а отъ этого съ каждымъ годомъ умаляется «чистая прибыль» отъ свѣчной продажи. Умаленіе «чистой прибыли» случилось именно въ ту пору, когда, напротивъ, требуется большее количество *ея*, когда настоитъ безотлагательная потребность въ улучшеніи быта духовныхъ воспитанниковъ и воспитателей. Въ спискѣ замѣчено, что причина возвышающейся цѣны на восковыя свѣчи та, что воскъ скупаютъ *Евреи*; что воскъ, до выдѣлки изъ него свѣчей, переходитъ чрезъ пять или шесть рукъ Евреевъ же; каждыя руки, само собою разумѣется, стараются извлечь для себя наибольшую прибыль. Такъ какъ восковыя свѣчи главнымъ образомъ употребляются въ православной церкви, то *Евреямъ* не слѣдовало бы вести торговлю воскомъ. По этому въ запискѣ предложено, чтобы кіевское Св. Владимірское братство учредило отъ себя по одной конторѣ въ каждомъ уѣздѣ Кіевской епархіи. Въ эти конторы приходскіе священники могли бы доставлять чрезъ церковныхъ старостъ воскъ изъ пасекъ, находящихся въ приходѣ. Въ этихъ же конторахъ можно бы завести и склады для продажи восковыхъ свѣчей. б) Такъ какъ *Евреи*, находящіеся подъ особымъ покровительствомъ Поляковъ, за-

все это, какъ обще и всѣмъ извѣстное мы не приводимъ.

Въ нашемъ первомъ выпускѣ Еврей является во первыхъ—шинкаремъ:

Дай горылки, Жидку Юдко! (стр. 93),

во вторыхъ — противникомъ христіанскаго ученія, виновникомъ распятія Іисуса Христа:

Жыдова нэхрысть
Мостомъ ишлы,
Іисуса Христа морэмъ вэлы,
Якъ прывели ажъ до міета,
Сталы Его мурдоваты
И до крыжа прыбываты.

(стран. 210.)

въ третьихъ — существомъ, до котораго не совѣтовалось дотрогиваться:

Не чепай Жида, не марай вида.

(стр. 290.)

владѣли въ этомъ краѣ всею вообще торговлею въ уѣздахъ и мѣстечкахъ; то, кромѣ еврейскихъ лавокъ, трудно по деревнямъ доставать муку на просфиры и вино церковное для богослуженія. Пшеничную же муку *Евреи* продаютъ смѣшанную съ ячменною и мѣломъ для увеличенія вѣса; а красное вино *Евреи* составляютъ изъ соковъ разныхъ овощей и ягодъ съ добавкой меду, сахару и т. п. «Иногда, какъ сказано въ запискѣ, невозможно бываетъ и опредѣлить, что за составъ въ бутылкѣ, купленный подъ названіемъ церковное вино». И такія вещества, пріобрѣтаемыя въ еврейскихъ лавкахъ, должны быть употребляемы для священнѣйшаго Таинства Тѣла и Крови Христовой! Для устраненія этого, по предложенію о. Ляхоцкаго, весьма полезно было бы для церкви, если бы Св. Владимірское братство испросило у гражданскаго начальства позволенія—учредить при свѣчныхъ конторахъ также склады для пшеничной муки на просфиры и церковнаго вина, для богослуженія.

Появленіе Евреевъ въ здѣшнемъ краѣ неизвѣстно положительно. Ярошевичъ и Нарбутъ относятъ фактъ этотъ къ XII столѣтію. Нарбутъ говоритъ, что Евреи, выгнанные въ 1155 году изъ Кіева за измѣну и тайныя сношенія съ Греками, переселились въ Литву; впрочемъ, мнѣніе это основано на словахъ одной нѣмецкой хроники. Только въ XIV вѣкѣ Евреи стали извѣстны какъ Евреи, какъ язва, когда король Казиміръ, заключившись въ объятія Жидовки Эстерки, осыпалъ щедротами ея единоплеменниковъ. Съ этого времени Евреи посыпались въ здѣшній край какъ яблоки съ яблони, давя и прибивая крестьянство. Въ послѣдующіе вѣка это пришлое или, пожалуй, приглашенное пришлою шляхтой и правительствомъ зло стало непомѣрно плодиться и множиться [9]). Витовтъ, давшій Татарамъ права, далъ и Евреямъ привилегіи, подтверждав-

---

9) Въ «Варшавскомъ Дневникѣ» (за нынѣшній годъ) пишутъ, что прибыль еврейскаго населенія во всѣхъ государствахъ Европы весьма значительна; въ Царствѣ Польскомъ въ 1846 году было 530, 363 Еврея, а въ 1864—652, 972. Такое значительное увеличеніе количества еврейскихъ головъ объясняется слѣдующею выдержкою изъ 29 № «Минскихъ Губ. Вѣдомостей»: Въ одномъ мѣстѣ Талмуда сказано: «Когда дѣти Израилевы разножатся такъ, что ихъ будетъ столько числомъ, сколько песчинокъ на берегу морей, то тогда они завладѣютъ всѣмъ міромъ, будутъ властвовать на землѣ, прійдетъ Мессія и возсядетъ на престолъ Давидовъ». Желая скорѣе этого достигнуть, они женятъ даже 14 лѣтнихъ мальчиковъ; дѣвушки обыкновенно выходятъ позже 16 лѣтъ, бываетъ такъ что мужу 15, а женѣ 25—28 лѣтъ; на эту разницу и несовершеннолѣтіе они не смотрятъ, но наблюдаютъ только, чтобы мальчикъ не избаловался, не приволокнулся-бы... но главное, не тратилъ-бы денегъ на удовлетвореніе раждающейся страсти, которая у нихъ рано развивается, вслѣдствіе жгучихъ и возбуждающихъ приправъ въ кушаньяхъ: луку, перцу, шафрану, имбирю и др.

нiяся его преемниками. Латино-польское правительство, самовольно распоряжавшееся въ православной Западной Руси, *приманивало*, по еврейскому выраженiю, Евреевъ различными правами и привилегiями, въ ущербъ и во зло туземному населенiю. Въ XVI столѣтiи дѣло дошло уже до того, что очевидецъ и лѣтописецъ литовскiй Михалонъ долженъ былъ сказать слѣдующее: „Въ эту страну (Западную Русь) собрался отовсюду самый дурной изъ всѣхъ народовъ — *Iудейскiй* (omnium pessima gens Iudaica), распространившiйся по всѣмъ городамъ Подолiи, Волыни и другихъ плодородныхъ областей, народъ *вѣроломный, хитрый, вредный* (perfida, callida, caluminatrix), который *портитъ наши товары, поддѣлываетъ деньги, подписи, печати, на всѣхъ рынкахъ отнимаетъ у христiанъ средства къ жизни, не знаетъ другого искусства, кромѣ обмана и клеветы*, самое дурное поколѣнiе Халдейское, какъ свидѣтельствуетъ Священное Писанiе, поколѣнiе развратное, грѣховное, вѣроломное, негодное (ex progenie chaldeorum natio pessima vi tradunt sacrae literae, adultera, peccatrix, infidelis, nequam, perversa).“ Тоже самое мы видимъ и теперь. Около этого времени, по свидѣтельству Ярошевича (Obraz Litwy, II, 50), на Люблинскомъ сеймѣ депутаты жаловались на отдачу Евреямъ казенныхъ статей: мельницъ, пивоварень, торговыхъ пошлинъ, мыта. Уже тогда въ рукахъ еврейскихъ были всѣ корчмы, слѣдовательно всѣ средства, чтобы споить и опутать крестьянина. Вскорѣ къ Евреямъ попали въ руки значительныя земли и аренда православныхъ церквей, обстоятельство, возбудившее броженiе умовъ противъ Евреевъ. Въ этомъ бро-

женіи—современные намъ, слывущіе за ученыхъ, Евреи усматриваютъ средневѣковый фанатизмъ. Но какъ бы взглянули эти же Евреи на тѣхъ, кто бы принялъ подъ такую же самую опеку ихъ синагоги? Вѣра и храмъ—вещи священныя, и всякій, прикасающійся къ нимъ, долженъ нести полный отвѣтъ. Понимая очень хорошо это обстоятельство, такъ называемые ученые Евреи какъ бы неумышленно замѣчаютъ, что избіеніе Жидовъ гайдамаками есть тоже самое, что прежніе латино-польскіе распорядки. Такого наглаго сближенія и толкованія одного изъ замѣчательныхъ, хотя и грозныхъ историческихъ фактовъ, мы не ожидали отъ *ученыхъ* Евреевъ; но, вспомнивъ, что Еврей, во что бы онъ ни облекался, есть все тотъ же Еврей, на все способный... мы успокоились.

Спасаясь отъ преслѣдованій и гоненій Западной Европы и найдя въ Западной Россіи радушный пріемъ,—чѣмъ за это все отплатили Евреи здѣшнему населенію? Подделкою монетъ и кредитныхъ рублей, энергически продолжающеюся и въ настоящее время; контробандою; грабежемъ крестьянъ, отданныхъ польскими панами въ полное распоряженіе Евреевъ; захватомъ земель и казенныхъ доходныхъ статей въ свои руки; посягновеніемъ на православную святыню и обряды. Словомъ, Евреи хотѣли выместить на здѣшнемъ православномъ населеніи всѣ тѣ обиды и преслѣдованія, которымъ подвергались на Западѣ. Минуя вопросъ о благородствѣ и честности такихъ отношеній, мы спросимъ: можетъ ли здѣшнее крестьянство простить и забыть вѣковыя еврейскія насилія и оскорбленія? Даже и въ настоящее время, по свидѣтельству г. Ко-

ревы [10]), на котораго особенно любитъ ссылаться еврей М. Р., авторъ одной изъ статей въ защиту Евреевъ [11]), — отношенія Евреевъ къ крестьянамъ таковы: „Еврей гордъ и тщеславенъ, простой крестьянинъ въ его глазахъ есть существо, недостойное вниманія; стоитъ послушать разговоръ простаго Еврея съ простымъ же мужикомъ, въ случаяхъ, когда въ немъ не нуждается Еврей; его отрывистыя выраженія и презрительный голосъ доказываютъ внутреннее состояніе души; — и онъ какъ будто вынужденъ говорить съ креатурой недостойной его. Но тотъ же самый крестьянинъ, въ минуту надобности, удостоивается ласковаго титула васпанъ (waspan, милостивый государь) и на лицѣ Еврея играетъ благосклонная улыбка. Съ высшимъ же по положенію въ свѣтѣ, или по состоянію, Еврей невыносимо униженъ; лесть, поклоны, прислужничество и вообще всевозможныя добровольныя униженія онъ возлагаетъ на себя для того, чтобы имѣть случай похвастать знакомствомъ, или расположеніемъ болѣе значительнаго лица.“

Приводимъ изъ 24 № „Минскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ нынѣшняго года отрывокъ изъ „Жизни въ Борисовскомъ уѣздѣ,“ прекрасно характеризующій современныя отношенія Еврея къ здѣшнему крестьянину:

«Въ послѣднихъ числахъ октября мѣсяца прошлаго года, холодная темная ночь застала меня въ дорогѣ и я принужденъ былъ ночевать въ первой попавшейся мнѣ деревнѣ. Корчмы не было и я заѣхалъ къ мужику; закусивъ, что имѣлъ съ со-

---

10) Описаніе Виленской губерніи, стран. 416.

11) Смотр. Гакармель, №№ 11—14.

бою, завернулся въ шинель и легъ спать на скамьѣ. Часа въ 4 ночи я былъ разбуженъ стукомъ въ сѣняхъ; выглянувъ за дверь, увидалъ, что мой хозяинъ, при свѣтѣ лучины, молотитъ рожь. Дождь не переставалъ идти, на дворѣ темень, холодъ, въ избѣ же тепло, хотя немного душно отъ куръ и поросятъ. Все же какъ-то лучше, чѣмъ въ дорогѣ, да и спать мнѣ хотѣлось; но стукъ цѣпа мѣшалъ уснуть. Вскорѣ я услышалъ разговоръ хозяина съ прiѣхавшимъ Евреемъ:

—Здоровъ бувъ, Микитоцка!

„Здоровъ Ицко! што табѣ потребно?

—Ницого! я такъ iхавъ до Нацы (Нача), холодно, мокро, кобыла замордовалась (устала), а у тебе побацивъ свiтло, та й заiхавъ одвiдать добраго цоловика; якъ маесься, Микитоцка?

„Спасиба! ничего сабѣ.

—А цо то ты молотишь?

„Бачь, жито!

—Ну, помагай Бозе! у тебе тее рокъ (годъ) добре було зыто.

„Яке добре? таке развi бувае добре жито? Што то за жито, коли снопы полтретье осминъ не наберешь.

—Ховай Бозе Микитоцку! яки, яки полтретья, у сихъ буде мозе цотыри, альбо пьять. Дывысь якiй колосъ?

„Та я уже знаю што говорю; жито мое, то и знаю.

Еврей замолчалъ; мужикъ продолжалъ молотить; минуты черезъ двѣ Ицко опять началъ разговоръ:

—Ухъ, якъ холодно, Микитоцка! треба троха погрiться

(вынимаетъ изъ кармана бутылку съ водкою и стаканчикъ, наливаетъ). Ну, будь здоровъ, Микитоцка! (пьетъ) А... Якій добрый спиритусъ! цы ны хоцысъ и ты выпить?

„Давай! (Ицко наливаетъ стаканчикъ мужику, тотъ пьетъ и крякаетъ).

—Цы не хоцесъ другу?

„Давай и другу!

Выпилъ и другую, потомъ продолжаетъ молотить: минутъ чрезъ пять Еврей закурилъ трубку *файку* или же *люльку*, и предлагаетъ покурить мужичку, тотъ отказывается; потомъ Ицко предлагаетъ еще выпить, но вынимаетъ уже другую бутылку водки, настоенной вѣроятно на мухоморѣ, оттого, что самъ уже не пилъ, а подчивалъ только Микитоцку, который ошалѣлъ послѣ этой рюмки: тогда Еврей началъ выпрашивать у него гарнецъ жита, мужикъ охотно соглашается и хочетъ самъ отмѣрять; но Еврей уговариваетъ его продолжать работу, а самъ отмѣриваетъ. Видя, что пріятель Ицко вмѣсто одного гарнца насыпалъ въ мѣшокъ три, мужикъ кричитъ на него.

„Та што жъ ты кепьска (скверная) віра (вѣра) робишъ? Замись одного насыпалъ ажна три!

—Ну, нуу...! яки три? я бравъ зверху, тутъ одна полова, ну!

„Та яка тамъ полова? жито, а не полова.

—Ну, на, самъ подывись! взявъ съ земли горсть половы, поднесъ ее къ глазамъ Микитоцки. Нуу, хиба (развѣ) тутъ богато зыта, о...! (дуетъ на руку, полова летитъ мужику въ глаза) о! яке-зъ то зыто?

„А бісова вира! ты очи мени запорошивъ, поганецъ, паскудникъ!

—Аа... Оцы запоросынъ! отъ бацъ (видишь) яке то зыто? въ оцы политіло! ну, Микитоцка, не серцай! выпей еще стаканчикъ, то я и поиду. Крестьянинъ пьетъ еще, но говорить уже не связно, и плохо работаютъ его руки. Еврей выпрашиваетъ еще гарнецъ ржи, но насыпаетъ полный мѣшокъ, поспѣшно выноситъ въ свою телѣжку, возвращается къ одурѣлому Микитоцкѣ, проситъ у него куль соломы; но беретъ десять и обѣщаетъ въ недѣлю (въ воскресенье) расчитаться съ нимъ, если тотъ пріидетъ къ нему; затѣмъ уѣзжаетъ обратно домой, съ полнымъ мѣшкомъ ржи и полною телѣжкою соломы, пріобрѣтенныхъ за нѣсколько рюмокъ водки. Что же сталось съ Микиточкою? онъ упалъ на снопы и захрапѣлъ.

Вотъ какимъ образомъ Евреи пріобрѣтаютъ все отъ крестьянъ. Этой слабости подвержены не только мущины, но женщины, дѣвки и даже дѣти; я видѣлъ 10-ти-лѣтнихъ мальчиковъ, которые пили уже порцію вина, какъ взрослые работники. Корчма, это сборное мѣсто для крестьянъ, не только въ праздники, но и въ будни по вечерамъ, хотя не всѣ пьютъ тамъ, но у всѣхъ есть надежда выпить; Евреи, содержатели корчемъ, охотно даютъ въ долгъ нѣсколько осьмушекъ водки, получая за нихъ рѣдко деньги, большею же частію берутъ хлѣбомъ, сѣномъ, дровами, лучиною; отъ бабъ—куръ, яйцы, ленъ, пеньку, нитки, куски холста,—все это они послѣ продаютъ въ мѣстечкахъ и городахъ съ большею выгодою“.

Еврейскіе типы, находимые въ сочиненіяхъ Гоголя, уже

почти отжили свой вѣкъ. Гоголевскій Еврей теперь рѣдкость. Увеличивающаяся со-дня-на-день дерзость, сознаніе своей силы, поддерживаемой кагаломъ (который хотя давно запрещенъ, но продолжаетъ существовать, не въ качествѣ комитета, собирающаго казенныя подати, но уже въ видѣ совершенно сложившагося самосуда, направляющаго дѣятельность здѣшняго Израиля) [12]), нахальство—вотъ что вы теперь встрѣтите въ Евреѣ. Отъ Гоголевскаго типа сохранилось у Евреевъ одна только грязь, нечистота, зловоніе, заражающее городской и деревенскій воздухъ. Бывавшіе въ здѣшнемъ краѣ, вѣроятно, съ отвращеніемъ вспоминаютъ объ этихъ непремѣнныхъ аттрибутахъ каждаго Еврея, его жилища, улицъ, заселенныхъ ими. Потому, дозволеніе Евреямъ селиться во всѣхъ частяхъ города крайне неосторожно съ гигіенической стороны и вредно для народнаго здравія.

Все это мы видимъ теперь; но что же было прежде? Даже шляхетскій сеймъ 1788 г., при послѣднемъ польскомъ королѣ, пожелалъ заняться еврейскимъ вопросомъ, но совершавшіяся событія помѣшали этому. Съ 1802 года русское правительство предприняло рядъ реформъ въ еврейскомъ бытѣ.

---

12) На дняхъ намъ разсказывали вполнѣ достовѣрныя лица, что въ Минскѣ по случаю послѣднихъ пожаровъ роздано было погорѣльцамъ евреямъ особымъ комитетомъ казенное пособіе; но кагалъ потребовалъ у получившихъ пособіе доставить всѣ деньги въ кагалъ, что и было безпрекословно исполнено, и кагальныя власти роздали пособіе вновь по своему собственному усмотрѣнію. Какъ назвать это явленіе, какъ не status in statu, и можетъ ли оно быть не оскорбительнымъ и безопаснымъ для существующаго порядка?

По собраннымъ статистическимъ и полицейскимъ свѣдѣніямъ оказалось, что банкротства (разумѣется, злостныя) между еврейскими купцами чаще нежели между христіанскими; *евреи-фельдшера*, по деревнямъ и мѣстечкамъ, *совершенно незнакомы* съ своимъ дѣломъ; Евреи *недобросовѣстны* въ сношеніяхъ; *ненавидятъ* иновѣрцовъ, какъ всѣ полудикіе народы; *арендаторы корчемъ и земель доводятъ крестьянъ до нищеты;* огромныя государственныя недоимки; относительное количество преступленій больше (сравнительно съ христіанами), изъ коихъ главныя *подлоги и разбой* [13]).

Былъ составленъ особый комитетъ по дѣламъ объ устройствѣ Евреевъ, который заботился, главнымъ образомъ, *о просвѣщеніи ихъ и направленіи дѣятельности.* Льготъ, преимуществъ и пособій было дано много: дозволено было учиться во всѣхъ училищахъ, гимназіяхъ и университетахъ, съ дарованіемъ правъ; всѣхъ Евреевъ раздѣлили на 4 класса: земледѣльцевъ, фабрикантовъ и ремесленниковъ, купцовъ, мѣщанъ; земледѣльцы освобождались на 5 и на 10 лѣтъ отъ казенныхъ податей; фабрикантамъ и ремесленникамъ, заводившимъ фабрики, давали ссуды, безъ всякаго залога [14]).

Но Евреи не пожелали [15]) этимъ воспользоваться: мелкое и крупное плутовство, поддѣлка ассигнацій и контробанда

---

13) Описаніе Виленск. губ., стр. 295—296.

14) Полн. Собр. Зак., т. XXVIII ст. 21, 547.

15) Въ 1-мъ томѣ Вѣстника Европы сообщено, что Евреи, на увѣренія правительства о желаніи истиннаго имъ блага, отозвались просьбою—рѣшеніе еврейскаго вопроса отложить лѣтъ на 20, а до того времени оставить за ними по прежнему право аренды земель и содержанія шинковъ и корчемъ по деревнямъ.

были любезнѣе имъ. „По всей границѣ съ Пруссіей мѣстечки наполнились Евреями; даже въ деревняхъ между Брестомъ и Кринками они нанимали помѣщенія за весьма высокую цѣну [16])“.

Мѣры къ улучшенію земледѣльческаго класса Евреевъ до сихъ поръ остаются недѣйствительными: къ земледѣлію Евреи питаютъ полнѣйшее отвращеніе. Это отвращеніе развилось въ нихъ вслѣдствіе множества абсолютныхъ праздниковъ и безчисленнаго количества обрядовъ, требуемыхъ талмудомъ и препятствующихъ заниматься земледѣліемъ, какъ слѣдуетъ. Ихъ талмудическое суемудріе, дозволяя имъ только легкій трудъ, сдѣлало ихъ лѣнтяями и тунеядцами и развило въ нихъ, на этомъ основаніи, бездну пороковъ. Земледѣліемъ заниматься нельзя, а между тѣмъ надобно питаться, и вотъ явилось еврейское факторство и плутовство во всевозможныхъ видахъ.

Вотъ что говоритъ „Экономистъ“ (1862, кн. I): „Какъ древней Индіи, представительницы образованія Востока, нельзя представить безъ духовъ (девовъ и архидевовъ), такъ и Западной Руси нельзя представить безъ факторовъ; какъ въ древней Индіи нельзя отыскать одного уголка, гдѣ бы не обитали духи и не имѣли вліянія на смертнаго, такъ и въ Западной Руси нѣтъ города, нѣтъ мѣстечка, села, *даже воровской шайки*, которые бы обошлись безъ факторовъ.“ И такъ, Евреи бѣгутъ отъ земледѣлія, т. е. отъ серьезнаго и честнаго труда, не смотря на всѣ приманки: денежныя пособія, льготы, освобожденіе отъ обществен-

---

[16]) Описаніе Гродн. губ., I, стр. 102.

ныхъ и частныхъ повинностей. Почему и куда бѣгутъ, мы только что сейчасъ указали. Что дѣлать съ этой замкнутой религіозно-политическою корпораціей, внутренній бытъ которой тщательно скрывается отъ постороннихъ глазъ и которая составляетъ своего рода государство въ государствѣ. Этотъ вопросъ неоднократно подвергался обсужденію и неоднократно былъ рѣшаемъ, но никогда эти рѣшенія не были приводимы въ исполненіе во всей ихъ полнотѣ, исполнялось же только то, что Евреи находили для себя выгоднымъ.

Приводимъ выдержку изъ интересной Могилевской корреспонденціи „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 153) выдержку, касающуюся современнаго значенія Евреевъ для здѣшняго края:

„Грустно смотрѣть на здѣшній народъ пріѣзжему изъ центральныхъ губерній; по одному внѣшнему виду все показываетъ въ немъ бѣдность и неразвитость, и когда вамъ говорятъ, что эти люди много еще поправились съ тѣхъ поръ какъ освободились отъ панской власти,—съ ужасомъ спрашиваешь себя: *что же прежде было?* Встрѣтишь на дорогѣ крестьянъ—дивишься что за хозяйство, въ которомъ такія мелкія, щедушныя лошаденки тащатъ телѣгу маленькую, жиденькую какъ дѣтская игрушка, и на такой тележкѣ охапка сѣна или вязанка дровъ считается возомъ. Здѣшняя слабосильная лошаденка едва поднимаетъ тяжесть въ 10 пудовъ вѣсу. Вѣчный, бѣлый балахонъ, бѣлая валеная шапка и лапти—вотъ и буднишній и праздничный нарядъ здѣшняго крестьянина; сапоги, синій кафтанъ—явленіе рѣдкое, чрезвычайное въ здѣшнемъ краѣ

Еще грустнѣе поглядѣть какъ живутъ они и чѣмъ он питаются; степной или подмосковный крестьянинъ съ отвращеніемъ взглянулъ бы на хлѣбъ, который ѣдятъ здѣсь крестьяне и не только бѣдные, но и зажиточные, потому что о лучшемъ хлѣбѣ не имѣютъ понятія и лучшаго не производятъ. Не мудрено, что кругъ ихъ понятій крайне ограниченъ: ему некуда расшириться, нечѣмъ обогатиться, потому что нѣтъ около нихъ движенія, которое служитъ средствомъ къ развитію. Въ нашихъ краяхъ крестьянинъ почти всегда бывалый человѣкъ; многіе по нѣскольку разъ въ годъ ходятъ на промыселъ, ѣздятъ въ городъ, бывали на разныхъ концахъ Россіи. А здѣсь такъ слабо, такъ ничтожно промышленное движеніе, что не рѣдкость въ уѣздной глуши встрѣтить пожилаго мужика, который всю жизнь прожилъ около себя и въ 15 верстахъ отъ своей деревни не знаетъ куда и какъ проѣхать.

Въ этомъ маленькомъ, узенькомъ кружкѣ жизни самое ясное, *самое опредѣлительное понятіе крестьянина было понятіе о панѣ и о его безграничной власти, да еще о Евреѣ,* съ которымъ неразрывно связана до сихъ поръ вся экономія крестьянскаго быта. Панъ теперь уже не существуетъ въ прежнемъ своемъ значеніи, но Еврей получилъ для крестьянина еще больше значенія чѣмъ прежде. Надобно побывать въ здѣшнемъ краѣ, надобно посмотрѣть на Еврея рядомъ съ крестьяниномъ: тогда только возможно повѣрить и привесть въ мѣру то *идеальное понятіе о Евреѣ, какъ бѣдномъ, униженномъ и загнанномъ существѣ,*

понятіе, которое преобладаетъ въ нашей журнальной литературѣ. Если кого можно назвать *господиномъ здѣшняго края,* такъ это Еврея, ибо онъ *господинъ надъ карманами,* и прежде всего *надъ ветхими кошелями крестьянскими,* изъ которыхъ послѣдніе гроши, точно въ силу экономическаго закона, тѣмъ или другимъ путемъ переходятъ въ руки Еврея. Пользуясь невѣжествомъ, безграмотностью, неопытностью почти что дѣтскою здѣшняго крестьянина, Еврей опуталъ его съ давнихъ временъ такою хитрою и безвыходною сѣтью обязательствъ, что крестьянинъ служитъ ему точно *вѣчнымъ батракомъ* и принужденъ на всякую добываемую копѣйку смотрѣть какъ на принадлежность Еврея. А Еврей есть повсюду, ибо повсюду есть корчма, содержимая Евреемъ; эта корчма служитъ и деревенскимъ клубомъ и единственнымъ банкомъ здѣшняго края. Рѣдкій крестьянинъ можетъ обойдтись безъ Еврея, и въ случаѣ нужды больше не у кого просить помощи. Еврей всегда готовъ подать ее, потому что всегда имѣетъ подъ рукою средство удовлетворить себя вдвое, втрое, на сколько хватитъ имущества у крестьянина. Въ годовомъ хозяйственномъ оборотѣ у крестьянина нѣтъ мѣста, гдѣ бы онъ могъ вздохнуть свободно, не имѣя у себя на спинѣ неоплатнаго долга, а за спиною Еврея-взыскателя. Крестьянинъ собираетъ осенью съ поля скудную свою жатву, а за нимъ уже слѣдитъ Еврей и прямо съ поля бóльшую часть и хлѣба и сѣна свозитъ къ себѣ въ пуню, объявляя, что и то еще не весь долгъ уплаченъ и насчитывая на крестьянина сколько ему вздумается. Сче-

ты эти растутъ невидимо для должника и раскрываются передъ нимъ лишь въ минуту платежа, причемъ повѣрка счета рѣшительно невозможна. Эти-то счеты, при безграмотности крестьянъ и при извѣстной ловкости Евреевъ, служатъ для бѣднаго должника вмѣсто доказательства, котораго онъ ничѣмъ опровергнуть не можетъ. Въ корчмѣ крестьянинъ находитъ все что́ ему требуется въ теченіе года и для потребностей, и для лакомства: деготь, масло, вино, селедку, и все это забирается въ кредитъ и все записывается мѣломъ на стѣнѣ, и все показывается бѣдняку сквозь туманъ шкалика съ виномъ, который подноситъ ему хозяинъ. *Рѣдкій Еврей затрудняется прижать безграмотнаго мужика гдѣ можно.* Еврей держитъ напримѣръ *двойной мѣлъ,* такъ что проводя имъ разъ по стѣнѣ дѣлаетъ двѣ черты вмѣстѣ одной; а потомъ при разчетѣ считаетъ за два раза то, что́ записывалъ за одинъ разъ въ глазахъ у должника своего. А когда должникъ при разчетѣ начнетъ возражать, Еврей тотчасъ подноситъ ему еще чарку, и всѣ возраженія утихаютъ. Стоитъ только съѣздить въ Могилевъ и въ первый базарный день пройдтись по рынку, и вы увидите такъ *толпы Евреевъ и Евреекъ* почти *вырываютъ у крестьянина изъ рукъ все, что́ онъ привезъ на рынокъ,* даютъ ему цѣну какую хотятъ и умѣютъ такъ заговорить его, что онъ не противится. *Еще прежде чѣмъ успѣетъ въѣхать онъ въ городъ, Еврей уже встрѣчаетъ его и перекупаетъ у него все въ свои руки.* Здѣсь не рѣдко случается въ деревенской глуши, что корчмою завѣдываетъ Еврей-мальчикъ лѣтъ 12-ти, посаженный хозяиномъ, и этотъ мальчикъ изъ своей корчмы ведетъ

финансовыя операціи на весь околотокъ: раздаетъ и взыскиваетъ деньги, отпускаетъ и подноситъ вино и принимаетъ въ уплату за него всякую всячину, чтó только есть у крестьянина. Въ такой корчмѣ иногда цѣлый уголъ заваленъ крестьянскими шапками, свитами, платками и т. п., потому что Еврей все приметъ; а самъ онъ съ своей стороны всячески раззадориваетъ крестьянина выпить, и потому не диво, что цѣлыя деревни гдѣ-нибудь въ лѣсной глуши приходятъ въ нищету отъ сосѣдней корчмы, мимо которой ничего ни продать, ни купить крестьяне не могутъ. Жаль бываетъ видѣть, въ пору уборки, *съ какимъ страхомъ* иной *крестьянинъ приступаетъ къ уборкѣ сѣна или хлѣба.* Иной старается перехитрить Еврея, которому не въ силахъ открыто ни возражать, ни противиться. Хозяинъ, украдкой ночью старается свезть къ себѣ домой собственный свой хлѣбъ, или тихонько отъ Еврея провезть его въ городъ, на рынокъ. Но Еврей зорко слѣдитъ за своими должниками и на самомъ рынкѣ настигаетъ и останавливаетъ возъ, который считаетъ своею собственностью. Такъ *почти не выходятъ крестьяне изъ долгу;* послѣ осенней расплаты съ Евреемъ хлѣба остается ужь не много, своимъ хлѣбомъ можно прокормиться развѣ до марта; въ эту пору бѣдняки еще перебиваются съ мякиною, да съ лебедой,—а на весну сѣять нечѣмъ и за сѣменами приходится обращаться опять къ тому же Еврею, который даетъ не иначе какъ съ такимъ условіемъ, *чтобъ отдано было все вдвое—за одну мѣру двѣ и за одинъ рубль два рубля.* Всѣ сдѣлки заключаются, конечно, на словахъ, и всякую сдѣлку Еврей умѣетъ, конечно, растолковать

въ свою пользу какъ можно обширнѣе. Крестьянская простота по истинѣ поразительна, всѣ они жалуются, что Евреи обманываютъ ихъ и разоряютъ, но когда у крестьянина заведутся деньги, Еврею удается иногда и деньги выпросить у него или въ долгъ, или въ зачетъ будущихъ заборовъ. На дняхъ одинъ крестьянинъ со слезами пришелъ жаловаться посреднику на Еврея, что Еврей взялъ у него 50 рублей и потомъ вмѣсто того, чтобъ отдать деньги, отперся отъ долгу, и на него же насчитываетъ 17 рублей за заборъ въ корчмѣ. Но помочь обиженному почти никогда нельзя въ такихъ случаяхъ, потому что не бываетъ никакихъ доказательствъ и слѣдовъ сдѣлки. Конкурренція съ Евреемъ почти невозможна въ здѣшнемъ краѣ: никто не выдержитъ экономической борьбы съ Евреемъ, который силенъ и терпѣньемъ и капиталомъ, и находчивостью и, главное, солидарностью своихъ личныхъ интересовъ съ интересами всего еврейскаго племени, въ которомъ всѣ стоятъ другъ за друга. Бывали случаи, что по совѣту помѣщика или посредника, крестьяне придумывали отдавать корчму въ содержаніе кому-нибудь изъ среды своей или изъ мелкихъ русскихъ торговцевъ, чтобъ избавиться отъ господства и обмановъ корчмаря Еврея. Но такія попытки не удаются: въ концѣ Еврей все-таки осиливаетъ. Онъ пускаетъ у себя въ продажу вино по уменьшенной цѣнѣ, разумѣется, разбавляя его по произволу, и привлекаетъ къ себѣ снова тѣхъ же покупателей, которые думали обойдтись безъ него. Притомъ, въ умѣньи заговорить человѣка, угадать нужду его, выбрать случай и воспользоваться имъ, въ умѣньи

подвернуться и обольстить—никто не сравнится съ Евреемъ.

Еврей—господинъ здѣшняго рынка, потому что имъ опутаны, съ нимъ не разрывно связаны всѣ первые производители; слѣдовательно произведенія ихъ если не идутъ за границу губерніи, волей или не волей попадаютъ въ руки Еврею. Отъ того русскіе торговцы никакъ не могутъ мѣряться съ Евреями, и свободно жить возлѣ Еврея могутъ развѣ торгующіе колоніальнымъ товаромъ получаемымъ непосредственно изъ-за границы или изъ другихъ губерній. Всѣхъ прочихъ *Еврей* осилитъ непремѣнно; онъ никакъ *не допуститъ ихъ войдти въ прямое отношеніе съ первыми производителями, отъ которыхъ все собираетъ въ свои руки.* Притомъ никто не способенъ, подобно Еврею, неутомимо бѣгать цѣлый день гоняясь за человѣкомъ такъ-сказать по мелочи, никто не способенъ, подобно Еврею, пробавляться кое-какъ и кое-чѣмъ въ своемъ содержаніи, не расширяя своихъ потребностей при возрастаніи капитала. Еврейская промышленность, къ сожалѣнію признаться надобно, вполнѣ соотвѣтствуетъ экономическому состоянію среды, въ которой дѣйствуетъ здѣсь Еврей—среды, въ которой покуда не можетъ еще быть правильнаго образованія и движенія капиталовъ, не установились еще правильныя экономическія отношенія, гдѣ договоры не имѣютъ еще твердости, гдѣ на правильное дѣйствіе кредита разчитывать нельзя, гдѣ желающій сбыть свой товаръ, долженъ ловить потребителей, желающій получить себѣ удовлетвореніе, долженъ сторожить и ловить испол-

нительное дѣйствіе своего должника. На такую дѣятельность способенъ только Еврей, стоя постоянно на стражѣ своего интереса, и отъ того *одинъ Еврей держится и процвѣтаетъ здѣсь при общей несостоятельности.*"

Распространились мы объ Евреяхъ съ нѣкоторою подробностью для того, чтобы показать, что крестьяне непремѣнно должны сохранить въ пѣсняхъ воспоминанія объ еврейскомъ гнетѣ и насиліяхъ; если пѣсенныя указанія до сихъ поръ скудны, то это потому, какъ мы уже замѣтили выше, что пѣсенъ собрано еще весьма мало, и пропасть еще есть непочатыхъ угловъ, куда собиратели еще не проникали. Не можетъ же забыть крестьянинъ, что заря его свободы, открывшаяся въ знаменитое 19 февраля, была смутно встрѣчена Евреями [17]), у которыхъ въ рукахъ была вся барщинная система; что „въ пьяномъ видѣ крестьянинъ былъ прямою жертвою торговца (Еврея), отбиравшаго отъ земледѣльца почти половину скуднаго его дохода, возлагая на кредитора, кромѣ процентовъ, разныя другія обязательства" [18]). Распространеніе трезвости, наносившее ударъ Еврею, также недружелюбно было встрѣчено съ его стороны; крестьяне переставали посѣщать кочмы, переставали быть вѣчными должниками Еврея-арендатора [19]).

Подробная исторія Евреевъ въ здѣшнемъ краѣ, мы надѣемся, подтвердитъ наши слова. Богатые матеріалы по этой части, хранящіеся въ Виленскомъ Центральномъ Архи-

---

17) Описаніе Гродн. губ., I, стр. 766.

18) Описан. Вил. губ., стр. 412.

19) Тамъ же, стр. 641.

вѣ, готовятся къ печати и, какъ мы слышали изъ достовѣрнаго источника, будутъ изданы особою секціей.

Отъ Евреевъ перейдемъ къ пѣснямъ барщиннымъ.

Горькія жалобы и даже проклятія слышащіяся въ пѣсняхъ, упоминающихъ о панщинѣ, вполнѣ оправдываются положеніемъ здѣшнихъ крестьянъ въ XVI, XVII, XVIII столѣтіяхъ и въ первой половинѣ нынѣшняго. Въ этотъ длинный періодъ времени произволъ панскій надъ народомъ можетъ быть сравненъ только съ египетскимъ игомъ. Тогдашніе очевидцы Михалонъ и Гвагинъ нападаютъ на угнетеніе крестьянъ. Послѣдній, во второй половинѣ XVI вѣка, говоритъ слѣдующее: „крестьяне терпятъ большія притѣсненія отъ владѣльцевъ. Если панъ разгнѣвается за-что либо на своего подданнаго, то онъ его выпоретъ, ограбитъ, выгонитъ изъ дому, а иногда отыметъ отъ него даже хлѣбъ такъ что бѣдный крестьянинъ, съ женою и дѣтьми, не имѣетъ и въ ротъ что положить [20]). Крестьяне ежедневно ходятъ на тяжелую работу. Если хлопъ имѣетъ нужду къ своему пану, то безъ подарка и не приступай, а если и приступитъ, то отправляютъ его къ управляющему. За все и вездѣ дай пану, потому что каждое слово свое цѣнитъ онъ золотомъ. Для пана работаютъ пять дней, а шестой для

---

20) Вслѣдствіе поразительной нищеты, забывалось даже родственное чувство, чувство состраданія. Братъ сестрѣ, сестра брату и т. д. отказывали въ хлѣбѣ, изъ боязни, подѣлившись, подвергнуться всѣмъ ужасамъ голодной смерти. Пѣсню, сохранившую такое тяжелое воспоминаніе, читатель найдетъ на стр. 175-ой.

себя; поэтому крестьяне почти всегда работають въ воскресенье; въ деревнѣ тамъ (въ Литвѣ) никогда не соблюдають праздниковъ, дѣлають что хотять, пашуть, жнуть, сѣють, боронять, косять сѣно и занимаются другими работами. А это дѣлается въ Литвѣ и на Руси. Хлѣбъ ѣдять грубый, перемѣшанный на половину съ мякиной. Подати и повинности платять иногда по четыре раза въ годъ. Чинши, платимые панамъ, обременяють бѣдный народъ" [21]) и т. д.

Съ наступленіемъ 1569 года, а вслѣдъ за нимъ церковной уніи, самоуправство и насилія пановъ превзошли всякое вѣроятіе. Съ развитіемъ чрезмѣрнаго количества правъ и привилегій, *паны присвоили себѣ даже право жизни и смерти* надъ крѣпостными своими хлопами. Бѣдственное положеніе крестьянъ сознавалось не только королемъ, но и самимъ дворянствомъ. Это особенно выступаеть въ 1656 г., когда Янъ Казиміръ велъ войну съ Россіею и Швеціею. Въ это время, въ Львовскомъ каѳедральномъ соборѣ была дана клятва улучшить крестьянскій бытъ. Король говорилъ: «Обѣщаюсь и клянусь, что отнынѣ, со всѣми сословіями моего государства, я, какъ только успѣю заключить миръ, буду всячески стараться *избавить мой народъ отъ утѣсненій и страданій*». Паны клялись: „Мы теперь ясно видимъ, что всѣ наши бѣдствія: моровая язва, голодъ и война, которыя уже семь лѣтъ насъ губять, Всевышній посылаеть на насъ *за слезы и угнетеніе простаго народа.* Поэтому даемъ обѣтъ, что, послѣ заключенія мира, упо-

---

21) Ярошевичъ Obraz Litwy, т. II, § 66.

требимъ всѣ мѣры для освобожденія народа нашего *отъ угнетенія* [22])".

Что эти торжественныя клятвы была пустая фраза, и то вынужденная, объ этомъ свидѣтельствуетъ аббатъ дела-Портъ, путешественникъ, посѣтившій здѣшній край 80 лѣтъ тому назадъ: „Крестьяне въ ней (въ Литвѣ) болѣе невольны, нежели въ Польшѣ, и ведутъ бѣдную жизнь. Помѣщикъ отнимаетъ у нихъ изъ имѣнія все, что захочетъ, и сурово съ ними поступаетъ. Они работаютъ на него пять дней въ недѣлѣ, а остальные на себя; почему и не наблюдаютъ ни воскресенья, ни праздника, дабы не лишиться пропитанія. Каждый помѣщикъ даетъ мужику своему избу, въ которой *дѣти* его *нагія*, не смотря на холодъ климата, живутъ вмѣстѣ со скотиною. Все принадлежитъ господину, могущему продать и мужика, и быка его. *Сіи мучители могутъ убивать своихъ крестьянъ, заплатя только въ казну три рубля, или дать другого на мѣсто убитаго ежели онъ принадлежитъ другому помѣщику*. Труды, потъ, работа крестьянина отплачиваются однимъ презрѣніемъ и неуваженіемъ. Люди наинужнѣйшіе для земледѣлія почти не отличаются отъ скотовъ, къ оному употребляемыхъ, и часто продаютъ ихъ безчеловѣчнымъ господамъ, кои вскорѣ несносною роботою принуждаютъ ихъ платить цѣну новаго ихъ невольничества. Будучи такимъ образомъ, бѣдностію доведены до скотскаго состоянія, ведутъ они дни свои въ нерадѣніи, не любятъ ни какого ремесла, не ста-

---

22) Соловьева „О поземельномъ владѣніи" (Отеч. Зап., 1858, № 8).

раются ни о какомъ художествѣ, и работаютъ только пока видятъ страхъ въ глазахъ. Зная напередъ, что не могутъ пользоваться плодами своего разума, скрываютъ они свои дарованія, и не хотятъ даже сами ихъ испытывать, ибо подражаніе ведется въ одной только вольности, нужда усовершается тогда, когда видитъ помощь для своихъ надобностей. Вотъ страна, которую Ягеллонъ обратилъ въ католическую вѣру, и обязался соединить съ Польшею бракомъ своимъ съ Гедвигою" [23]).

Даже одинъ латинскій проповѣдникъ не выдержалъ и писалъ слѣдующее: „И дѣлаютъ съ ними (съ крѣпостными) что хотятъ, съ ихъ имуществомъ, здоровьемъ и *головою*, не даютъ имъ ни покровительства, ни защиты...... Если не купленные и не бѣглые, ежели Поляки (разумѣя Польшу) той же крови, не Турки и не Татары, если христіане, зачѣмъ они *стонутъ въ неволѣ?* Отчего не обращаться съ ними какъ съ наемными, а не какъ невольниками?... Раздраженный помѣщикъ или королевскій староста не только оберетъ крестьянина, но и *убьетъ его*, когда и какъ ему вздумается, и за это не услышитъ ни одного дурнаго слова. Какъ зерно подъ мельничнымъ жерновомъ, такъ эти крестьяне подъ своими панами" [24]).

Очиншеванныхъ (оброчныхъ) крестьянъ почти вовсе не было. Отношенія крестьянъ къ землѣ и помѣщику опредѣ-

---

23) Всемірный путешествователь, изд. аббатомъ де-ла-Портъ, т. XXI-ый. Изд. 3-ье. Спб., 1816 г., перев. съ франц., письмо CCLX.

24) Выдержка эта приведена, по переводу Бобровскаго, изъ Dawne obyczaje i zwyczaje szlachty i ludu wiejskiego. Варшава, 1860.

лялись издавна заведенными инвентарями. Сумма крестьянскихъ повинностей, исчисляемыхъ въ инвентарѣ, всегда превышала сумму чинша (оброка): потому панщина была несравненно выгоднѣе для пана нежели чиншъ. Паны, проживая въ Варшавѣ и за границей, или поручали наблюденіе за паньщиной эконому, управителю; или сдавали свое имѣніе на аренду. Такимъ образомъ *паньщинная* (или барщинная) система соплеталась съ *арендною*. Дѣятельнымъ посредникомъ между панами, экономами, арендаторами и крестьянами и, такъ сказать, вѣнцомъ въ угнетеніи народа являлся Еврей.

Учрежденный русскимъ правительствомъ инвентарный комитетъ раздѣлилъ всѣ издѣльныя повинности на *главныя* и *добавочныя*. Къ главнымъ между прочимъ относились еженедѣльные гвалты, или по великорусски „помочь." Положеніемъ 19 февраля 1861 года всѣ добавочныя повинности уничтожены. Вотъ онѣ: *1*) *шарварки* (строительныя работы), 2) *подорощизна* (подводы), 3) суточное сторожество (смотрѣніе за панскимъ дворомъ, ношеніе дровъ, топка печей, приносъ воды, надзоръ за скотомъ, птицами и т. п.), 4) ночной караулъ, 5) пособіе въ рыбной ловлѣ и охотѣ на хищныхъ звѣрей, 6) *ранницы* и *окурки* для молотьбы хлѣба; 7) выдѣлка пряжи, холста и сукна; 8) посадка, политье, полотье и уборка огородовъ; 9) мытье и стрижка овецъ; 10) мытье половъ въ панскомъ домѣ; 11) *данины* или вещественные сборы селвскими, лѣсными и другими произведеніями: хлѣбомъ, птицею, баранами, медомъ, грибами, яйцами, масломъ, ягодами, холстомъ,

сукномъ, пряжею, камнемъ, золою и т. п. [25]). Указъ же 1-го марта 1863 года развязалъ навсегда всѣ обязательныя отношенія несчастныхъ хлоповъ къ своимъ панамъ притѣснителямъ и сдѣлалъ ихъ крестьянами собственниками.

Изъ пѣсенъ о паньщинѣ, которыя мы сейчасъ приведемъ изъ нашего сборника, особеннымъ озлобленіемъ и ненавистью дышутъ тѣ, которыя записаны отъ Малоруссовъ; у Бѣлоруссовъ же болѣе равнодушія и апатіи. Аббатъ дела-Портъ справедливо указалъ тѣ дурныя послѣдствія панскаго насилія и гнета, которыя отразились на духѣ здѣшняго русскаго народа, особенно на Бѣлоруссахъ; всякое человѣческое чувство забито и заглушено. Пѣсни, упоминающія о пьянствѣ, семейныхъ раздорахъ и т. п., непремѣнно должны быть отнесены къ помянутымъ послѣдствіямъ.

Изъ пѣсни на стран. 90—91 (см. также стр. 160—161) видно, что дѣло идетъ къ позднему вечеру, даже къ ночи, а крестьяне все продолжаютъ жать панскую рожь. Имъ уже давно пора домой идти. Между тѣмъ изъ-за кустовъ выѣзжаетъ паночекъ Андрейко (судя по пѣсни—надсмотрщикъ, приставленный отъ эконома или арендатора). Такъ какъ Андрейко самъ—лицо въ нѣкоторой степени подневольное, быть можетъ даже взятое изъ крестьянской же среды, то онъ проситъ, чтобы жнецы не задерживали (нэпуздނили) ни себя, ни его, т. е. дожинали бы скорѣе панское жито.— Да вѣдь мы не лежали, отвѣчаютъ ему крестьяне: каждый изъ насъ нажалъ по семи копъ (въ копѣ 60 извѣстныхъ единицъ). Послѣ этого крестьяне уже обращаются съ мольбою:

---

25) См. Описаніе Минской г., I, стр. 640.

—Андрейку, нашъ паночку,
Пусты нась до домочку:
Въ нась домы *далекіе*,
И матусеньки *чуженькія*,
Посылають на водыцу
У Дунай, у крыницу.

Въ этой мольбѣ интересны два указанія: 1) панскія запашки были весьма удалены отъ крестьянскихъ усадьбъ, такъ что жнецамъ и жницамъ приходилось отправляться на работу за нѣсколько верстъ (семь миль водою, восьмую пѣшкомъ, стр. 160); 2) усталые и измученные, крестьяне, возвращавшіеся съ поля, не всегда встрѣчали дома привѣтъ и слово ласковое, уже не говоря о томъ, что старшіе въ семействѣ тотчасъ же давали имъ разныя порученія: сходить за водою, подоить коровъ, напоить телятъ и пр.

Въ свободную минуту крестьянинъ всенепремѣнно заходилъ «до корчёмки». «Хардаманъ» (по увѣренію Евреевъ-шинкарей, водка, настоенная будто бы на кардамоновомъ листѣ; но вѣроятнѣе всего—дурманъ) развязывалъ языкъ, и вотъ какая повѣсть сказывалась крестьяниномъ (стр. 136—139): „Не дивитесь, добрые люди, что мужикъ загулялъ: *по милости Божьей и панской* (иронія) *у него всего довольно* (!). „Встарину (опять иронія), при старыхъ панахъ, бывало цѣлую недѣлю на себя дѣлаешь, а паньщина въ субботу. Теперь, при молодыхъ панахъ, *змѣ:* цѣлую недѣлю паньщина, да еще шарварокъ въ субботу. Если бы не эти вражьи сыны, экономы, тогда бы мужикъ былъ паномъ, а теперь онъ галганъ (нищій, ободранный человѣкъ). Еще не успѣетъ солнце взойти, а ужъ экономъ стоитъ у

твоего окошка съ палкой, выгоняетъ на паньщину; на человѣка онъ не смотритъ, ни на его болѣзнь и бѣдность, гонитъ его въ спину палкою. *Воскресенья* (воскреснаго дня) *дожидаемъ мы какъ самого Бога;* думаемъ, послалъ Богъ воскресенье, такъ отдохнемъ немного. Нѣтъ! Спозаранку еще звенитъ колокольчикъ—экономы и войты (старосты) на паньщину гонятъ: старыхъ стариковъ—молотить, старухъ—прясть, ребятъ—складывать тютюнъ въ папуши".— Пѣсня заканчивается такъ:

У нашого оконома
Шовковая хустка (платокъ),
Нэ одная въ нашумъ сэлі
Стоитъ хата пуста.
У нашого оконома
Хорошая барва (цвѣтное платье),
Чужимъ людямъ заплатъ дае (платитъ),
Свои робятъ дармо.

Тутъ читатель пока видитъ спокойную пронію, спокойное сознаніе тяжелой участи. Спокойность эта объясняется отчасти тѣмъ, что крестьянинъ, разсказывающій про свое горькое житье, зашелъ въ корчму и залилъ „хардамапомъ" горе. Но не въ корчмѣ, а за тяжкой полевой работой,—пѣсня звучитъ иначе, она, просто, дрожитъ отъ проклятій, посылаемыхъ на главу пана. „Солнце зашло, а мы все еще жнемъ, при свѣтѣ мѣсяца снопы носимъ, при звѣздахъ въ копы ихъ складываемъ, въ полночь домой идемъ, на разсвѣтѣ ужинаемъ и, сейчасъ же, вновь на паньщину отправляемся. Чтобъ къ пану на дворъ черти при-

шли! чтобъ его собаки разорвали! чтобъ его въ оврагѣ зарыли! чтобъ его громы убили!..." (стр. 122).

Къ сожалѣнію, мы должны признать, что паны, вмѣстѣ съ ихъ экономами и арендаторами, вполнѣ заслужили, такія нелестныя пожеланія [26]).

Пáнова жена въ народной пѣснѣ (наприм. стр. 145—146) уподобляется, по блеску и роскоши внѣшней, звѣздѣ; рѣчь же ея, вѣроятно—вслѣдствіе крупнаго разговора, браня, сравнивается съ колокольнымъ звономъ.

Что польское дворянство было болѣе аристократіею богатою, кутящею, чѣмъ сословіемъ служилымъ, весьма хорошо характеризуетъ пѣсня на стран. 146-ой: «У кого золото есть, тому ни на войну идти, ни служить не надо. У нашего пана есть золото, конь вороной и слуга молодой, онъ пошлетъ на войну, на службу, коня вороного и слугу молодаго. Такимъ образомъ: панъ будетъ и пановать, и службу знать":

Ой будэ панъ пановаты,
А служоньку будэ знаты!

Выше было приведено свидѣтельство одного очевидца, что зачастую крестьянскія дѣти, по крайней нищетѣ родителей, ходили *голыми*, не взирая дома на время года; на иныхъ же только сверху накидывалось нѣчто въ родѣ хитона. Въ такомъ костюмѣ, на стран. 50—51-ой, является крестьянская дѣвушка, соблазнившаяся нарядомъ своихъ сотоварокъ, числящихся въ штатѣ дворной челяди (дворни).

---

26) Весьма интересно было бы прослѣдить въ цѣломъ краѣ, какія пѣсни складываются теперь про новую долю-счастье, про батюшку Царя-Освободителя, про добрыхъ мировыхъ посредниковъ, народныхъ учителей и свое новое житье-бытье на собственной землѣ и про свой судъ и расправу.

Дѣвушка эта говоритъ своей матери, что ей горько ходить безъ сорочки, и проситъ, чтобы мать отпустила ее въ панскую дворню, потому что тамъ хорошо платятъ (молодымъ дѣвушкамъ, на первое время, а потомъ въ шею гонятъ) и, кромѣ того, каждый годъ платье шьютъ. Разсчеты дѣвушки не сбылись: черезъ годъ или полтора, она, обманутая, вернулась обратно къ матери, съ двумя дѣтьми, и не получивъ даже платья. Такимъ же обманомъ (стр. 132—133) панъ прижилъ съ крестьянкою „дытыну", наобѣщавъ ей бездну воловъ, коней и слугъ.

Но если съ одной стороны—между панами были въ большомъ ходу обольщенія, то съ другой стороны—жены и дочери пановъ были не прочь приманить къ себѣ молодаго и красиваго паробка. Многіе изъ такихъ избранниковъ (см. стран. 126—129) платились животомъ своимъ, погибая подъ ножемъ ревниваго пана, которому убійство хлопа обходилось, по закону, не дороже 3 рублей; инымъ же сходило съ рукъ (стр. 248—249). Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что какъ видно изъ обѣихъ пѣсенъ, панны были влюблены въ своихъ избранниковъ.

Но не объ одномъ только игѣ панскомъ пѣлъ народъ во время полевой работы. Уборка хлѣба—событіе важное въ жизни крестьянина: хлѣбъ—источникъ его жизни и благосостоянія, хотя и постоянно подтачиваемаго паномъ. Живя въ строгомъ согласіи съ преданіемъ, крестьянинъ, хранитель народной старины, отличалъ окончаніе полевыхъ работъ различными обрядностями. Объ этой обрядовой сторонѣ полевыхъ пѣсенъ мы теперь и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

По свидѣтельству П. Шпилевскаго, при уборкѣ хлѣба съ полей сохраняются слѣдующіе обряды: 1) *покрываніе поля,* 2) *зажинки и* 3) *дожинки.*

Жатва въ здѣшнемъ краѣ начинается въ первыхъ числахъ іюля, жнутъ обыкновенно женщины и дѣвушки, и жнутъ рожь нѣсколько зеленоватую, предполагая, что изъ такой ржи бѣлѣе бываетъ мука. Пѣсенъ, воспѣвающихъ покрываніе поля, въ настоящемъ выпускѣ нашего сборника нѣтъ, у насъ есть только дожиночныя.

Дожинки бываютъ двухъ родовъ: крестьянскія и панскія; различіе состоитъ въ томъ, что въ первыхъ больше простоты, старины, искренности. Дожинаютъ рожь, большею частію, „помочью". Старшая изъ жницъ распредѣляетъ мѣста, кому гдѣ жать, потому она называется *пачинальницею,* а всѣ остальныя *памагальницами.* Хозяинъ угощаетъ пóмочь обѣдомъ и *подвечоркомъ* (полдникомъ). Но главное условіе дожинокъ составляютъ пѣсни. «Благодарила жнива Господа Бога, что онъ меня въ пору собралъ. Теперь я на сторонѣ погощу, пока опять на ниву пойду: моя гостина въ житницѣ, а время (жизнь) на нивѣ» (стр. 156, 209). Когда жнутъ послѣдній загонъ (стр. 158), то каждая изъ жницъ откладываетъ по колоску, для одного общаго снопа—*дожиночнаго.* Потомъ дѣвушки сходятся вмѣстѣ и выбираютъ красивѣйшую изъ себя—*багиню* (богиню), голова которой украшается вѣнкомъ изъ ржи; въ руки ей даютъ дожиночный снопъ, покрытый длиннымъ бѣлымъ покрываломъ. Наконецъ идутъ съ поля, пляшутъ и поютъ пѣсни (стр. 157—158, 198—199, 159, 209). Хозяева, заслышавъ пѣсни жницъ, выходятъ изъ хаты на-встрѣ-

чу имъ, съ хлѣбомъ и солью. Багиня, поклонившись хозяину, кладетъ у ногъ его дожиночный снопъ (хозяйка кропитъ его святою водой), а вѣнокъ передаетъ ему въ руки. Затѣмъ все общество входитъ въ хату. Дожиночный снопъ, вмѣстѣ съ зажиночнымъ, ставятся въ покутье, подъ образа, и стоятъ тамъ нерѣдко цѣлый годъ; а вѣнокъ вѣшаютъ на кіоту. Послѣ этого начинается попойка, пѣсни, музыка и пляска.

Если дожинки справляются у пана, то вся деревня идетъ къ нему на дворъ. Панъ принимаетъ отъ богини вѣнокъ, даетъ ей денегъ и обливаетъ ведромъ воды [27]). Затѣмъ начинаются польки, вальсы, мазурки, разумѣется только между панскими гостями. Какой нибудь изъ болѣе смышленныхъ и смѣлыхъ крестьянъ держитъ къ пану рѣчь, наполняя ее аллегоріями [28]). Въ это время народъ поетъ пѣсни (стр. 238—239).

Отъ полевыхъ обрядныхъ пѣсенъ перейдемъ къ пьянству и его дурнымъ послѣдствіямъ, на-сколько это видно изъ пѣсенъ настоящаго выпуска. Здѣшній народъ, опутаный и задавленный панами и Евреями, находилъ единственное утѣшеніе въ водкѣ, которая всегда была подъ рукою, потому что корчмы и шинки повсюду были наставлены, да къ тому еще Евреи предлагали въ кредитъ. Здѣшняго крестьянина тянула къ водкѣ не страсть, а желаніе забыть, залить то громадное народное горе, о которомъ выше было уже достаточно нами сказано. Но какъ бы то ни

27) Описаніе Гродненской губерніи, I, стр. 840.

28) Тамъ же.

былю, а послѣдствія пьянства сказались на первыхъ порахъ въ хозяйствѣ, уже и такъ разстроенномъ, а потомъ и въ семейныхъ отношеніяхъ. „Несчастный я человѣкъ! едва живой хожу съ горя, самъ не знаю—что дѣлать, за что взяться! Хозяйство мое все разстроено, все врозь идетъ! Пойти развѣ въ корчму—авось полегче станетъ!“ Посовѣтовавшись съ собою, крестьянинъ идетъ въ корчму заливать горе:

—Дай горылки, Жидку Юдко!
Ты музыка заграй хутко,
Нэхай чумакъ погуляе,
Нэхай горе забывае.

Потомъ, вдругъ, крестьянинъ припоминаетъ, что дома у него осталась жена съ дѣтьми, что, пожалуй, они плачутъ, просятъ хлѣба. Но это минутное сознаніе непріятно подгулявшему, щемитъ его сердце, и онъ старается ободрить себя, сквозь подступившія къ горлу слезы:

Гуляй же, бѣдный чумаче,
Твоя жінка дома плаче,
Нэхай плаче, хліба просыть,
А чумака якъ чортъ носыть.

Пѣсня заканчивается похвалою тѣмъ, кто построилъ „горыльни,“ т. е. винокуренные заводы.

Колы бъ нэ тая сывуха,
Пропавъ бы чумакъ якъ муха.

(стр. 93).

Ворочался домой изъ корчмы крестьянинъ, разумѣется, уже пьяный. Вѣроятно, жена упрекала мужа за такое поведеніе, указывая на разстроенное, безъ того уже, хо-

зяйство. Которые мужья были посмирнѣе, тѣ переносили справедливые укоры и мирились, соглашались съ ними. Иные же противорѣчили и брались за „нагай дротяной," о чемъ съ большою подробностью свидѣтельствуютъ пѣсни на стран.: 17, 22, 36—37, 40, 49—50, 180 и 185—187 [29]).

Впрочемъ, надо замѣтить и то, что если мужъ выпивалъ съ горя, то и жена не отставала въ этомъ отъ мужа (стр. 67—68, 91—92, 93—94), даже позволяла себѣ гулять съ офицерами [30]) (стр. 67—68), что также и мужъ разрѣшалъ себѣ (стр. 17, 39—40, 167—168). Жена пила и гуляла не изъ одно только подражанія мужу, не потому только что видѣла въ немъ примѣръ и поводъ, но и также вслѣдствіе неравныхъ по лѣтамъ и характеру браковъ (стр. 101, 251, 57—59)

Мэнэ маты за пьяныцю отдала.
Пьяничэнька якъ день якъ нычъ
Въ корчмі пье,
А пришавшы до домоньку
Мэнэ бье. (стр. 22).

---

29) Въ подтвержденіе сошлемся на слова г. Бобровскаго (Описаніе Гродн. губ., I, стр. 820): «Мужъ имѣетъ верховную власть въ домѣ и деспотически обращается не только съ дѣтьми, но и съ женою; колотитъ свою жену, если она не сидитъ дома, не смотритъ за дѣтьми, не приготовитъ во-время кушанья и вообще неисправна по хозяйству; жена смиренно сноситъ такое грубое заявленіе правъ и власти своего мужа, но иногда вступаетъ въ нимъ въ состязаніе. Если мужъ не можетъ ужиться съ женою, то она покидаетъ домъ, деревню и уходитъ къ своемъ родителямъ, а нерѣдко скрывается. Подобной участи всего чаще подвергаются жены, живущія въ домѣ тестя, особенно у овдовѣвшей тещи. Судьба несчастной женщины, преслѣдуемой тещей, оплакана не въ одной народной пѣсни».

30) Сравн. Описаніе Гродненской губ., I, стр. 820.

... ты стары старина, покрушаны косци,
Не суши, не дури муое муолодосци.

(стр. 101).

Пѣсни *о нелюбыхъ женахъ* зародились, всеконечно, лѣдствіе насильныхъ, невольныхъ браковъ, все равно съ ей бы стороны ни шло это насиліе—съ панской, или дительской. Такихъ пѣсенъ въ настоящемъ выпускѣ и (стр. 37, 51—52, 214—215). Чтобы избавиться отъ любой жены мужъ не прибѣгаетъ къ яду, какъ къ средву болѣе тайному; онъ дѣйствуетъ спроста, открыто, ходится средствами мѣстными, деревенскими. Такъ напр. лоруссъ (стр. 37, 214—215) сажаетъ въ чолнъ жену и скаетъ его на *быструю воду*, а Малорусеъ (стр. 51—52(ступаетъ чисто по-запорожски:

Прывяжу жону
Къ кіньцкому хвосту,
Ой пущу копя
Въ чистыи поля:
Ныхай конычокъ
Нагуляецця,
Ныхай нылюба жена
Научаецця.

Помимо нелюбыхъ женъ, пѣсни представляютъ еще и призныхъ (стр. 68—69, 187—188), у которыхъ капризъ сьма скоро проходилъ отъ „дротяного нагая“, соверенно схожаго съ Домостроевскою плёткой. Противъ лѣвыхъ женъ, вѣроятно, употреблялось то же самое средва, хотя въ пѣснѣ упоминается только о жалобѣ мужа:

Скаравъ мэнэ ясный Боже
Жункою лынывою,
И лынывою и дрымлывою.

(стр. 136).

Бѣлоруссы, также какъ и Великоруссы, отличаютъ *нуж-
дную* (нуждающуюся, бѣдную) родню отъ богатой. Д
брата, говоритъ пѣсня (стр. 227—228), наварили пш
ничнаго пива и пожелали, чтобы на праздникъ прибыл
ихъ сестры, богатая и бѣдная. За богатой послали тре
пословъ, а бѣдную пригласили „чрезъ оказію" (чре
людей, которымъ случилось идти въ то село, гдѣ жи
бѣдная). Богатую братья встрѣтили въ полѣ, а бѣдную-
въ хатѣ, на порогѣ. Богатую посадили въ передне
углу, а бѣдную—противъ печки, на лавкѣ. Богатую уг
щаютъ виномъ-медомъ, а бѣдную—горькою водкою. Б
гатую оставляютъ на три ночи, а бѣдную, бездольну
отправляютъ во-свояси ночью. Богатая веселится на ул
цѣ, а бѣдная въ лѣсу плачетъ.—Пѣсня эта вызывает
множество толкованій и объясненій, но мы замѣтимъ толь
одно, что она имѣетъ характеръ, по преимуществу, п
учительный: она не столько разсказываетъ, повѣствуе
о были, фактѣ, сколько учитъ, и притомъ отрицатель
т. е. выставляя всю безнравственность предпочтенія б
гатства бѣдности.

Теперь представимъ читателю отношенія членовъ семе
ства между собою, въ предѣлахъ настоящаго выпуска. О
бенно характеристическою является пѣсня на стр. 9—
которая зачинается такъ: За воротами три зеленые са

въ первомъ—кукушка кукуетъ, въ другомъ—соловей-пташка щебечетъ, въ третьемъ—мать съ сыномъ разгориваетъ. Скажи мнѣ, сынъ, истинную правду *кто* для тебѣ *милѣе—жена, мать, или теща?— Жена* мила мнѣ *въ совѣтѣ, теща—въ пріѣздѣ* (т. е. когда *гоститъ* у меня), *а родная мать завсегда.* Оттого мнѣ мать такъ мила, что *находилась между жизнью и смертью* до тѣхъ поръ, покуда меня молодца родила;

Ни одной темной ночки не доспала,
Пакуль мине малойца вскалыхала;
Ни одной ясной свѣчи не гасила,
Пакуль мине малойца узрастила;
Свои бѣлыя ножки притомила,
Пакуль мине малойца оженила.

Пѣсня на стр. 19—20 говоритъ о смерти матери. Мать проситъ *сынковъ—соколковъ* и *дочушекъ—голубочекъ* собраться всѣмъ вмѣстѣ у ея смертнаго одра. *Сыновья* ходятъ на цыпочкахъ и держатъ совѣтъ между себя, *какъ мать хоронить. Зятья* шепчутся, *какъ наслѣдство дѣлить. Дочери*, какъ голубки, *вьются около матери. Невѣстки* расхаживаютъ по хатѣ и надъ всѣмъ этимъ *смѣются.*

Такое отношеніе невѣстки къ свекрови (т. е. мужниной матери) объясняется пѣснями на стр. 105—106, 220—221, 236, 80 и 64-ой. Такъ напр. (см. стр. 220—221) невѣстка жалуется: „Говорили люди, что моя свекровь добрая; сама она рано встала, меня не разбудила, побѣжала къ сосѣдкамъ, стала осуждать меня. А я и сама не поздно встала, погнала воловъ въ зелёную дубраву, и заплака-

ла". О тяжкихъ работахъ невѣстки въ дому свёкора упоминается на стр. 160: невѣстка, только что пришедшая съ паньщины, должна коровъ подоить, телятъ напоить, принести воды изъ криницы. «У меня въ хатѣ, говоритъ невѣстка, двѣ бѣды: *одна бѣда—свекруха лихая,* другая бѣда—малый ребенокъ» (стр. 105, см. также стр. 236). А что эта первая бѣда весьма грозная, мы приведемъ въ подтвержденіе слѣдующее: Свекровь ссоритъ сына съ невѣсткой. Сынъ обращается къ матери, какъ къ *порадницѣ* въ хатѣ, и проситъ ея совѣта.— Да ты отлупи невѣстку дротяннымъ нагаемъ, какъ чорную галку, совѣтуетъ порадница,— вотъ и все тутъ. Сынъ, вѣроятно, поусердствовалъ и забилъ жену до смерти.

—Куда теперь мнѣ ее зарыть, спрашиваетъ сынъ?

На мылую труноньку будують,
На мылого кандалы готують.

Но отъ кандалъ сынъ спасся бѣгствомъ въ Украину (стр. 80).

Но когда свекрови поссорить не удавалось, тогда она принимала мѣры рѣшительныя, чтобы избавиться отъ невѣстки:

Дала сыну каплунъ істы,
А нывистцы чымырыцы.

Сынъ зналъ объ этомъ и предложилъ своей милой сперва съѣсть вмѣстѣ каплуна, а потомъ чемерицу. Поѣвши сего послѣдняго кушанья, сынъ умеръ въ воскресенье, а невѣстка въ понедѣльникъ. Мать въ отчаяніи говоритъ:

Доля жъ моя нысчаслыва,
Що я тэпэръ наробыла,
Двое дѣтокъ потруила:
Одно дытя рожоное,
А другое сужоное.

(стр. 64).

Свёкоръ также выходитъ не въ очень хорошемъ свѣтѣ: онъ или дубинку на невѣстку па́ритъ (стр. 105, 236), или наваливаетъ на нее пропа́сть работъ (стр. 160, 256), и, недовольный, говоритъ слѣдующее:

Ой ныма на нэвістy
Аны звіра лютого,
Аны чоловіка лихого!

(стр. 160—161).

„Звѣря я не боюсь, отвѣчаетъ невѣстка, человѣка не страшусь: звѣря—коломъ, человѣка—добрымъ словомъ.

Ой що *звіръ*, то *свэкорько!*
Що чоловікъ, то батэнько!

(стр. 161.)

Въ пѣснѣ на стр. 10—11 также упоминается о жалобахъ невѣстки на житье въ дому свёкра.

Пѣсня на стр 216—218 представляетъ характеристику *жены, матери* и *мачихи*. „Дубровою зялёною“ идутъ три молодца: который впереди идетъ—пѣсенки поётъ, середній—на скрипкѣ играетъ, а задній—сильно плачетъ. Передній идетъ къ матери, середній—къ женѣ, задній—къ мачихѣ. Мать угощаетъ сына зеленымъ-виномъ изъ золотаго кубка; жена встрѣчаетъ мужа бѣленькимъ сыромъ и маленькимъ сыномъ; мачиха встрѣчаетъ пасынка проклятіями:

Ци тамъ на цябе
Рѣчки не было,
Чаму ты тамъ
Да й не втопився?

Намъ не хотѣлось бы упоминать о пѣсни на стр. 102—103. Молодая жена гуляетъ отъ стараго мужа съ молодымъ паробкомъ. Старикъ—мужъ отправился калину лоскать, а къ его женѣ пришелъ на свиданіе паробокъ. Чтобы не попасться въ расплохъ, мать заставляетъ свою дочь караулить отца:

Якъ побачишь, што вуонъ идзе,
Давай же намъ знаци.

Дочь караулитъ и говоритъ:

Гуляй, гуляй, матуленьку,
Нима тата еще.

Быть можетъ, эта пѣсня не болѣе какъ юморъ, но вѣдь юморъ, тогда хорошъ и вѣренъ, когда основанъ на дѣйствительности, на фактѣ.

Говоря вообще, Бѣлоруссы не легко относятся къ семейнымъ обязанностямъ: они видятъ въ нихъ *горе* (печаль), т. е. заботу; они горюютъ (печалуютъ) о своихъ дѣтяхъ. Такъ напр. (см. стр. 38) замужняя дочь говоритъ отцу о своемъ горѣ. «Ничего, дитятко, ободряетъ ее отецъ: хотя горе (забота) большое, зато дѣти будутъ добрыя».

Татулька мой дорогій, татулька мой родный!
Якъ дзѣтки падрастуць, тагды й мое горе побольшеиць.

Увеличеніе заботы, а пожалуй и настоящаго горя объясняется изъ другихъ пѣсенъ (сватебныхъ и рекрутскихъ). Матери, воспитывавшей своихъ дѣтей, приходится разста-

аться съ ними, какъ только они подростуть: дочери замужъ выходятъ, сыновья идутъ „на чужую сторону"—или на заработки, или въ рекруты.

Положеніе вдовы и солдатки въ семействѣ незавидно.

Заплакала вдова,
Запла ала молода,
Што *чужая сторона,*
Не весела жизнь мая.
Сами сѣли вечераци,
Мене выслали поводу.

(стр. 4.)

Солдатка же очень не горюетъ, что она на чужой сторонѣ, что жизнь ея, за отсутствіемъ мужа, не весела. Она совершенно забыла о мужѣ, и гуляетъ съ молодцами (стр. 224). Она даже не вѣритъ извѣстію о томъ, что ея мужъ возвратился, и до того спуталась, что, глядя на своего мужа, спрашиваетъ его:

Ой, Боже жъ, муй Боже, дэ муй мылый дівся,
Чы вовкы заілы, чы въ моры втопився?

Мужъ отвѣчаетъ:

Сэбъ вовкы заілы, то бъ лугы шумілы,
Сэбъ въ моры втопывся, тобъ Дунай розлився.

(стр. 18.)

Естественный переходъ къ пѣснямъ сватебнымъ составляютъ такъ называемыя „любовныя" пѣсни; ихъ въ настоящемъ выпускѣ почти до 70-ти. Большая часть этихъ

пѣсенъ начинается съ того, что „безрозумная дівчина“ плачетъ по козакѣ (напр. стр. 19, 69), не она плачетъ, но сами слёзы льются. „Моего милаго здѣсь нѣтъ, онъ шлетъ мнѣ поклоны. Что мнѣ въ барвинкахъ, если на нихъ ягодъ нѣтъ? Что мнѣ въ поклонахъ, если его самого нѣтъ? (стр. 81)“.

Хороша также пѣсня на 106—107 стр. (вар. на стран. 235—236). Дѣвушка замѣчаетъ, что ея милый собирается въ дорогу, проситъ его остаться, ссылаясь на то, что вся дорога завалена хворостомъ.—Мои вороные кони, отвѣчаетъ милый, размечутъ копытами весь хворостъ.—Дѣвушка указываетъ на чары, которыми закидана дорога.—Тѣ же вороные кони потопчутъ чары „плюгавыя.“—Видя, что естественными препятствіями нельзя удержать милаго дома, дѣвушка проситъ его подождать, пока она ему рубашку вымыетъ.—Въ чистомъ полѣ быстра рѣчка течетъ, она мнѣ и вымыетъ рубашку.—Ну такъ, дай, я тебѣ головку вымыю.—Головку мнѣ вымыетъ частый дождичекъ.—Ну такъ подожди, я тебѣ обѣдъ сварю.—Сваритъ мнѣ обѣдъ въ темномъ лѣсѣ кукушка.— Дай я тебѣ постельку постелю.—Постель моя трава зеленая.—Кто жъ по тебѣ, мой милый, заплачетъ „сердечне“?

У чорнуомъ лѣсі чорные круки крекчутъ,
Вуоны по мнѣ сердечне заплачутъ.

На 121 стр. козакъ говоритъ своей донькѣ: отецъ мнѣ милъ, мила мнѣ и мать, но ты, сердце, милѣе ихъ. Скажи же мнѣ—любишь меня, или нѣтъ; не суши ни себя, ни меня.—Да вѣдь за мной приданаго нѣтъ, возражаетъ донька.—Не нужно мнѣ твоего приданаго, ты—мое приданое, ты—моя заря ясная.—Теперь ты говоришь: заря ясна, а

потомъ скажешь: доленька несчастна, и на другихъ „спогиянешь."

Скарай мэнэ, Боже,
На души на тілы,
Колы я помышлю
О гинщуй дівчины!
Скарай мэнэ, Боже, въ гетумъ дому,
Колы я помышлю о кому.

Рѣшительность дѣвушки противъ всѣхъ домогательствъ паробка весьма рельефно высказывается въ слѣдующихъ четырехъ строкахъ:

Ручки ны дамъ, души нэ сгублю,
Правды ны скажу, кого я люблю,
Бо якъ я маю правду сказаты,
Колы нэ хочешь вірно кохаты?

(стр. 130.)

Въ нѣкоторыхъ этого рода пѣсняхъ проглядываетъ великорусская удалость, такъ наприм. въ пѣснѣ на 225-ой страницѣ.

Што ты, Ванька, преудалый маладзецъ,
Куда ѣдзешь отъѣжчаешь отъ меня...
... ...
Вдоль по вулицы мецелица мецецъ,
За мецелицой другъ Ванюшачка идзецъ,
Чужу мылу подъ полою ведзецъ.

Чужому счастью, какое бы оно ни было и въ чемъ бы оно ни заключалось, всегда найдутся завистники. Такъ и здѣсь, въ любовныхъ пѣсняхъ, есть указанія на злыхъ, вражьихъ людей. На страницѣ 11-й находимъ весьма по-

этическую жалобу дѣвушки на такихъ людей: „Боже мой, когда придетъ то время, когда перестанутъ говорить обо мнѣ люди: говорили старые и малые, потомъ стали говорить „вороженьки лыхыи.“ Какъ мнѣ угодить моимъ врагамъ: ходить ли мнѣ по праздничному, или по будничному? По праздничному одѣться, скажутъ—не забочусь; одѣться по будничному, скажутъ—лѣнюсь.“ Подобныя же жалобы можно прочесть на страницахъ 76, 119, 141 и 222-ой.

Но любовныя связи необходимо рождали и извѣстныя послѣдствія. О „плодѣ любви“ въ настоящемъ выпускѣ есть два указанія (стр. 13, 131). Дѣвушка, прижившая сына, совѣтуется съ рѣкою Дунаемъ:

Дунаю мій тыхэсынькый,
Сыночку мій малесынькій,
Чы мні тэбэ годоваты,
Чы въ Дунаю поховаты?
Поховавши [31])*—отъ Бога гріхъ,*
Годуючы [32])*—отъ людей сміхъ.*

Козакъ, услышавъ это сомнѣніе, говоритъ положительно:

Дывчинонько молодая,
Головонька безумная,
Годуй сынька маленького.

Скорбь по миломъ изображается особенно сильными красками: отъ горя, дѣвушка, не видя своего милаго, пашетъ мыслями поле (т. е. скорбитъ, передумываетъ каждую мелочь), чорными очами волочитъ поле, слезами, какъ

---

31) Спрятавъ, погубивъ.
32) Воспитывая.

частымъ дождикомъ, орошаетъ его. Но вотъ уже зацвѣла гречиха, и отцвѣла, а милаго все нѣтъ какъ нѣтъ. Въ безъисходной тоскѣ, дѣвушка обращается къ орлу:

Ой ты, сывый орле, высоко літаешь,
Возми жъ мэнэ на свы крыльця,
Занэсы дэ знаешь.

(стр. 32.)

О томъ же самомъ упоминаютъ пѣсни на стран. 33—34, 63. Если козакъ впадетъ въ такую печаль, то онъ заливаетъ ее или горілкой, или брагою (стр. 144—145, 221—222).

Для большаго успѣха въ дѣлѣ любви, паробокъ и дівчина не прочь обратиться къ ворожеямъ-цыганкамъ съ просьбою о помощи. Дівчина проситъ (стр. 24):

Моя жъ ты, цыганочко,
Вчыни мні тую волю,
Прычаруй ты козаченька
На вікы зо мною.

Цыганка исполняетъ просьбу: молодой козакъ вьется около дівчины какъ рыбка, а она, дівчина, рада этому. Съ такою же просьбой обращается и козакъ къ цыганкѣ (стр. 135).

Помимо злыхъ или враждыхъ людей, сующихъ всюду носъ свой, любовныя пѣсни упоминаютъ еще и о трехъ бабахъ-чаровницахъ [33] (стр. 66—67).

---

[33]) Г. Бобровскій, разсказывая о суевѣріяхъ жителей Гродненской губерніи, между прочимъ говоритъ слѣдующее: «*чаровники* и *чаровницы* водились прежде въ большомъ количествѣ; они теперь дѣлаютъ вредъ въ здоровьѣ, заговариваютъ съѣстное и портятъ скотъ и молоко. Лысая Гора была пунктомъ,

Въ пѣсняхъ находятся еще указанія и на кокетокъ, ставящихъ на первый планъ разсчетъ, которыя, ради денегъ ,не прочь выйти и за старика (стр. 82, 147, 156). Такихъ кокетокъ народъ называетъ *пэрэбурныцями* и сравниваетъ ихъ съ хмѣлемъ:

Ой ты хмѣленьку, буйное жице,
Мнуго розуму маешъ!
Ой и пьяного и тверозого
Зъ розуму спроваджаешъ.
Ой ты дівчино-пэрэбурныця,
Мнуго есь пэрэбрала,
Усімъ молодцамъ догону дала,
А удовціовы досталася.
(стр. 147.)

куда русскія вѣдьмы летали въ ступѣ или на метлѣ. Разсказы о вѣдьмахъ составляютъ любимѣйшее занятіе на *Купалу* (23 іюня); по этому поводу сохраняется праздникъ, родъ торжества, въ которомъ про вѣдьмъ услышите чудовищные разсказы. *Заговоры* или *уроки* происходятъ отъ зависти; глазъ, позавидовавшій чему нибудь достойному похвалы, можетъ повредить даже здоровью. Особенно боятся уроковъ замужнія женщины, имѣющія дѣтей; въ такихъ случаяхъ онѣ обращаются къ знахаркамъ-бабамъ, которыя, посредствомъ троекратныхъ опусканій 9 горячихъ угольевъ въ воду и нашептываній, узнаютъ, что было причиною болѣзни ребенка—урокъ, или дѣйствительная причина. Или, нашептывая, баба-знахарка три раза съ головы до ногъ обдуваетъ ребенка. Беременная женщина избѣгаетъ ссоры съ сосѣдкою, которая можетъ сдѣлать знакъ на двери и дитя родится съ раздвоенною челюстью. Болѣзнь происходитъ отъ діавола; лечитъ ее можетъ знахарь, докторамъ не вѣрятъ, а медикаментовъ избѣгаютъ какъ яда» (I, стран. 823—824). Въ приведенной нами пѣсни объемъ дѣятельности бабъ-чаровницъ шире.

Одна изъ пѣсенъ (стр. 89—99) свидѣтельствуетъ, очт за измѣпу козакъ даже рѣшался убивать свою возлюбленную, уже обвѣнчанную, но на другомъ.

Пѣсни на стр. 74, 253—254-ой говорятъ о стойкости, о борьбѣ дѣвушки противъ всякихъ искушеній и подговоровъ гультая:

Лiпшъ я буду тры лiты блудыты,
Такэ нэ дамъ коло сэбэ и пыты,

(стр. 74.)

Не подманешь мене—ни пяну, ни тверозу.

(стр. 254.)

Такъ какъ родители принимаютъ большое участiе въ выборѣ и составленiи четы, то нѣкоторыя пѣсни сохранили въ себѣ заявленiе дочерей о нежеланiи идти за-мужъ, вопреки ихъ сердечной склонности. Такъ наприм. одна дочь отговаривается тѣмъ, что ей хозяйство, веденiе его неизвѣстно (стр. 252); другая, хотя и не противорѣчитъ выбору матери, но замѣчаетъ, что какъ только ее обвѣнчаютъ, то она сейчасъ же утопится (стр. 239).

Желанiе сватьбы сказывается—у дѣвушки въ сожалѣнiи о проходящихъ молодыхъ лѣтахъ (стр. 230—231), у паробка—въ томъ, что его товарищи женятся (стр. 142). Козакъ ищетъ себѣ „дружыны" на томъ основанiи, что

Посiявъ я жыто,
Нэма кому житы,
Идэ нiчка тэмна,
Ни съ кымъ розмовляты.

(стр. 75.)

Есть еще и другой мотивъ:

Цяжко мнѣ, цяжко начное ѣзжанне,
Начное ѣзжанне, карчомно пиванне.

(стр. 174—175.)

Впрочемъ, этотъ мотивъ принадлежитъ не столько крестьянскому сословію, сколько такъ называемому среднему: ночныя похожденія и попойки болѣе въ духѣ дворянскомъ, шляхетскомъ, нежели крестьянскомъ; крестьянинъ ищетъ въ женѣ хозяйки, работницы, а не какого нибудь послѣдняго утѣшенія., послѣ разгульно-проведенной молодости. Потому, во второмъ мотивѣ мы видимъ вліяніе чуждое, занесенное въ пѣсню, при посредствѣ дворной челяди.

Дѣвушка желаетъ замужества по слѣдующему побужденію:

Пуосцель бѣла, сцѣна нѣма—не зъ кімъ розмовляци.
Пуосцелька бѣленька, а сцѣна нѣменька:
Пожалься Буоже, муоцны Буоже, што я муолодзенька.

(стр. 100.)

Между нѣкоторыми дівчинами проявляется даже отчаяніе—выйдутъ, или нѣтъ онѣ за-мужъ. Въ такомъ невеселомъ настроеніи, дівчины рѣшаютъ, что онѣ достанутся ни тому, ни другому, ни третьему, а

Гробовымъ доскамъ, жовтымъ пясочкамъ.

(стр. 38.)

Пѣсня на стр. 104—105-ой замѣчательна тѣмъ, что мать, не смотря на просьбу сына указать ему невѣсту, предоставляетъ выборъ его усмотрѣнію. Не желая принимать на себя отвѣтственности за выборъ, отъ котораго будетъ

зависѣть счастье, или несчастье сына на всю жизнь, благоразумная мать все таки намекаетъ сыну на то, что его будущая подруга должна быть во-первыхъ хозяйка, работница.

Укажемъ еще на пѣсню на стр. 252—253-й, изъ содержанія которой видно, что *вдова—не жена*, на ней жениться нельзя уже по одному тому, что

Іона свого першого мужа на умѣ мае.

Отъ этихъ пѣсенъ теперь будетъ весьма умѣстно перейти къ сватебнымъ, сохранившимъ наибольшую обрядовую старину. Сватебныхъ пѣсенъ въ первомъ выпускѣ нашего сборника насчитывается за 70-ть.

По свидѣтельству Шпилевскаго, сватебные обряды состоятъ изъ *малыхъ и большихъ запоинъ*, *змовинъ*, *печенія короваевъ*, *пріема жениха*, *выкупа* и *одѣванія невѣсты*, *поѣзда*, *вясѐлля* и *переносинъ*.

Заручины или *запоины* открываются сватомъ, который приходитъ къ родителямъ предполагаемой невѣсты и уговаривается съ ними. Покончивъ дѣло съ хозяевами, сватъ, ради приличія и обряда, заговариваетъ съ невѣстой, потому что, строго говоря, можно считать законченнымъ сватское дѣло съ той минуты, когда отецъ и мать дали свое согласіе свату: съ рѣшеніемъ же родительскимъ дочь всегда согласна. По обряду, сватъ сперва сидитъ на *палицѣ* (пристѣнной лавкѣ), а потомъ хозяинъ, узнавъ въ чемъ дѣло, приглашаетъ свата пересѣсть на *пакуцье* (покутье, красный, передній уголъ, мѣсто подъ образами). Иногда съ сва-

томъ приходитъ и сваха [34]). Сватъ приноситъ съ собою четверть водки и закуску. Съ окончаніемъ водки для свата и свахи наступаетъ важный моментъ: если отецъ согласенъ выдать свою дочь, то насыпаетъ ржи въ пустой боченокъ; въ противномъ случаѣ, наполняетъ его водкою, какъ бы возвращая свату его расходы [35]). Если отецъ согласенъ, дочь, вмѣстѣ съ подругами, выходитъ изъ сосѣдней горницы. Послѣ недолгихъ переговоровъ свата, дочь, разумѣется, принимаетъ рѣшеніе отца, а вмѣстѣ съ нимъ и предложеніе свата. Подруги удаляются обратно и начинаютъ пѣть приличныя случаю пѣсни:

Заручоная Марися
Заручивъ іі Господь Богъ,
Іі батеньки навперудѣ,
Заручила іі матюнка.
(стр. 199.)

Эта коротенькая пѣсня замѣчательна особенно тѣмъ, что освящаетъ родительское рѣшеніе присутствіемъ въ немъ и руководженіемъ самого Промысла.

Если невѣста—сирота, то поютъ другую пѣсню (см. стр. 200.) Послѣ этой пѣсни, сама невѣста принимаетъ участіе въ пѣніи. Она проситъ умершаго своего отца придти въ ней на сватьбу, на что отецъ отвѣчаетъ: веселись, донька, со всѣми святыми, съ хорошими людьми; мнѣ же придти нельзя; я за тремя замками: первый замокъ—досчатый домъ, второй—желтый песокъ, третій—трава-мурава (стр. 200).

---

34) Описаніе Вилен. губ., стр. 624.
35) Ibid.

Это скорбное воспоминаніе усиливается заключительною хоровою пѣснею подругъ: „по всему видно, что молодую Марьюшку не батюшка отдаетъ: столъ у нея низенькій, медовая чаша неполная, и родня не вся (стр. 200).

Есть еще хоровая пѣсня (см. стр. 48—49), напоминающая сиротѣ-невѣстѣ, что у нея нѣтъ ни отца, ни матери. На эту прекрасную, полную поэзіи, пѣсню обращаемъ вниманіе читателей. Къ этому же разряду относится пѣсня на стр. 279—280.

Полна глубокой поэзіи пѣсня (стр. 277), въ которой умершая мать проситъ Бога пустить ее съ неба на землю или въ видѣ дождя, или въ видѣ тумана, или въ видѣ росы, чтобы посмотрѣть на свою дочь, выходящую за-мужъ. Читатель замѣтитъ, что три формы перехода (дождь, туманъ, роса) отчасти напоминаютъ эпическій пріемъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ, которымъ описаны были поэтическія способности вѣщаго пѣвца Бояна.

Наканунѣ свадьбы, въ домахъ жениха и невѣсты совершается особый обрядъ—печеніе коровая. Для этого обряда выбираются коровайники и коровайницы. Обрядъ этотъ сопровождается пѣніемъ коровайныхъ пѣсенъ, (стр. 205—206, 206—207, 207, 207—208), пляскою и пирушкою. Пять коровайницъ мѣсятъ, соблюдая очередь, тѣсто; между ними есть одна главная, всему дѣлу воротило. Коровaевъ печется нѣсколько; одинъ изъ нихъ, самый большой, для жениха и невѣсты. Удачное испеченіе коровая предзнаменовываетъ „добрый бытъ“ новобрачныхъ (стр. 207).

Выкупъ невѣсты совершается дружками. Старшій

дружка (братъ невѣсты) выходитъ изъ свѣтлицы съ ржанымъ пирогомъ и ковшомъ воды, кропитъ вѣткой невѣсту и кладетъ къ ея ногамъ пирогъ. Тогда невѣста обращается къ матери: „благослови меня на посадъ сѣсть, на божье мѣсто, подъ высокимъ окномъ, подъ небеснымъ покровомъ, гдѣ Богъ судилъ, гдѣ люди велѣли.“ Послѣ этого старшій дружка кладетъ на столъ пирогъ и деньги. Подруги сбрасываютъ деньги на полъ; между ними и дружиною жениха завязыватся примѣрная борьба; подруги защищаютъ невѣсту. Борьба прекращается ударомъ плети по столу; эту обязанность исполняетъ старшій дружка. Послѣ этого дѣвушки поютъ пѣсни (стр. 211, 212), укоряющія невѣстина брата за то, что онъ продалъ сестру.

Одѣванье невѣсты и поѣздъ въ церковь также полны разныхъ обрядовъ и пѣсенъ (стр. 90, 201, 201—202, и проч.) Участвующіе въ поѣздѣ называются *перезвянами*.

Изъ церкви молодые со сватомъ отправляются на поклонъ къ священнику (стр. 210), а потомъ уже въ родительскій домъ, гдѣ, на порогѣ, встрѣчаетъ ихъ отецъ невѣсты (стр. 83).

На сватебной пирушкѣ молодые ѣдятъ яичницу одною ложкою. Между различными обрядовыми пѣснями обращаютъ на себя вниманіе тѣ, которыя предсказываютъ невѣстѣ ея будущее положеніе въ домѣ свекра и свекрови (стр. 84—85, 89, 266), или просятъ молодаго мужа, чтобы онъ не билъ своей жены, когда будетъ пьянъ (стр. 262). Не этими ли предсказаніями объясняется плачъ обвѣнчанной невѣсты (стр. 85—86, 203), въ которомъ она проситъ

отца развѣнчать ее? Отвѣтъ отца исключаетъ всякую возможность развода:

Мое дитятко риднэ!
Радъ бы я тысячъ даты
Сэбѣ тэбэ розвыняты,
Перстэны розмыняты,
Ручэньки розвязаты,
Косоньки посплітаты,
Слезоньки позбыраты,
И тэбэ къ собі взяты.

Пѣсня на страницѣ 88-ой показываетъ все значеніе ухода изъ родительскаго дома дочери, которая уже отслужила своему батюшкѣ и серпъ на столъ положила. Теперь батюшка долженъ нанимать жницъ, и хотя будетъ платить имъ по золотому, но онѣ не станутъ такъ добросовѣстно жать, какъ жала дочь. Нанятыя больше на солнце посматриваютъ, нежели дѣло дѣлаютъ, смотрятъ скоро ли вечеръ будетъ, скоро ли разсчетъ получатъ.

Послѣ пѣсенъ и попойки, старшій дружка приглашаетъ присутствующихъ дарить невѣсту. Ее накрываютъ намёткою (головной уборъ замужнихъ женщинъ), чтобы она не видѣла, кто́ и что́ даритъ ей.

На другой день послѣ сватьбы въ уѣздахъ Лидскомъ, Трокскомъ и Вилейскомъ принято наряжаться и представлять различныя комедіи: борьбу Жида съ козой, пляску медвѣдя и проч. [36]).

Невѣста не всегда переходитъ въ домъ родителей же-

---

36) Описаніе Виленской губ., стр. 627.

ниха. Если родители невѣсты престарѣлы и убоги, женихъ переходитъ въ домѣ невѣсты, берется въ *примы*, и потому называется *примакомъ* [37]).

Изъ прочихъ обрядовыхъ пѣсенъ укажемъ на *колядки*. Ихъ въ настоящемъ выпускѣ двѣ (стр. 165, 166). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Виленской губерніи онѣ называются *гужинами* [38]). Обрядъ этотъ совершается во время рождественскихъ праздниковъ. Колядники обыкновенно подходятъ подъ окно, поютъ и славословятъ хозяина, съ хозяйкой и дѣтьми, желаютъ всякихъ благъ и заканчиваютъ свое славословіе такимъ образомъ:

Чи кажетэ спываты,
Чи коляды даты?
(стр. 166.)

Хозяинъ, по своему усмотрѣнію, даетъ или деньги, или что-либо изъ съѣстнаго.

Въ тѣсной связи съ колядками стоятъ *щедривки* или *щедрые вечера*. Щедрымъ вечеромъ называется вечеръ наканунѣ Новаго Года. Обрядъ этотъ совершается тѣми же колядниками. Отъ колядокъ щедривки отличаются запѣвомъ:

Добрый вэчуръ,
Щедрый вэчуръ!

Пожеланія слѣдующія:

---

37) Описаніе Бѣлоруссіи Шпилевскаго.

38) Описаніе Виленской губ., стр. 630.

На новое літо
Роды, Боже, жито,
Жито, пшэницю,
Горокъ, сачевыцю,
Въ клюни умолутно,
Въ дижцы зыхудно.

(стр. 165.)

Ксендзы въ это время посѣщаютъ своихъ латинскихъ прихожанъ, которые дарятъ ихъ по возможности, и это называется *ксендзъ ѣдзе по колендзе*, т. е. ксёндзъ ѣдетъ за колядой [39]).

По свидѣтельству Шпилевскаго, въ это время происходятъ *колядочные повечорки*, сходные отчасти въ великорусскими *посидѣлками*.

Встрѣча весны ознаменовывается также пѣніемъ особыхъ пѣсенъ, называемыхъ *веснянками*. Первый выпускъ нашего сборника предлагаетъ одну такую:

Вэсна красна, що намъ вынэсла?
Намъ вынэсла—*соху борону*,
Старымъ бабкамъ *посэдинячко*,
Молодыцямъ *красэнця ткаты*
А дівчаткамъ *да й погуляты*.

(стр. 155.)

Этою пѣснью прекрасно характеризуются занятія мужчинъ, старыхъ женщинъ, молодыхъ женъ и дѣвушекъ, съ наступленіемъ весны.

Въ день Вербнаго Воскресенья, при поздравленіи съ

---

[39]) Описаніе Виленской губерніи, стр. 630.

этимъ праздникомъ, бьютъ освященною вербою поздравляемыхъ:

Нэ я бью—вэрба бье.

(стр. 166, 208.)

У Великоруссовъ же подобныя поздравленія начинаются такъ:

Верба-хлёстъ бей до слёзъ.

Поздравляемому желаютъ:

Ны будь сонлывый,
До роботы лынывый,
Ны будь завысливый.
Но будь здоровъ якъ вода,
Росты якъ вэрба,
Будь шмыткій якъ пчёла,
Будь богатый якъ зэмля.

(стр. 166—167,)

Настоящій выпускъ представляетъ одинъ только такъ-называемый духовный стихъ (стр. 209—210). Калѣки перехожіе носятъ въ здѣшнемъ краѣ названіе *уломныхъ старцевъ* [40]).

Между нашими пѣснями есть также и *розбойничьи*, сходныя по духу и содержанію съ великорусскими. Пойманный бѣлъ-удалъ молодецъ оправдывается тѣмъ, что не одинъ онъ кралъ-воровалъ; при немъ были три товарища: острый мечъ (вострый ножикъ), сивый конь и тем-

---

40) Въ одномъ изъ №№ Вѣстника Западной Россіи помѣщена корреспонденція г. Кулжинскаго о калѣкахъ перехожихъ въ Западной Россіи—что они поютъ и какое значеніе имѣютъ.

ная ночка (а по одному варіанту—Господь Богъ); мечъ защищалъ удалаго молодца, темная ночка стерегла, а сивый конь уносилъ (стр. 181, 216). Третью разбойничью пѣсню см. на стр. 242—243-ьей.

Встрѣчаются также пѣсни *юмористическія*. Одна изъ нихъ (стр. 45—47) повѣствуетъ о томъ, какъ воробей устроилъ пирушку и созвалъ на нее разныхъ птицъ, а потомъ даже задумалъ жениться, и съ этою цѣлью поѣхалъ „до стрекатой панны сороки.“ Другая (стр. 162—163) говоритъ объ одной старухѣ, которая, изъ желанія разбогатѣть, посадила курицу на яйца, и когда курица вывела цыплятъ, старуха задавила ихъ по нечаянности. На бѣду пріѣхалъ ея мужъ, такой же старикъ, изъ лѣса, и узналъ о томъ, какой грѣхъ случился:

Якъ выхватывъ дідъ изъ воза
Здорову лозыну,
Побывъ бабу, поколотывъ
Голову и спыну.

Старуха-жена, послѣ такой расправы, замѣчаетъ,

Що й трохы нэ здохла.

Въ настоящемъ выпускѣ есть нѣсколько пѣсенъ, воспѣвающихъ *горе-долю*. Отъ горя-доли, какъ отъ бѣды неминучей, никуда не уйдешь—вотъ что слышится въ этихъ пѣсняхъ. „Я думала, что солнышко заходитъ,—*лиха доля подъ окномъ ходитъ, лиха доля шлюхой волочится*; я думала, что корова реветъ, *лиха доля подъ окномъ кричитъ*.

Пойдемъ на базаръ долю продавать, люди знаютъ—не покупаютъ. Теперь долю хоть съ моста да въ воду" (стр. 110)." Читатель, вѣроятно, замѣтилъ, что складъ этой пѣсни отчасти напоминаетъ извѣстное „Горе Злосчастіе."

Горе это, какъ видно изъ пѣсенъ, происходитъ или отъ любви безнадежной (стр. 100, 124—125, 182—184), или отъ лихихъ людей, враговъ (стр. 27). Такой человѣкъ, заполоненный лихимъ горемъ, или пьетъ съ горя водку (стр. 26), или плачетъ надъ могилой матери:

Устань, матко, до мэнэ,
Трудно жыты бэзъ тэбе.

(стр. 27.)

Глубоко поэтично заключеніе одной изъ подобныхъ пѣсенъ:

Ой Буже муй милосердый,
Чи то твоя воля,
Чи е въ світы така друга,
Якъ ма лиха доля?
Ой Буже муй милосердый,
Чи то твоя сила,
Чи е въ світы така друга,
Якъ я несчастлыва?
Ой Буже муй милосердый,
Святый Миколаю,
Нэ розлучай мэнэ зъ тыми,
Зъ кімъ ся я кохаю.

(стр. 125.)

Отъ горя одинъ женатый молодецъ обертывается даже въ Дунай. Оставшаяся послѣ него вдова брала въ Дунаѣ воду

и разговаривала съ рѣкою. Дунай между прочимъ предложилъ вдовѣ такой вопросъ, что не тяжело ли ей выходить такъ часто замужъ, особенно еще съ дѣтьми отъ перваго мужа. На это вдова отвѣтила:

Мнѣ, маладзѣ, адзинакова,
Малымъ дзѣткамъ усякова.
Мэнэ, маладую, на кутъ ведуць,
А дзѣтакъ въ запечекъ садзяць,
Мнѣ, маладзѣ, меду-вина,
А дзѣтачкамъ водзичка одна.
Мнѣ, маладзѣ, периначка,
А дзѣтачкамъ атымачка.

(стр. 229.)

Бѣлоруссъ привязанъ къ мѣсту своей родины и не любитъ *чужой стороны*. Въ подтвержденіе этому мы можемъ привести много пѣсенъ. Здѣшній человѣкъ не прочь обратиться не только къ человѣку, но и къ птицѣ, и даже къ предмету неодушевленному, чтобы они передали роднѣ, какъ ему тяжело жить на чужбинѣ. Здѣшній человѣкъ, занесенный на чужую сторону, проситъ сокола (стр. 16—17, 201), соловья (21, 152—153), гусей (55—56, 171—172), рѣку Дунай (24—25), проситъ вѣтра передать поклонъ родной странѣ, матушкѣ съ батюшкой и проч. Пѣсня на стр. 54—55-ой выражаетъ ту мысль, что на чужой сторонѣ трудно жить безъ родни. Ни темная ночь, ни быстрая рѣка не могутъ препятствовать желанію посмотрѣть, повидать свою родину (56—47). Мать прокляла свою дочь, и

ей, казалось бы уже нечего вспоминать о своей сторонѣ, но дочь все-таки плачетъ и тоскуетъ по своей родинѣ, и идетъ (14—15). Если въ пѣснѣ не встрѣчается ни птицы, ни рѣки, ни вѣтра, то поющій, или поющая желаетъ обратиться въ орла и кукушку и летѣть на свою родимую сторонушку (184—185). Замужняя дочь такъ глубоко дорожитъ тѣмъ, что живетъ и прозябаетъ на ея родинѣ, что обращается съ слѣдующею глубоко-поэтическою просьбою къ своей семьѣ:

Не сѣчи, мой татулька, при дарозѣ бярозки,
Не каси, мой брацитка, въ лужочку травички,
Не щипли, мая сестрицка, въ садочку цвѣточка,
Не бери, мая матулька, въ криницы вадзицы:
При дарожцѣ бярозка—я сама маладзенька,
А въ лужочку травичка—мая русая касица,
А въ садочку цвѣточки—маи ясныя очки,
А въ криницѣ вадзица—маи дробныя слёзки.

(стр. 176—177.)

Въ связи съ пѣснями о чужой сторонѣ стоятъ пѣсни о *рекрутчинѣ* или *солдатчинѣ*. Пѣсенъ рекрутскихъ въ нашемъ сборникѣ, съ немногимъ, тридцать. Въ большей части этихъ пѣсенъ поется, что рекруты идутъ *въ Русь* (стр. 43), *подъ самусенькую Москву* (стр. 3), т. е. въ свою же одноплеменную и одноязычную страну. Въ нѣкоторыхъ же пѣсняхъ, несомнѣнно относящихся къ тому времени, когда здѣшній край былъ подъ польскимъ господствомъ, содержатся такія замѣчанія:

Нэхай чуе маты моя,
Нэхай чуе рюдная,
Што *на чужуй стороні:*
Ани сестры, ани брата,
Но *Пульша проклята.*

(стр. 33.)

Предчувствіе рекрутчины сказывается въ великорусскихъ пѣсняхъ тѣмъ, что *молодому съ вечера не спалось,* въ бѣлорусскихъ же:

Сильные вихры бѣлу бярозу развалыхиваюць,
Удалъ маладзецъ па сѣнюшкамъ пахаживаецъ.

(стр. 40.)

Вообще, какъ въ великорусскихъ такъ и въ бѣлорусскихъ, всякія знаменія небесныя: кометы, падающія звѣзды, сильные вихри и проч. служатъ предсказаніемъ войны, а съ нею вмѣстѣ и рекрутчины.

Идти въ рекруты всегда приходится меньшему сыну, во первыхъ потому, что

Большему не хочется,
Сяреднему не приходится.

(стр. 8.)

или:

Адзинъ старшій братко выкопоувается,
Серадольній выхитроувается.

(стр. 3.)

или:

Першаго сына дзѣтки малыя,
У другого да жена малада,
Трейцяго да женици пара,

А чацьверты не спирается [41]),
Въ тую дарогу прибирается.

(см. ниже, стр. CII).

Помимо всѣхъ этихъ увертокъ и сдѣлокъ старшихъ и среднихъ сыновей, все-таки младшему приходится отбывать рекрутчину: жребій, дѣло великое въ крестьянской жизни, выпадаетъ всегда младшему (стр. 9). Мать и отецъ, вездѣ и всегда, плачутъ, словно рѣка льется (стр. 2 и 37).

Двѣ пѣсни (стр. 140, 195—196) содержатъ въ себѣ указанія на то, что сестра помогаетъ бѣжать своему брату отъ рекрутчины, хотя и не всегда удачно.

Панъ, при отдачѣ въ рекруты, является лицомъ всемогущимъ, злымъ геніемъ крестьянина:

Ставъ до міры,—нэ доставъ,
А панъ въ рекруты отдавъ.

(стр. 196.)

Сынъ, отданный въ рекруты и смертельно раненый, посылаетъ своего коня къ матери и наказываетъ ему сказать слѣдующее:

Возми, мамко, песку жменю,
Посѣй его на каменю,

---

41) Опыты рекрутскихъ наборовъ представляютъ этому объясненіе. Семейныя отношенія въ Западномъ краѣ, какъ между русскимъ, такъ особенно литовскимъ населеніемъ, искажены до безнравственности. Господарь (старшій въ семьѣ) присвоилъ себѣ не только вліяніе, но и достояніе, и всю власть. Младшій—утѣсненный бобыль. Рекрутчина, какъ и другая тягость ложится на него именно потому, что онъ *не спирается*, не имѣетъ сильнаго въ семьѣ голоса, семья его обижаетъ.

Обтычь его тычечками,
Поли его слёзочками,
Коли песокъ житомъ взыдзе,
Тогды твой сынъ зъ войны придзе.
(стр. 219.)

О солдатской смерти не на родинѣ одна изъ пѣсенъ говоритъ слѣдующее:

Не дай, Боже, смерци въ чужой старанѣ умерци,
Не кому будетъ приглядзѣць жавнѣровой смерци:
Аролъ прилятаець, смерци приглядаець,
Бѣло лицо обираець, кости оставляець.
(стр. 236.)

Рекрутскія пѣсни съ уваженіемъ и любовью относятся къ Царю:

........идэ Білый Царь,
Намъ батюшка Государь.
(стр. 114.)

Вотъ якъ бѣленькій цвяточекъ,
Ѣдзець Бѣлый Русскій Царь,
Нашъ бацюшка Государь.
(стр. 257.)

Бѣлому Царю солдаты откровенно и свободно говорятъ о своихъ нуждахъ (113—115, 257).

Нѣкоторыя рекрутскія пѣсни характера положительно веселаго (стр. 96—98, 177—179); нѣкоторыя изъ нихъ содержатъ воспоминаніе о войнѣ, битвахъ и сраженіяхъ (стр. 34, 41—42, 42—43).

Этимъ краткимъ очеркомъ мы кончили нашу бесѣду о собственно-пѣсняхъ перваго выпуска.

Ниже помѣщается CCXXIII-й нумеръ, опущенный по недосмотру меттръ-ан-пажа (верстальщика):

CCXXIII.

(*Гродненской г., Волковискаго у., село Бѣлавичи*).

Вылетала сива-крила птушина,
Вынасила Ґасударскаё письмо,
Тоё письмо на три полушки отдаци:
Дзѣ два браты, тамъ не велѣно браци,
Дзѣ чатыри, тамъ разамъ два взяци.
Были у давы [1]) да чатеры сына:
Першаго [2]) сына дзѣтки малыя,
У другого да жена малада,
Трейцяго да женици пара,
А чацьверты не спираетса [3]),
Въ тую дарогу прибираетса.
Вышоу брацецъ за новыя ворота,
Сестра его догоняючи:
—Паждзи, брацецъ, я галоуку спалощу.
—Спалащи ты, сестра, сабѣ, а не мнѣ,
Спалощетъ мнѣ дробный дожджикъ на вайнѣ.
—Паждзи, брацецъ, я галоуку расчашу.

—Расчапи ты, сестра, сабѣ, а не мнѣ,
Расчешутъ мнѣ щабельками на войнѣ.

(Рекрутская. Записалъ ученикъ Молодечненской учительской семинаріи *Александръ Арцышевичъ* [42]). [1]) вдовы. [2]) у перваго. [3]) не противорѣчитъ).

Относительно помѣщенныхъ у насъ пословицъ, поговорокъ и загадокъ приведемъ изъ предисловія многоуважаемаго Владиміра Ивановича Даля къ его монументальному сборнику пословицъ слѣдующее: „Въ этомъ сборникѣ, который не есть катихизисъ нравственности, ни же наказъ обычаямъ и общежитію, именно должны сойтись народная премудрость съ народною глупостью, умъ съ пошлостію, добро со зломъ, истина съ ложью; человѣкъ долженъ явиться здѣсь такимъ, каковъ онъ вообще, на всемъ земномъ шарѣ, и каковъ онъ въ частности въ нашемъ народѣ; что худо, того бѣгай; что добро, тому слѣдуй; но не прячь, не скрывай ни добра, ни худа, а докажи, что есть“ (стр. XXI).

Въ заключеніе, мы считаемъ своею обязанностью сказать о собирателяхъ и о тѣхъ лицахъ, которые соревновали нашему изданію. Первый и главный фондъ для на-

---

42) А. Арцышевичъ доставилъ значительное число загадокъ, пѣсенъ и сказокъ, которыя войдутъ во второй выпускъ.

стоящаго выпуска доставленъ учениками Молодечненской учительской семинаріи. На это истинно-народное дѣло они были наставлены своимъ ближайшимъ руководителемъ А. И. *Забѣлинымъ*, бывшимъ директоромъ семинаріи [43]). Вотъ имена *восемнадцати* молодыхъ собирателей, изъ которыхъ нѣкоторые недавно уже выдержали испытаніе на степень народнаго учителя: *Авсюкъ* Григорій, *Андрасюкъ* Василій, *Андрасюкъ* Григорій, *Арцышевичъ* Александръ, *Богушъ* Антонъ, *Василевичъ* Николай, *Дударевичъ* Антонъ, *Евтухинъ* Степанъ, *Зѣнька* Семенъ, *Лакотка* Антонъ, *Лобовичъ* Андрей, *Мушицъ* Михайло, *Проневичъ* Иванъ, *Рѣдька* Алексѣй, *Рѣдька* Антонъ, *Синкевичъ* Семенъ, *Шамшуръ* Данило, *Яковшицъ* Емельянъ. За Молодечненскими семинаристами главнымъ вкладчикомъ является студентъ Петербургской духовной академіи г. Иванъ *Котовичъ*, съ помощниками своими: Игнатіемъ *Котовичемъ*, А. *Котовичемъ*, Ярославомъ *Маркевичемъ*, О. *Маркевичемъ*, Ип. *Кадлубовскимъ*, г. *Проневичемъ* и В. Н. *Качановскимъ*. За г. Котовичемъ, слѣдуетъ товарищъ его по академіи г. Александръ *Будзиловичъ*. При посредствѣ Ивана Петровича *Корнилова*, Михаила Осиповича *Кояловича*, И. Ю. *Некрасова* и инспектора народныхъ училищъ г. *Янучкова*, мы получили достаточное количество пѣсенъ. Г. Некрасовъ передалъ

---

43) Для общаго свѣдѣнія: Мы слышали отъ А. И. Забѣлина, что имъ передано г. Безсонову до 40 народныхъ пѣсенъ, записанныхъ учениками Молодечненской учительской семинаріи. Имѣя въ виду участь сборника бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ, составленнаго П. В. Кирѣевскимъ, позволяемъ себѣ надѣяться, что помянутыя 40 пѣсенъ будутъ переданы г. Безсоновымъ для нашего 2-го выпуска.

намъ пѣсни отъ гг. *Софрыновича* и *Русецкаго*, а г. Януч ковъ отъ учениковъ Голомысльскаго народнаго училища. Ѳаддея *Зерянина*, Ивана *Бабка*, Василія *Метлы*, Ѳедора *Метлы*, Марка *Гмызы* и отъ ученицы Марьи *Ивановой*. Кромѣ того, сообщилъ нѣсколько пѣсенъ на заблудовскомъ говорѣ директоръ Пинской гимназіи г. *Кухлинскій*.

Преискреннее слово благодарности посылаемъ вамъ, почтенные собиратели и соревнователи! Благодаримъ также Алексѣя Ивановича *Забѣлина*, Н. И. *Соколова* и И. Л. *Кречинскаго*, которые сообщили намъ свои замѣчанія.

Усердно просимъ почтенныхъ сельскихъ священниковъ, гг. директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, народныхъ учителей и вообще всѣхъ, кто чтитъ народное слово и дорожитъ имъ, обратить вниманіе и поощреніе свое на собираніе и собирателей памятниковъ народнаго творчества. Въ настоящее время нужно спѣшить записываніемъ въ особенности *сказокъ* (см. 1-ую стран. предисловія). Изъ шести сѣверо-западныхъ губерній, только три, и то урывками, вошли въ первый выпускъ (см. 2-ую стр. предисловія).

Петръ Гильтебрандтъ.

Вильна
16 Іюля.

ПОПРАВКИ.

Стран.	XII	стр.	11	Предѣлы	Нужно:	предѣлы
«	XVI	«	11	въ	«	съ
«	XLIII	«	9	еетъ	«	естъ
«	XLIV	«	20	нынѣшнаго	«	нынѣшнято
«	—	«	25	нылъ	«	былъ
«	7	«	27	непечатана	«	напечатана

Г. Кречинскій замѣчаетъ, что пѣсня подъ № VI была напечатана въ началѣ тридцатыхъ годовъ, въ „Библіотекѣ для Чтенія".

Стран.	8	стр.	16	питирамъ	Нужно:	Питирамъ
«	—	«	25	дѣтки	«	дзѣтки
«	9	«	1	дѣтки	«	дзѣтки
«	—	«	15	плаковъ	«	платковъ
«	—	«	17	дѣтки	«	дзѣтки

Г. Кречинскій замѣчаетъ, что *закосъ*—рядъ скошенной травы (см. стран. 14).

Стран.	15	стр.	19	до сроку	Нужно:	до году
«	—	«	5	выдилыньку	«	выдилыньку
«	—	«	11	нака	«	наша

По замѣчанію г. Кречинскаго, *половенькій*—свѣтлосѣрый, пепельный (стр. 19).

Стран.	24	стр.	12	усердно	Нужно:	усердно, нѣжно, ласково
«	27	«	25	вѣрность	«	вѣрность, усердіе
«	29	«	4	сѣна	«	въ сѣняхъ
«	35	«	18	горюетъ	«	горюетъ, голоситъ
«	59	«	10	штычина = тычина, шестъ.		
«	63	«	16	сигнитъ, собственно—перстень		
«	68	«	2	опавъ	Нужно:	Пропавъ
«	74	«	25	пыты	«	кпыты—подшучивать, подтрунивать
«	79	«	11	(эту строку исключить).		
«	81	«	14	У горидцы	«	У городцы — (въ огородцѣ)
«	—	«	15	горидцы	«	городцы.
«	83	«	10	сонько горю	«	совнько горою.

Стран. 88 стр. 19 буду Нужно: будэ

« — « 25 чортыры « чотыры

« 91 « 1 пожнітэ « пузднітэ

« 99 « 17 озаченько « Козаченько

« 105 Къ 1-му объясненію прибавить еще *мыть*.

« — « 9 отмѣченная « выметенная.

По свидѣтельству г. Кречинскаго, CXVIII и CXX №№ были уже напечатаны въ „Библіотекѣ для Чтенія“, въ тридцатыхъ годахъ.

Стран. 117 стр. 3 намъ Нужно: нашъ.

« 122 « 7 вм. 1-го объясненія: не обманывай.

« 123 « 2 сіуй « сюй.

« 129 Къ 1-му объясненію прибавить: скорые.

« 143 « 2 и 4 Выгленула « Вылэнула.

« 149 Лышчина также: орѣшина.

« 166 « послѣд. пчела « пчола.

« 184 *терокъ*, малор. *тэрікъ*—этотъ годъ, этимъ годомъ; *высычу* надо понимать: освобожусь, высвобожусь, пойду на родину.

Стран. 195 стр. 10 яровое поле Нужно: оврагъ, яръ, обрывъ.

NB. Эта важная ошибка сдѣлана г. Будзиловичемъ, который комментировалъ собранныя имъ пѣсни.

Стран. 199 XCXIII Нужно: CXCIII

« 201 XCXIV « CXCIV

« — XCXV « CXCV

Стран. 210 стр. 17 мѣстними калѣкими Нужно: мѣстными калѣками.

« 216 « 23 При малайцы « Три малайцы.

« 221 « 6 шесть « семь.

« 227 « — на « она.

« 229 « 20 сворився « сварився.

« 230 « 16 ныже « ниже.

« 238 « 21 намъ « нашъ.

« — « 25 намъ « нашъ.

« 247 « 23 другою « другой.

Стран. 249 Къ 1-му объясненію: ленточки.
« 252 Къ 1-му объясненію: хозяйство.
« — стр. 15 венцей значитъ: больше, главнѣе, особенно.
« 255 « 22 научатье Нужно: научанье.
« 256 « 7 невѣсту « невѣстку.
« — « 8 невѣсто « невѣстко.
« 257 « 17 сябѣ « сябе.
« 264 « 12 цябѣ « цябе.
« 278 « 13 дѣвачка « дэвачка.
« 282 Въ послѣдней строкѣ, къ 1-му объясненію прибавитъ: пыльно.
« 288. Къ 1-му объясненію (май) — *лай*.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Перваго выпуска.

стран.

стран.

ПАМЯТНИКИ
НАРОДНАГО ТВОРЧЕСТВА
ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

Здѣшній русскій народъ имѣетъ два оттѣнка: бѣлорусскій и малорусскій. Считаемъ нужнымъ напомнить объ этомъ потому, что при обнародаваніи народно-словеснаго матеріала, оттѣнки эти довольно ярко проглядываютъ, и во всякомъ случаѣ, требуютъ поясненія. Въ сѣверо-западномъ краѣ Малороссовъ считается до 200,000 *) (изъ которыхъ почти четвертая часть, къ прискорбію, олатинена). Малороссы занимаютъ, главнѣе, юго-востокъ Гродненской губерніи и тянутся по Припети въ Минскую губернію и въ южную часть Могилевской **); маленькій отростокъ проникаетъ и въ царство польское—въ Люблинскую губернію.

Первыя *шесть* пѣсень всѣ на такъ-называемомъ бѣлорусскомъ нарѣчіи. Изъ нихъ—первыя четыре спѣлись подъ вліяніемъ „рекрутчины“ и имѣютъ оттѣнокъ, въ содержаніи и языкѣ, бѣлорусскій; пятая же составляетъ какъ бы

---

*) Цифра эта взята изъ весьма полезнаго «Сборника справочныхъ свѣдѣній по министерству народнаго просвѣщенія.»

**) «Лекціи» Кояловича, стран. 35.

переходъ къ пѣснопѣніямъ „козацкимъ.“ На NN I и V, отличающіеся законченностью, просимъ обратить вниманіе.

Относительно пріема при печатаніи пѣсенъ, мы должны замѣтить слѣдующее: дорожа мѣстнымъ выговоромъ, не жертвуя имъ въ пользу удобства чтенія, мы объясняли въ выноскахъ одни лишь неизвѣстныя для великорусса слова. Къ концу года, когда составится цѣлый сборникъ, будетъ приложено къ нему подробное предисловіе и другія замѣтки.

Собиратели печатаемыхъ нами народныхъ пѣсенъ — ученики Молодечненской учительской семинаріи, православныя крестьянскія дѣти. Мысль наставить учениковъ на такое вполнѣ народное занятіе, въ часы свободнаго лѣтняго времени—серьезная и, по истинѣ, воспитательная. Нечего и говорить, что мы желаемъ дальнѣйшаго и столь же замѣчательнаго успѣха юнымъ собирателямъ.

П. А.

I.

(*Гродненской губ., Слоним. у., деревня Збочна*).

Ой у поли да й дуброванька
Шумиць гудзе зелененька.
По край тае дуброваньки
Тудею [1]) шло три дароженьки:
Аднаею все ракруты жануць [2]),
А другою новы ружья несуць,
А трейцею оцецъ съ маткою идзе,
И за ними рѣчка слезъ плыве.
Были у матки три сынки радные,
Треба ихъ въ ракруты записаць:

Адзинъ старшій братко выкопоуваетcя,
Серадольшій выхитроуваетcя,
Самый мельшій прибираетcя,
Съ айцомъ съ маткаю пращаётся:
«Да бывай—бывай мая матка здарова
Цеперь жешъ [3]) мнѣ дароженька гатова
Ажъ подъ самусенькую Москву».
Сестра брату все голованьку мые, все радпенькому.
«Мый, сестра, сама сабѣ, да не мнѣ:
Ой вымые мнѣ дробный доздживъ на вайнѣ.»
Сестра брату бѣло личенько мые,
Сестра брату все радненькому.
«Ой мый, сестра, сама сабѣ, да не мнѣ:
Вымыюць мнѣ дробны слезки на вайнѣ.»
Сестра брату все сарочечку мые,
Сестра брату все радпенькому.
«Вымый, сестра, сама сабѣ, да не мнѣ:
Ой съ-подъ моста вода цече,
Тая мнѣ сарочечку вымые.»

(Записано ученикомъ Молодечненской семинаріи *Семеномъ Синкевичемъ.* [1]) туда. [2]) гонятъ. [3]) уже.)

II.

(*Тамъ же*).

Салавейко рябеньки [1]),
Твой галасокъ таненькій [2]),
Не щебечи въ елинѣ,
Не задавай жалю мнѣ,
Што я въ чужой старанѣ.

Охъ найму я подводу,
Дай паѣду до роду [3]),
Падъѣзжаю падъ [4]) село
Стало мнѣ весело,
Въѣзджаю на новый дворъ
Ажношъ выходзиць ацецъ [5]) мой,
А за айцомъ и маци—
Стали сына витаци [6]):
«Мой сынокъ раждены,
Гдзѣ твой дружокъ вѣнчоны?»
—Я вѣнчауся при полку,
В [7]) меня шабля при боку
И шапочка на уху.

(Записано тѣмъ же лицомъ. [1]) пестренькій. [2]) тоненькій. [3]) до родни. [4]) подъ. [5]) отецъ. [6]) привѣтствовать, здоровать-ся. [7]) у.)

III.

(*Тамъ же.*)

Зашумѣла дуброванька
Зашумѣла зелена,—
Надъ водою сточи [1]),
Заплакала вдова,
Заплакала молода,
Што чужая сторона,
Не весела жизнь моя.
Сами сѣли вечераци [2])
Мене выслали по воду.
На горѣ песочикъ,
На песку слѣдочикъ,
На слѣдочку винаградъ,

На винаградзѣ салавейко.
Салавейко рябенькій!
Не щебечи въ елинѣ,
Не задавай жалю [3]) мнѣ,
Што я въ чужой сторонѣ.

(Записано тѣмъ же лицомъ. [1]) стоючи. [2]) ужинать. [3]) печаль, горе.)

IV.

(*Тамъ же.*)

Ой ты зимушка-зима,
Завѣяла замела,
А ни слѣду, ни коня,
Ни праѣхаць, ни прайци,
Ни коника правесци.
Я праѣду, я прайду,
Я и коника праведу
До дубочка прывяжу
Авса и сѣна залажу,
Бѣлый листокъ напишу,
По дзеревнямъ разашлю,
Ракруциковъ наберу.
Ой гдзѣ пяць, то не брацъ,
Гдзѣ чатыре, не велящь.
А вдовушки адзинъ сынъ
Падступаетъ падъ аршинъ;
Знели [1]) его кудзерки [2]),
Дали ему шапочку;
Шапочка на уху
И шабелька при боку;

Дали ему мундзеръ

Циперъ [3]), матко, камандзеръ [4].)

(Записано тѣмъ же лицомъ. [1]) сняли, остригли, [2]) кудри, волосы. [3]) теперь. [4]) командиръ.

V.

(*Виленской губ. Дисненск. у., дер. Мальцы*):

Въ чистомъ полѣ городецъ [1]) стоиць,
А въ томъ городку молодецъ лежиць:
Онъ ссѣченъ, срубанъ, хорошо прибранъ.
Прилетѣли къ яму [2]) три пташечки:
Одна пташка сѣла у галовцѣ [3]),
А другая на правой руцѣ,
А третья въ бѣлыхъ ножкахъ.
Што въ галовцѣ—тамъ татулька [4]) съ мамкой,
Што въ бѣлыхъ ножкахъ—жона съ дѣтками,
Што на правой руцѣ—тамъ сестра съ братишкомъ.
Татулька кажець: «мой сыночекъ, ты мое дитя,
Што мнѣ отказываешь, што приказываешь?»
—Табѣ, татулька, сивый коничекъ
И ѣзди сабѣ и вспоминай мяне.
Матулька кажець: «охъ мой сыночекъ, ты мое дитя,
Што отказываешь, што приказываешь?»
—Табѣ, матулька, чирвоная шуба
И наси сабѣ и вспоминай мяне.
«Ты, мой браточикъ, ты, мой родненькій,
Што отказываешь, што приказываешь?
—Табѣ, братишка, вострая шабля
И воюй сабѣ и вспоминай мяне.

Сястрица кажець: «ты, мой браточикъ, ты, мой родненькій,
Што отказываешь, што приказываешь?»
—Табѣ, сестрица, шелкова хуста [5])
И носи сабѣ и вспоминай мяне.
Жонка кажець: „да мой дружочокъ, да мой миленькій,
Што отказываешь, што приказываешь?“
—Табѣ, жоночка, на три стороны:
Хочешь—женися, хочешь—тапися, хочешь—такъ живи.

(Записалъ ученикъ Молодечненской учительской семинаріи *Антонъ Лакотка.* [1]) гробъ. [2]) къ нему. [3]) въ-головахъ. [4]) отецъ, въ ласкат. формѣ [5]) платокъ.

VI.

Изъ-за Слуцка изъ-за Клецка
Ѣдзе дружба [1]) молодецка,
Отъ княжати изъ подъ Минска,
Воевати мѣста Пинска,
Мѣста Пинска воевати,
Одъ Ляховъ обороняти.
Хоть пришли—не дали рады [2]),
Погинули вси отъ здрады [3]).
А я пойду въ постъ великій
До Турова, до владыки,
Щобъ молебенъ отслужити.
Да й покаюсь за грѣхи,
День и ночь буду молити,
День и ночь буду просити,
Щобы згинули Ляхи!

(Эта пѣсня впервые непечатана, въ Вѣнѣ, въ русинскомъ журналѣ „Золотая Грамота,“ (№ 24, 1865). Издателю, г. Ливчаку, сообщилъ ее одинъ студентъ петербургскаго университета. [1]) дружина. [2]) совѣтъ. [3]) измѣна.)

Изъ помѣщаемыхъ теперь *восьми* пѣсенъ, первыя три на бѣлорусскомъ нарѣчіи, остальныя на малорусскомъ. Это послѣднее, разумѣется, не безусловно чистое, не вполнѣ южно-русское, но съ мѣстною примѣсью. Какъ въ бѣлорусскомъ, такъ и въ малорусскомъ мы подчинили письмо выговору и не рѣшились пестрить буквы знакомъ облеченія (accentus circumflexus), на что такъ падка современная намъ южно-русская ороографія. Что касается содержанія напечатанныхъ нынче пѣсенъ, то онѣ, какъ увидитъ читатель, полно, свѣжо и носитъ въ себѣ несомнѣнные признаки самой богатой и разнообразной лирической поэзіи. Удивляться слѣдуетъ, какъ здѣшній русскій народъ, не смотря на многовѣковыя невзгоды, успѣлъ сохранить свое народное творчество отъ оскудѣнія и истлѣнія.

VII.

(*Виленской губ. Дисней. у., дер. Мальцы*).

За питирамъ да за горадомъ
Жила-была одна вдовачка.
Были у ее три сыны на роду,
Загадали имъ у салдатки ити,
Ци большему, ци среднему, ци самому послѣднему.
Большему не хочется,
Сяреднему не приходится,
Самый меншій якъ расплакался, якъ разжалився:
„Матуличка наша родная,
Ци мы дѣтки всѣ неровные,
Ци мы служки всѣ невѣрные?“

„Дѣтки мои всѣ родные,
Служки мои всѣ вѣрные,
Да идите-жъ вы да въ чистое поле
Да выломте-жъ вы по прутику
Да возмитеся на жерабя [1])—
Которому выпадзиць у салдаты ици.
Да и выпала самому опаслѣднему,
И кажець іонъ: „пришлю табѣ, матулька, варанога каня,
Своимъ братьямъ по залатымъ ружью,
Своимъ сестрамъ по шелковымъ платку,
Своей жанѣ золотой перстень,
Малымъ дзѣткамъ по гастинчику.
Мамка на кони наѣздица,
Братья ружьями настрѣляются,
Сестры плаковъ наносятся,
Женка вѣкъ свой нагалосится,
Малые дѣтки нагаруются [2]).

Записалъ ученикъ Молодечненской семинаріи *Антонъ Лакотка*. [1]) жеребей. [2]) нагорюются.

VIII.

(*Тамъ же*).

За варотми варотми три садочки, три зеленые:
Въ першимъ садочку зеленымъ—тамъ зязюличка [1]) кукуиць,
А въ другимъ зеленымъ —салавѣечка пташка щабечець,
А въ третимъ зеленымъ—тамъ матулька съ сыномъ размовляиць:
„Да скажи-жъ ты мнѣ, сынку, щиру правду,
Да хто-жъ табѣ милый наймилѣйшій—
Ци [2]) жонка, ци мамка, ци теща?"

„Мнѣ жонка мила въ совѣтѣ,
А теща мила въ пріѣздѣ,
А моя радная матулька завсегда:
У смяротной кашульцѣ [3]) ходила,
Пакуль [4]) мине молойца спородила;
Ни одной темной ночки недоспала,
Пакуль мине-молойца вскалыхала;
Ни одной ясной свѣчи не гасила,
Пакуль меня молойца узрастила;
Свои бѣлыя ножки притомила,
Пакуль мине молойца оженила.

(Записано тѣмъ же. [1]) кукушка. [2]) или; ли. [3]) въ *смертной рубашкѣ*, въ саванѣ. [4]) покуда, пока).

IX.

(*Тамъ же*).

Пущу я паву рано-рано по Дунаёчку,
Сама пойду рано-рано по биражечку,
Ци не увидзу я татковыхъ сяней, [1])
Хоть увидзу, тамъ мнѣ не бывати,
Новыхъ сяней мнѣ не видати,
Чистыхъ столовъ мнѣ не застилати,
Любыхъ мнѣ не доглидати,
Золотыхъ кубковъ мнѣ не наливати.
Пущу я паву рано-рано по Дунаёчку,
Сама пойду рано-рано по биражечку,
Ци не увидзу я свёкровыхъ сяней.
Хоть не увидзу, да мнѣ тамъ бывати,
По новыхъ сянехъ мнѣ ходити,

Золотые кубки мнѣ наливаци,
Нелюбыхъ гастей мнѣ доглидати.

(Записано тѣмъ же. [1]) сѣней).

X.

(*Гродненской губ., Кобрин. у., Дорогичинской волости*).

Ой Боже, мій Боже, колы [1]) той вечоръ будэ,
Колы наговорецця [2]) на мэнэ людэ;
Говорылы старыи и малыи,
А потомъ сталы говорыты вороженькы [3]) лыхыи,
Я жъ ны [4]) вмію якъ вороженькамъ годыты:
Чы [5]) мни вбратысь [6]), чы чорно [7]) ходыты [8])?
Якъ убыруся, скагуть [9])—ны журуся [10]),
Якъ ходымъ чорно, скагуть—лынуюся [11]).
Ой пойду жъ бо я пойду, дэ [12]) вікъ [13]) ны ходыла,
Ой чы ны найду, кого вірно любыла.
Ой нышла [14]) жъ бо я жынышка молодого,
Та [15]) нашла жъ бо я жыныха старого,
Вінъ [16]) ны вміе [17]) ны косыты, ны ораты [18]),
А всэ будэ моею молодостію помыкаты.

(Записалъ ученикъ Молодечненской учительской семинаріи *Иванъ Проневичъ*. [1]) когда. [2]) наговорятся. [3]) враги. [4]) не. [5]) или, ли. [6]) убраться, нарядиться. [7]) въ трауръ. [8]) ходить. [9]) скажутъ. [10]) печалюсь. [11]) лѣнюсь. [12]) гдѣ. [13]) вѣкъ. [14]) пашла. [15]) да. [16]) онъ. [17]) умѣетъ. [18]) пахать).

XI.

(*Тамъ же*).

Ой ты братокъ одынъ у насъ,
Черезъ тэбэ завши [1]) сварка [2]) у насъ:
Треба тэбэ въ військо отдаты,
То ны будэ сваркы въ хаты.
Старша сыстра коня выдэ [3]),
А сыредня сыдло нысэ,
Сама мэнча пытаецця:
„Ой ты братокъ одынъ у насъ,
Колы въ гостюхъ у насъ.“
„Озьмы [4]), сыстро, пыску жмэню [5]),
Посій въ млыни на камэни,
Обтычъ его тычычкомы,
Полывай слезоньками.
Ой зыйдэ пысокъ-овесъ,
Товди прыду въ госты до васъ.
Зыйшовъ овесъ, зыйшло жито;
Ныма братка, дэсь убыто [6]),
Дэсь убыто, прытоптано:
Зъ війська пысьма ны подано.

(Записалъ тотъ же. [1]) всегда. [2]) ссора. [3]) ведетъ. [4]) возьми. [5]) горсть песку. [6]) гдѣ-то убитъ).

XII.

(*Тамъ же.*)

Тэмна нічка да нывыдная,
Дороженька да нытрапная [1]),
Камэнемъ да побытая [2]),
Слезонькамы да полытая.

Полывала да старая матка,
Свого сына да годуючы [3]),
До війська выправляючи.
За имъ идэ дві сыстріночкы,
За имъ идэ дві жалібночкы:
„Ой вырнысия, ты нашъ рідный братокъ,
Покажимо дві доріженькы въ садокъ,
Вымыемо да головоньку,
Розчешимо жовты косонькы.“
„Ны вырнусь, дві сыстріночкы, дві жалібночкы,
Вымыють мні дрібныи дощыкы,
Разчешуть мні бійныи [4]) вітрыкы.

(Записалъ тотъ же. [1]) въ смыслѣ: неудачная. [2]) въ смыслѣ: заваленная. [3]) кормить, воспитывать. [4]) буйные).

XIII.

(*Тамъ же.*)

Ой за гаемъ [1]), за Дунаемъ,
Козаченько сіно косыть,
За имъ дівка обідъ носыть.
Носыла-жъ вона ны донысла,
Сіла въ гаю, започыла,
Да й сыночка породыла,
До Дунаю говорыла:
„Дунаю мій тыхэсынькый,
Сыночку мій малесинькый,
Чы мни тэбэ годоваты [2]),
Чы въ Дунаю поховаты [3]).
Поховавши—отъ Бога гріхъ,
Годуючы—отъ людэй сміхъ.“

Ой якъ зачувъ [4]) козаченько,
Кынувъ косу на закосу [5]),
А самъ пошовъ до дівчыны:
„Дывчынонько молодая, головонька безумпая,
Годуй сынка маленького,
Любы жъ мэнэ молодэнького.
Насъ маты годовала,
Потіхы [6]) дожыдала,
Ночынькы ны досыпала.
Куплю жъ тобі колысочку,
Да й повішу [7]) въ холодочку,
Будэ вітеръ повыватьі [8]),
Колысочку колыхаты,
Сыночка годоваты.

(Записалъ тотъ же. [1]) роща. [2]) кормить. [3]) спрятать. [4]) услышалъ. [5]) мѣсто нескошенное (въ видѣ купы), съ котораго зачинаютъ косить—закосъ. [6]) радости. [7]) повѣшу. [8]) повѣвать).

XIV.

(*Та нъ же*).

Плыла утятка да быстрою водою,
Жалься, Боже, мэи молодости, що я долы [1]) ни маю!
Доля жъ моя доля, дэ жъ ты поділася [2]),
Чы въ огні згоріла, чы въ моры потонула?
Колы въ моры потонула, то прыплынь къ быроженьку,
Колы въ огні згорила, то трудно моему сырдэньку.
Одозвалася доля на другый бікъ [3]) мора:
„Тэбэ маты проклынала, щобъ ты мэнэ ны мала [4]).
Отдала маты далеко отъ сэбэ дочку замужъ,
Отдавала да й прыказала,

Щобъ симъ [5]) літъ ны бувала.
Дочка ны вътырпила [6]), до роченьку [7]) прылытіла,
Сіла-пала [8]) въ вышневомъ садочку,
Зозулькою заковала.
Въ выдилыньку [9]) рано выйшла маты.
Воды браты, іі [10]) голосъ познала:
„Выйды жъ, мій сыночку, зъ новый свытлыци,
Забыжъ [11]) тую рабую [12]) зозульку съ правый ручыцы.“
„На щожъ іі, маты, забываты [13])
Треба пойты попытаты—
Може нака рідна сыстрінка,
То запрошу до хаты;
Колы рабая зозулька, то прогоню въ біръ [14]) коваты.
Охъ уже жъ бо я лугы затопыла дрібными слезками,
Поглушила я боры жалостнымы голоскамы.

(Записалъ тотъ же. [1]) доли. [2]) дѣвалась. [3]) бокъ, сторона. [4]) не имѣла. [5]) семь. [6]) не утерпѣла. [7]) до сроку. [8]) сѣла-па а. [9]) въ воскресенье. [10]) ея. [11]) убей. [12]) пеструю. [13]) забивать, убивать. [14]) боръ.

О помѣщаемыхъ теперь *шестнадцати* пѣсняхъ замѣтимъ слѣдующее: мотивъ № XXI сходенъ съ XIV, а начало № XXII сходно съ началомъ I и съ концомъ № III.

XV.

(Гродненской губ., Кобринскаго у. село Озяты.)

Есть у полы вэрба,
Пудъ вэрбою вода,
Тамъ дівчына воду брала,
Хорошая молода.
Дівка воду бэрэ,
Козакъ коня вэдэ;

Пытается козакъ дівкы—
Дэ дорожэнька йдэ.
Тамъ дорожэнька йдэ,
Дэ быстра річка тэчэ,
Коло тэи граничэнькы,
Дэ стояло військo.
Тамъ полковникъ стоявъ,
И роспыскы пысавъ,
Свои хлопцы новобранцы,
У шаронъ [1]) становлявъ.
„Ви тэ хлопцы мои,
Новобранцы мои,
Заспывайтэ тэи пісны,
Що вподобная [2]) мні.“
Салдатыкувъ чотыры
Его волю вчынылы,
Дрибнэнькыми слезонькамы
Дорожэньку кропылы.

(Записалъ ученикъ Молодечненской учительской семинаріи *Василій Андрасюкъ*. [1]) шеренга. [2]) нравящаяся).

XVI.

(*Тамъ же*).

Ой! выйду я за новыи ворота,
За воротьмы все трава мурава,
Всюды гляну—все чужая сторона.
Изъ-за горы два соколы лэнэ [1]):
„Мои жъ ви тэ, оба соколы,
Чы нэ булы у моюй стороні,
Чы нэ плачуть отецъ маты по мні?“
—Плачуть, плачуть розбываются,

Слезонькамы улываются,
Хустонькою утыраются,
Сына въ госты сподываются,
Стара матка на лужечку,
Праву ручку на сэрдэнку дэржытъ.

(Записано тѣмъ же лицомъ. [1]) летитъ).

XVII.

(*Тамъ же*).

Стоитъ калына, на ій опавъ цвітъ,
Дэсь муй мылый пошовъ крузъ [1]) світъ,
А я молодэнькая той за имъ у слідъ.
Вэрнысь, муй мылый, вернысь до дому,
А сэ не вэрнэсся, то Бігъ съ тобою.
Муй мылэнькый до домоньку идэ,
Дротяную [2]) пліточку [3]) нэсэ.
Тая плітночка ростреналася,
А я молодэнькая догадалася,
У нову комору сховалася,
Новымъ замочкомъ замыкалася,
Покуль чужа мыла нагулялася.

(Записано тѣмъ же, [1]) чрезъ, черезъ, кругомъ. [2]) проволочн. [3]) плеточка.

XVIII.

(*Тамъ же*).

Росла въ лісы сосна
Тонка нэ выросла,

Пошла дівка за-мужъ,
Сімъ літъ нэ доросла.
Пошла вона за-мужъ,
Пошла молодая,
Така еи долэнька лыхая.
Молода дівчина косоньку чесала,
И до свэи косы стыха розмовляла:
Росты коса, росты, росты до пояса,
Прыдэ мылый зъ війська, вырвэ до волоска.
Узялы дівчину за малый часочокъ,
Самы одъиждяють въ новый городочокъ.
Гнала дывча гнала, гнала нэ догнала.
На бытуй дорозы корчомка стояла,
А [1]) туй корчомцы дівка ночовала.
Наіхалы купцы, купцы молодыи,
А пудъ имы коны сывы вороныи,
А на тыхъ коныкахъ сідла золотыи,
А на тыхъ сіделкахъ купцы молодыи.
Устань, дывчя, устань, устань пробудыся,
На свого мылого устань надывыся.
Дівчинонька встала ручэнькы ломала:
Ой! Боже жъ, муй Боже, дэ муй мылый дівся,
Чы вовкы заілы, чы въ моры втопывся?
Сэ бъ вовкы заілы, то бъ лугы шумілы,
Сэ бъ въ моры втопывся, то бъ Дунай розлився.

(Записалъ тотъ же. [1]) а въ).

XIX.

(*Тамъ же.*)

Ой! волы мои половэнькыи [1]),
Чомъ ви тэ не орэтэ,
Ой! оралы мы нэ стоялы
Ни кому погоняты.
Ой! літа мои молодэнькыи,
Чого такъ марно [2]) идэтэ.
Ой! пошли літа зъ марнэнького світа,
Ни кому шановаты.
Мала пташэнька нэвэличэнька
По долыноньцы скачэ,
Дурна дівчина, безрозумная,
По козаковы плачэ.
Ой! не я плачу, нэ я плачу,
Самы слезонькы льются,
Одъ мылэнького лыстонькувъ нэма
Одъ нэлюбого шлются.

Записалъ тотъ же. [1]) полова—мякина, половый—мякинный
итающійся мякиною. [2]) напрасно, тщетно.)

XX.

(*Тамъ же.*)

Ой сынкы мои, соколкы мои,
Дочэчкы голубочкы,
Позбырайтэся уси въ купоньку,
Якъ я буду вмыраты.
Ой сынкы ходятъ стыха,
Говорятъ якъ матюнку ховати;

А вяты ходятъ стыха,
Говорятъ якъ добро розбыраты;
Ой! а дочэчкы, якъ голубочкы,
Коло матюнкы вьются;
Нэвысткы ходятъ по хатоньцы
Все изъ того смыются.

(Записалъ тотъ же.)

XXI.

(*Тамъ же.*)

Послала дочку маты
Въ лісъ калыну ламаты,
Калина схылылася [1]),
Дівчина зъумилася,
Дэ доля поділася,
Одозвалея доля
На той букъ воды моря:
Дівчинонько вродлыва [2]),
Доленька нэ счастлыва!
Будешь ты постіль стлаты,
Нэ будешь на ій спаты
Вэчеру [3]) готоваты
Нэ будешь пожываты,
Будешь обідъ варыты,
Мужъ тэбэ будэ быты.

(Записалъ тотъ же. [1]) склонилась. [2]) красивая. [3]) ужинъ)

XXII.

(*Тамъ же.*)

Соловійку мэлэнькый,
Твуй голосокъ тонэнькый!
Нэ спывай ты на окни,
Нэ задавай жалю мні,
Що я въ чужуй стороні,
Нэма родоньку при мні.
Отбывся я отъ роду,
Такъ якъ камень у воду.
Камэнь у воді лежытъ,
Мні безъ роду трудно жыть.
Ой пойду я искаты,
Свого роду шукаты [1]).
Всю украіну пэрэшовъ,
Свого роду нэ нашовъ.
Нашовъ въ полы озэрцэ,
Въ край озерця бэрожокъ,
На бэрожку камэнэць,
На камэнці колосокъ,
Мэи маткы голосокъ.
Устань, матко, до мэнэ,
Трудно жыты безъ тэбэ.
Я нэ встану, нэ могу,
Білыхъ ручокъ нэ звэду:
Насыпалы зэмлыцы,
На білыя ручицы.

(Записалъ тотъ же. [1]) искать).

XXIII.

(*Тамъ же.*)

Ой! у лозі калынонка, у лози,
Тэпэрь моя головонька у тузи [1]).
Ужэ въ лозі калынонька оцвыла,
Мэнэ маты за пьяныцю оддала.
Пьяныченька якъ день якъ нычъ
Въ корчми пье,
А прышовшы до домоньку
Мэнэ бье.
Ой! пріихавъ муй батэнько зъ Ильвова,
Пытается пьяныченька чы въ дома.
Потыхоньку муй батэнька говори
И нэ збуды пьяныченькы въ коморы.
Якъ того пьяныченьку пробудышь,
То ты мою головоньку загубышь.
Прывыкай ты, моя доню, прывыкай,
До сусіда крузъ окэнцэ утыкай.
Хто жъ одъ его, муй батэньку, утэчэ
Одъ сусіда за косоньку волочэ.

(Записалъ тотъ же. [1]) печаль, горе.)

XXIV.

(*Тамъ же.*)

Пудъ горою трава шумытъ,
За горою козакъ лэжитъ.
Коло его нітъ нэкого.
Десь взялась дівчинонька,

Выломыла калынонъку,
И тэрнула [1]) по выдоньку [2]).
Устань, козакъ, очутыся,
Отъ коныку оглядыся.
Идэ військo набірное [3])
И ще ктому свавилное. [4])
Возьмутъ коня вороного,
Забьютъ тэбэ молодого.
Дэсь ты мэнэ, дывчэ, любышъ
Що ты мэнэ рано будышь.
Сэ бъ я тэбэ нэ любыла,
Тэбэ бъ рано нэ будыла,
За тобою нэ ходыла.
То я тэбэ вірно люблю
За тобою крузъ світъ пойду.

(Записалъ тотъ же. [1]) ударила. [2]) по лицу. [3]) наборное [4]) своевольное.)

XXV.

(*Тамъ же.*)

Пудъ гаемъ зэлэнэнькымъ
Убыта дорожка,
А тэю дорожкою
Ишлы цыганы.
Мыжы тымы цыганамы
Цыганка ворожка,
А до тэи цыганочкы
Вторая дорожка.
А тэю дорожкою

Дивчынонька ходыла,
И тэи цыганочкы
Хорошэнько [1]) просыла.
Моя жъ ты, цыганочко,
Вчыны мни тую волю,
Прычаруй ты козачэнька
На вікы зо мною.
Молодэнькый козачэнько
Такъ якъ рыбонька вьется,
Молодая дівчынонька
Съ козачэнька смыется.

(Записалъ тотъ же. [1]) усердно.)

XXVI.

(*Тамъ же.*)

Вітёръ повывае,
Гору разрывае,
Молодъ козачэнько
Коныка сыдлае,
Изъ двора зъиждяе.
Ему дівчинонька
Білу ручку дае.
Вэрнысь, козачэнько,
Вэрнысь до домоньку,
То я пэрэвяжу
Шовкемъ головоньку,
Твоя головонька
Такъ якъ маковонька.

Розумэць маленькый,
Козакъ молоденькый,
Одбывся одъ роду
Въ чужую сторону,
По чужуй стороні
Конимъ поіждяе,
И до свого коня
Стыха промовляе:
—Ой! Коню муй коню,
Коню воронэнькый,
Скажи мні правду,
Дэ отэцъ и маты.
—Вэды конычэнька
Въ тыхый Дунай пыты,
Прыдэ отэцъ и маты
Білыхъ ручокъ мыты
И будутъ до тэбэ
Стыха говорыты:
—Сэ бъ жэ ты бувъ, сынку,
Въ Дунаі втопывся,
Нэжъ якъ отцу й матцы
На очи навывся.
—Матко жъ, моя матко,
На що породыла:
Ни щястя, ни долы
Ты мні нэ вдылыла,
Мэнэ молодого
Въ військө вырадыла.

(Записалъ тотъ же.)

XXVII.

(*Тамъ же.*)

Зэлэнэнькый дубэ,
Чого нахылывся;
Молодый козачэ,
Чого зажурывся:
Чы волы прысталы,
Чы зъ дорогы збывся.
—Волы нэ прысталы,
Зъ дороги нэ збывся,
Пошовъ до корчомкы,
Горілкы напывся.
Идучы съ корчомкы
На бікъ исхылывся.
Тамъ людэ стоялы
Мэнэ осуждалы.
Пошовъ козачэнько
Доленьки шукаты.
Нэ нашовъ вінъ долы
Знашовъ рыболовы.
Мои жъ, ви тэ хлопцы,
Выбраны молодцы!
Закыдайтэ сітьку
На быструю річку
И нэ ловитэ рыбкы,
А спиймайтэ долю
И оддайтэ мні молодому.

(Записалъ тотъ же.)

XXVIII.

(Тамъ же.)

Ой! лэтілы голубы
И лэтячы загулы: [1])
Ой! дэ буты то буты,
А въ тымъ сэлі нэ буты,
Бо въ тымъ сэлі всё лугы.
—А на мэнэ ворогы
На-около [2]) облэглы,
Будутъ мэнэ судыты,
Що нэ хочу робыты.
Ой! я роблю, горую,
Воны кажуть лынуюсь;
Ой! я роблю съ щиросты [3]),
Воны кажутъ въ ліносты.
Ой! пойду я у полэ
И знайду я калыну,
Матэрину могылу.
Устань, матко, до мэнэ
Трудно жыты бэзъ тэбэ.
Я нэ встану нэ могу
Білыхъ ручокъ нэ звэду:
Насыпалы сырыцы [4])
На білыя ручицы.

(Записалъ тотъ же. [1]) загудѣли, заговорили. [2]) кругомъ. [3]) вѣрность, преданность. [4]) сырая земля.)

XXIX.

(*Тамъ же.*)

Ой! зажурывся ясный соколонько,
Що нидэ [1]) сісты,
Гныздэчка извыты.
— Ой! сяду я, сяду
Въ верху на ялыны [2]),
Изовью гныздэчко
Хочь изъ травяныны,
Роспущу дытонькы
По всюй украіны.
Ой! а самъ полэну [3])
Полэ чэрезъ полэ,
На сынёе морэ.
А въ чистому полю
Макы зацвытаютъ,
На сынёму моры
Пташэнькы лэтаютъ;
На бытуій дорозы
Рэкрутэ ступаютъ.
Ой выйшла маты
Сына познаваты,
И стала вона
Въ сінёхъ [4]) на порозы.
Познала сына
Въ четвертумъ обозы.
Вэрнысь, сыноньку,
Змыю головоньку.
Ой! измый матко,

Собі нэ мні,
Вжэ мні судылося
Наістыся зэмли.

(Записалъ тотъ же. [1]) негдѣ. [2]) слина. [3]) полечу. [4]) сѣна).

XXX.

(*Тамъ же.*)

Повій, повій тыхый вітёръ
Изъ-за крутэй горы
Пріидь, пріидь, муй мылэнькый,
Изъ чужэй стороны.
—Ой! радъ бы я повіяты
Изъ-за крутэй ґоры,
Ой! радъ бы я приіхаты
Изъ чужэй стороны.
Нэма сіна [1]) нэ оброку [2])
Ничімъ коня попасать,
Возьму въ руки пыстолита,
Пойду галочокъ стрѣлять.
Нэ застрэлю чорной галкы,
Нэ ясного сокола,
Кыну зъ ручокъ пыстолита,
Пойду въ корчму пить гулять,
А за мною моя мыла
Вэчероньку готовать.
Ой вэчэрай, моя мыла,
Ой вэчэрай здорова
Есть у мэнэ друга мыла,
Мні вэчэра готова.

Ой я тую мылэнькую
Поцылую обыйму,
Ой а свою нэлюбую
Рострѣляю, розобью,
Самъ молодый молодэнькый
У салдатушкы пойду.
За годъ, за два, за четыры
Всю науку пэрэйму
И до своихъ отца й маткы
У гостыну [3]) прыбуду,
Такы съ свэю нэлюбэю
Вірно жыты нэ буду.

(Записалъ тотъ же. [1]) сѣна. [2]) кормъ, пища. [3]) въ гости.)

Отъ студента Петербургской духовной академіи, г. Ивана Котовича, собравшаго значительное число нумеровъ Западно-Русскихъ народныхъ пѣсенъ, мы получили на первый разъ—*пять* (за что приносимъ почтенному собирателю полную нашу признательность), при слѣдующемъ письмѣ:

«Въ бытность мою учителемъ Кобринскаго духовнаго училища въ 1861—1863 г., я занимался собираніемъ памятниковъ словеснаго народнаго творчества. Не праздный интересъ побуждалъ меня къ этому занятію. Среди тогдашнихъ стремленій горсти вліятельнаго польскаго населенія, силившагося заслонить собой несравненно многочисленнѣйшую часть кореннаго русскаго народа и не дать ему никакого политическаго и гражданскаго значенія въ Западномъ краѣ; среди постоянныхъ польскихъ возгласовъ и напоминаній, что здѣшній край, здѣшній народъ—польскій, а не русскій,—мнѣ захотѣлось поближе познакомиться съ наро-

домъ, проникнуть, такъ сказать, въ его завѣтныя думы и чувства. Кто знакомъ съ процессомъ собиранія пѣсенъ, тотъ согласится съ нами, что это дѣло не легко дается. Можно думать, что много уже утрачено пѣсней такихъ, которыя 50—60 лѣтъ тому назадъ еще жили въ устахъ народа; нужно вспомнить гнетъ польскаго панства, голодъ, разныя болѣзни и т. п. несчастія, все чаще и все сильнѣе удручавшія нашъ народъ, чтобы согласиться съ гласомъ народнымъ, что въ это время было *не до пѣнія,* что теперь нѣтъ такихъ *спывакувъ*, какіе были встарину.... На всѣ мои просьбы спѣть пѣсню, или сказать сказку, чаще всего мнѣ слышались такіе отвѣты: «чи варто (стоитъ ли того), щобы витэ слухалы нашу мужицькую пісню». Тѣмъ не менѣе трудъ мой подвигался; количество народныхъ пѣсней мало по малу возрастало. Я не могу при этомъ не сказать сердечное спаси Богъ *) моимъ близкимъ знакомымъ, неотказавшимъ помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ, и нѣкоторымъ изъ бывшихъ моихъ учениковъ, которые, во время домашнихъ отпусковъ, занимались записываніемъ пѣсенъ. Находящіяся у насъ пѣсни записаны въ Кобринскомъ, Брестскомъ, Бѣльскомъ и Гродненскомъ уѣздахъ (Гродненской губерніи). Тѣ изъ пѣсней, которыя записаны въ Кобринскомъ и Брестскомъ уѣздахъ,— на малорусскомъ нарѣчіи; въ пѣсняхъ Бѣльскаго уѣзда еще преобладаетъ малорусская рѣчь, но уже часто слышится *дз;* пѣсни Гродненскаго уѣзда чисто Бѣлорусскія.»

Печатаемыя ниже пять пѣсенъ, особенно первая, такъ отмѣнно хороши и глубоко содержательны, что мы просимъ обратить на нихъ особенное вниманіе.

---

*) Мѣстное общеупотребительное выраженіе. *П. Л.*

XXXI.

(Гродненской г., Кобринскаго у., село Черевачицы.)

Горе мое горе, несчастная доля,
Поорала дівчинонька мысленьками поле,
Чорнымы очима да й заволочила,
Друбнынькыми слезоньками все поле зросыла.
Цвітэ грэчка цвітэ, да й цвітъ опадае,
А вжежъ мэнэ муй мылэнькій на вікъ покидае.
Ой літіла птыця, роспустывши крыльця,
Ахъ ныма и ны будэ мого чорнобрывця.
Ой літіла пава, въ садоньку упала,
Ахъ ныма и ны будэ кого я кохала.
Ой ты, сывый орле, высоко літаешь
Возми жъ мэнэ на свы крыльця—занэсы дэ знаешь.

(Записалъ *Иванъ Котовичъ.*)

XXXII.

(Гродненской г., Бѣльскаго у., село Чижы).

Подъ похилымъ дэрэвомъ
Маты зъ сыномъ стояла,
Правды у іого пытала:
— Муй сынэ Иванэ,
Дитя мое коханэ!
Якъ я тэбэ родыла,
То усю нужу сходыла;
Якъ я тэбэ годовала [1]),
Всяку нуждэньку приймала;

А тэпэръ до вуйська оддамъ,
Сама собі жалю задамъ.
—Маты жъ моя рюдная!
Исправъ [2]) же мні три трубы
И всі мідяныи, а четвэрту золотую.
А я въ пэршу заиграю,
Якъ коныка осідлаю;
А у другую заиграю,
Якъ на іого сідаю;
А въ третюю заиграю,
Зъ ворутъ выізжаючи;
А въ четвэрту заиграю,
Сэредъ пулка [3]) стоячи.
Нэхай чуе маты моя,
Нэхай чуе рюдная,
Што на чужуй стороні:
Ани сестры, ани брата,
Но Пульша проклята;
Ани маткі, ни ойця,
Но самъ блудный, якъ овця.

(Записалъ ученикъ Кобринскаго духовнаго училища *Ярославъ Маркевичъ.* [1]) воспитывала. [2]) сдѣлай. [3]) полкъ.)

XXXIII.

(*Тамъ же.*)

Нэ шумитэ луги,
Нэ задавайтэ туги,
Бо я и такъ туґу маю,
Мылого ны видаю.

Дэсь пойшовъ мылый за лісъ,
Чорныі очинька занюсъ
И слідки свои забравъ,
Сэрцю тужэньки задавъ.
Ой роспущу я тугу
По зэліоному лугу,
По крутыхъ дороженькахъ,
По своихъ вороженькахъ.
Бодай [1]) наши вороги
Поконали [2]) до ноги. [3])

(Записалъ тотъ же. [1]) пускай. [2]) погибли. [3]) описательная форма: до единаго).

XXXIV.

(*Гродненской г., Брестскаго у., село Косичи*).

Чомъ ты гаю [1]) чорный стоишь,
Чомъ ты гаю ны зеленіешь?
— Якъ я маю зеленіты,
Була зыма сутужная, [2])
Й шло вуйсько велыкое,
Подо мною ночовало,
Корыньечко подоптало
И гульечко [3]) постынало [4]):
Корыньечко копытками,
А гульечко шабэльками [5]).

(Записалъ г. *Иванъ Котовичъ*. [1]) роща. [2]) стягивающая, жестокая. [3]) вѣточки. [4]) обрѣзало).

XXXV.

(*Гродненской г., Кобринскаго у., мѣстечко Бездзѣже*).

Щука рыба въ морі
Гуляе до воли;
Ой у вдовы одынъ сынъ,
Да ны давъ Богъ доли.
Выйшовъ за ворота,
Стоить якъ сирота;
Ныхто іого нэ займае
Бо роду ны мае.
— Продай, матко,
Коня вороного,
Ожены, матусэньку,
Сына молодого.
Нэ схотіла маты
Коня продаваты;
А вжэ іого запысалы,
Въ солдаты оддалы.
Матка выражае [1]),
Слезмы обливае;
Лытівъ оролъ съ чужихъ сторонъ,
Да й того пытае [2]):
— Ой ты, сывый орлэ,
Высоко литаешь,
Ой чи часто мого сына
У вуйську выдаешь [3])?
— Чи то сынъ твуй, матко,
Въ стэпу [4]) спочивае [5])?
Надъ имъ ясный соколъ

Головку стыскае [6]),
Воронъ прилітае
Смэрты доглядае [7]).
Білэ тіло обырае
Косты покидае.
Ны дай Боже смэрты
На чужбыны умерты!

(Записалъ ученикъ Кобринскаго духовнаго училища *Кадлубовскій*. [1]) горюстъ. [2]) спрашиваетъ. [3]) видишь. [4]) степь. [5]) лежитъ мертвый. [6]) убивается. [7]) досматривать, стеречь).

Помѣщаемыя ниже *двѣнадцать* пѣсенъ (изъ нихъ XL нумеръ—извѣстная «Лучинушка», но только на бѣлорусскомъ нарѣчіи, и съ нѣкоторымы варіантами) записаны учениками народныхъ школъ Голомысльской волости, Дисненскаго уѣзда, Виленской губерніи и сообщены, чрезъ посредство С. В. Шелковича, инспекторомъ народныхъ школъ Виленской дирекціи г. Янучковымъ, которому приносимъ искреннюю благодарность.

XXXVI.

(*Виленской г., Дисненскаго у., вол. Голомысльская*).

Цёмная ночь да невидная ноченька,
Дурная, неразумная дзѣвченька
Спадабала [1]) казаченьку старого,
Вела іона яго съ карчомки пьяного,
Уклала спаць въ цесовой кровапи,
А сама пашла салавейку вцишаци:
—Не щебечи салавейко въ далинѣ,
Не будзи мого милого въ церинѣ,

Я молода рада, што іонъ спиць
Што іонъ маёй головки не журиць.

(Записалъ ученикъ *Ѳаддей Зерянинъ.* [1]) полюбила).

XXXVII.

(*Тамъ же.*)

Прагулявъ маладзецъ молодосць сваю,
Аженивъ татка съ нелюбой жонкою.
У нелюбой жоны нѣтъ вечеринки,
Нѣтъ у ёй мягкой перинки.
Пайду маладзецъ въ новый городзецъ,
Куплю для жоны новый чолнецъ;
Въ ёго посажу жону нелюбую
И пущу жону на рѣку быструю;
А самъ взайду на крутую гору
И взгляну, маладзецъ, на ясную зорю.
Ажъ чолнекъ плывецъ, якъ соколъ лецицъ,
А жона плачецъ якъ рѣка плывецъ.
Вернися жона, вернись нелюбая!
Хоць для малыхъ дзѣтокъ, а не для меня!
Рада бъ я была, рада вернуцца,
Да новый чолнокъ не вертаецца,
Видно, что мамка съ дзѣцьми розлучаецца,
Табѣ маладцу жонка другая будзець,
А маимъ дзѣткамъ мамки не будзець.
Возьмешь лѣпшую [1]), проклянешь мяне;
Возьмешь пущѣйшую [2]), вспомянешь мяне.

(Записалъ тотъ же. [1]) лучшую. [2]) худшую.)

XXXVIII.

(*Тамъ же.*)

Што за шумъ по доброви, што за шумъ по зеленой?
Дочка къ татку въ госци идзець и госцинчикъ нясець.
На бѣленькой паперынцы три славцы написаны:
Ой першія славцы—дзень добрый, татулька!
А другія славцы—чи здоровъ, татулька?
А трейція славцы—я горую, мой татулька!
Горуй, дзидзятко, горуй—добрыхъ дзѣтокъ гадуй,
А якъ дзѣцей падгадуешь, такъ гаревацъ забудзешь.
Татулька мой дорогій, татулька мой родный!
Якъ дзѣтки цадрастуць, тагды й мое горе побольшеиць.

(Записалъ тотъ же.)

XXXIX.

(*Тамъ же.*)

Не ходзи, косю [1]), у зялёный садъ,
Ня пей, косю, ключавой воды,
Ня ѣшь, косю, зялёной травы.
У ключа дзѣвка умывалася,
Красоцѣ сваёй дзивовалася:
—Красата ты моя красотушка!
Да кому красота ты достанешься:
Чи дворянину, чи мѣщанину,
Чи гетому госцю пріѣзжому?
—Ни дворянину, ни мѣщанину,
Ни гетому госцю пріѣзжому,—
Гробовымъ доскамъ, жовтымъ пясочкамъ.

(Записалъ ученикъ *Иванъ Бабокъ.* [1]) конь)

XL.

(*Тамъ же.*)

Ахъ што ты, лучинушка, жарко не горишъ,
Лучина—лучинушка бярозовая!
Знаць што ты лучинушка въ печцы не была.
—Была я въ печцы вчорайшей ночи
Лихая свякровушка вады подлила.
Дзѣвушки падружницы, кладзицеся спаць,
Кладзицеся спаць—вамъ некого ждаць;
А мнѣ маладзюсенькой всю ночь не спаць,
Всю ночь не спаць—милого ждаць.
Першій сонъ заснула—миленького нѣтъ;
Другій сонъ заснула—якъ нѣту, такъ нѣтъ;
Трецій сонъ заснула—дзень бѣлый, заря.
Ажъ сподъ ясной зорушки мой милый идзець,
На іомъ нова шубочка пашумливаець,
На галовкѣ шапочка поблискиваець,
На ножечкахъ сапожки паскрипливаюць.
—Здравствуй, миленькій, гдзѣ ночку ночевавъ?
—То тамъ, то сямъ прозамешкався,
Съ нелюбой жоной побранка была,
Бранила, лаяла цябе и мяне,
Цябе, красну дзѣвушку, шельмой назвала,
Мяне, удала маладца, обезчесцила.
—Пакинь, маладзецъ, худую жону,
Вазьми, маладзецъ, мяне молоду.
—А дурно ты, дзѣвка, дурно гаваришь:

Съ нелюбой жоной мнѣ вѣкъ вѣковаць,
А съ табой, красна дзѣвица, ночку начеваць.

(Записалъ тотъ же.)

XLI.

(*Тамъ же*).

Бяроза, бяроза каранастая,
Давъ же мнѣ Богъ мужа наровистого.
Я ёго наровы всѣ уже свѣдала,
Собравши семейку паабѣдала.
Маленька семейка на работу йдзець,
А пьяница мой мужъ въ карчомцы пьець.

(Записалъ ученикъ *Ѳедоръ Метла*.)

XLII.

(*Тамъ же.*)

Сильные вихры бѣлу бярозу разкалыхиваюць,
Ўдалъ маладзецъ па сѣнюшкамъ пахаживаець,
Мацерь родную свою упрашиваець:
—Встань, матулька, пораннюсеньку,
Вытапи хатку пацеплюсеньку;
Засцели, мамка, палаценцы бѣленьки,
Да наливай, мамка, ковшики краштальные:
Прибудуць къ намъ госцн незваные,
Прибудуць къ намъ гости непріятные,
Прибудуць насъ, мамка, въ рекруты брацъ,
Будуць же намъ, мамка, руки назадъ вязаць.

(Записалъ тотъ же.)

XLIII.

(*Тамъ же.*)

Въ чистомъ полі снѣгъ идзець,
Землю сыру прикрываець;
А мамка сына благословляець,
Въ чужую сторону выправляець.
Ахъ! мамка мая—миленькая,
Мамка мая—старенькая!
Я тваю всю журбу знаю:
Въ чужую старану отъѣзжаю,
Цябе старенькую пакидаю,
Да и съ коника не ссідаю
И ножекъ изъ стрименъ не выймаю,
Къ Дунаю я атъѣзжаю
И цябе мамка пращаю.
Дунаёкъ мой цихусенькій,
Што ты стаишь мутнюсенькій?
Чи цябе волна сбила,
Чи цябе бѣла лебедзь замуцила?
Мяне замуцили кульки гарматные [1]),
И въ воду удары частые
Черезъ Дунай летаючи,
У маладцовъ лучаючи [2]),
Съ плечъ галовки скидаючи,
Бѣлы цѣла [3]) валяючи.
Кони мои, кони вороненькіе!
Кони мои, кони дорогенькіе!
Чаму жъ вы не пьецё воды на Дунаю?
Чаму не пьецё—я не разгадаю.

Іоны ня пьюць да тольки вздыхаюць,
Да за Дунай-рѣку паглядаюць,
Якъ тамъ маладцы гуляюць,
Адзинъ другого забиваюць;
Якъ тамъ цякуць рѣчки кровавыя.
И ручейки цякуць слезавые,
Якъ тамъ масты масцяць трупавые [4])
Все маладцы удалые.

(Записалъ тотъ же. [1]) пульки пушечныя, ядра. [2]) попад-
ющіе. [3]) тѣла. [4]) изъ труповъ.)

XLIV.

(*Тамъ же.*)

Въ чистомъ полі не дымъ, не вода:
Горы, далины и сыра земля,
А на долинахъ чатыри полка.
Въ одномъ палку шабли зіяюць,
А въ другомъ палку галовки летаюць;
Въ трейцемъ палку ацецъ туживъ
Про то, што братъ брата забивъ.
А въ чацвертомъ палку невподалеку
Забитого ацецъ робиць расправку:
—Разскажи мнѣ всю прилуку,
За што ты брата забивъ, сынку?
—Я табѣ, татулька, все щире скажу:
Мы съ имъ къ адной паненцѣ удавалися,
И за гето съ братомъ пасердзилися:

Его бѣлое цѣлошко повалилося,
А буйная галовка пакацилася,
Ручьями кровь его разливалася,
По сырой землѣ красовалася.

(Записалъ тотъ же.)

XLV.

(*Тамъ же*).

Вяликъ туманъ на далинi,
Широкъ листокъ на калинi,
Ширей того на дубочку
Завець галубъ галубочку:
—Заву свою, не чужую,
Идзи, мила, пацалую!
—Якъ же ты маешь мяне цаловаць
Маему сердцу таску придаваць?
Твая маци—чаровница,
Сестра твая—разлучница,
Разлучила мяне съ тобою,
Якъ бы рыбку съ вадою.

(Записалъ ученикъ *Маркъ Гмыза.*)

XLVI.

(*Тамъ же.*)

Да лецѣли сѣрые гуси изъ Руси,
Сѣли—пали у вдовоньки на дворѣ,

Лапками свайми всю муравку истаптали,
А скрыдлами сваими весь дворъ укрыли,
Сваими вочками цѣлый свѣтъ асвѣцили,
Сваими галасками вдовоньку будзили:
—Встань, встань! паднимись, малада вдава!
Выйдзи ты, выйдзи за новыя варата,
Да паслухай, не шумиць ли дуброва;
Да паслухай чи не стогнець—не звениць дорога?
Ажъ на! ѣдуць три козаки съ войны,
Да ведуць трехъ кониковъ вараныхъ.
—Вотъ же табѣ, маладая вдова,
Гетыхъ трехъ кониковъ на стаенькѣ годовацъ,
Да за то милаго мужа въ вѣкъ вѣковъ неоглядацъ.

(Записала ученица *Марья Иванова.*)

XLVII.

(*Тамъ же.*)

Да въ чіимъ гето леночку
Золотая маковка, а серебряная листинка?
Брацишка мой родненькій!
Пайдземъ боръ церебиць,
Будземъ лёнъ гарадзиць,
Штобъ по имъ дзѣвки не хадзили,
Маго леночку не топтали,
Маковки не щипали,
Вѣночковъ не вязали,
На галовки свои не клали,

На улицу не выхадзили,
Маладчиковъ не звадзили.

(Записалъ ученикъ *Василій Метла.*)

XLVIII.

(*Тамъ же.*)

Запахавъ варабей на припечку [1]) нивку
И на ёй пасѣявъ сваю пшеничку;
Намалацивъ, наваривъ пшеничнаго пива.
Пшеничное пиво—великое дзиво!
Полтычины хмѣлю взявъ,
Полшелега [2]) на музыку давъ,
И тутъ ледве [3]) не пропавъ.
И та вяликая сумма
Ледве не звела ёго съ ума.
Паславъ варабей гасцей созывацъ,
А самъ пайшовъ ихъ переймацъ.
Цѣлый дзень іонъ стаявъ
И никого не спаткавъ [4]).
Ажъ вотъ пріѣхавъ грунгачъ [5]), а съ имъ бацянъ, [6])
Жоровъ арганистый [7]) и соколъ быстрый;
Іоны выѣхали въ повночи
Працивъ сваёй мочи.
Къ заходу слонца сава приляцѣла
Да й за столомъ смѣло сѣла;
За ею приляцѣли щиглицы [8])
И всѣ сѣли на палицы [9]);

Пазднѣй приляцѣли чачотки [10]),
Были іоны ему родныя цётки;
Приляцѣли й снигиры
По першой жонцы швагры [11]);
Приляцѣли кавки [12]),
Пасѣли на лавки;
Приляцѣли стринадки [13]),
Пасѣли на градки [14]);
Приляцѣли чайки,
Пасѣли на палки.
Захацѣлось варобью надвеселѣ быць
Вотъ и ставъ іонъ всѣхъ гасцей прасиць
Пиць, ѣсць, все выпивацъ,
Хозяина варабья вяличацъ.
Пили, ѣли и гуляли,
Хозяина воробья вяличали:
Будземъ пиць и ѣсць да дня
За 'здаровье воробья!
Захацѣлось воробью
Въ другій разъ женицца,
Жонку сабѣ засватацъ
И пива напицца.
Вотъ паѣхавъ воробей
По виночко и мядокъ,
Взявъ съ собою пшенички
И рублёвъ пятокъ.
Багатыя плацья надзѣвъ
И запрагци чатыри кони сказавъ.

Влѣзъ въ поѣздъ широкій
И обудвами [15]) скрыдлами [16]) упёрся въ боки.
Паѣду я паѣду въ залеты, [17])
До панны сороки стрекаты [18])!
Взявъ кота за лёкая у тылу стаяць,
А индыка за клерика—пѣсни піяць.
Якъ нашъ варабей стукнувъ чаботами,
Такъ сорока залилась слезами.
Нашъ маладзецъ воробей малымъ не уявся
Три годзины съ вовкомъ на шабли сражався.

(Записалъ тотъ же. [1]) ниша, въ боку печки, куда выгреба-ся зола. [2]) старинная мелкая деньга. [3]) едва. [4]) не встрѣтилъ. воронъ. [6]) аистъ. [7]) журавль съ звучнымъ голосомъ. [8]) щег-та. [9]) полки. [10]) птица изъ породы воробьевъ (fringilla linaria).) шуринъ. [12]) галки. [13]) птицы изъ породы воробьиной. [14]) гряд-ı. [15]) обоими. [16]) крыльями. [17]) свататься. [18]) пестрая.)

Печатаемыя ниже *четыре* пѣсни сообщены Попечи-лемъ Виленскаго учебнаго округа Иваномъ Петровичемъ *орниловымъ*.

XLIX.

(*Гродненской г., Бѣлостокскаго у.*)

Ой волы мои половенькіе,
Чему вы не ореце;
Ой лѣта мои молодзенькіе,
Чему жъ вы марне идзеце.
Ой стукни гукни хлопче, паробче,
На волы половые
Чи не вернутся, чи не вернутся
Лѣта молодые.
Ой болиць же мнѣ да й головенька
Никто правды не скаже,

Ей! Богъ-же знае, Панъ-Богъ вѣдае,
Съ кімъ мои ручки свяже.
Ой! чи съ гультаемъ, чи съ негодзяемъ,
Съ кімъ мнѣ придзется быци
Ой! волій-же мнѣ съ мосту да й въ воду
Нижли съ гультаемъ быци.

(Поется во время пахоты).

L.

(*Тамъ же.*)

Кругомъ слоненко да въ гору идзе,
Наша дзѣвочка до шлюбу ѣдзе.
Ея косоньки разчесаны
Ея серденько разжаленое.
—Обейдзи, дзевонько, да вколо стола,
А упадзь матеньцѣ на бѣлы ножки,
Ошибнуць цебе дробныя слёзки.
Пошли, дзевонько, соловья съ саду
До раю по матеньку;
А зозуленку на украинонку
По всю родзимоньку.
Еще соловей не прилетае,
Матенька промовляе:
—Сырая земля дзвери заняла
Оконкомъ не пущае,
Мои рученки шолкомъ звязаны,
Не могу я ихъ сняци,
Не могу встаци
До свого дзѣцяци,

Не могу рады даци.
—Кобъ я была сива зозулька,
Тобъ я умѣла летаци,
Полецѣла бъ я по всему свѣту
Свого ойца шукаци.
Прилецѣла бъ я надъ могиленьку,
Тамъ бы сказала „куку“,
Мой ойченку, мой рудненькій
Подай мнѣ бѣлу руку.
—Не тая, мое дзѣцятко,
Годзиненька настала,
Кобъ такъ хутко сырая земля
Надо мною разстала.

(Поется на сватьбѣ.)

LI.

(*Тамъ же.*)

На долинѣ на широкой
Голубы говорягь,
Теперъ же мнѣ молодзенькой,
Что рочекъ то горей.
Закладайце, закладайце
Кони вороные,
Догонице, повернице
Лѣта молодые.
Догонили, догонили
На липовомъ мості,
Верницеся лѣта млоды
Хоть до мене въ гости,

Не вернемся, не вернемся,
Бо не шановала
Было замужъ не спешаци,
Мужа выбираци.
Выбирала, выбирала
Якъ сама хоцѣла,
Цеперъ моя головенька
Одъ мужа не цѣла.
Мене матка годовала,
До квѣтки ровняла [1])
Цеперъ же я въ чужой хаци,
Мушу [2]) пропадаци.
Ни я въ дзѣцяхъ, ни я въ лѣцяхъ,
Ни я въ роскошоньци [3]),
Только бѣда и фрасунокъ [4])
Моей головоньци.

([1]) чтобы была хороша какъ цвѣтокъ. [2]) должна. [3]) роскошь. [4]) забота.)

LII.

(*Тамъ же.*)

Ой горе, горе, не хочется робици
Горшое горе безъ сорочки ходзици.
Моя матенько, пусти меня до двора служици,
Еще я хочу дворской роскоши ужици [1]):
Бо то у дворі добру заплату даюць,
Еще предъ рокомъ зелёну сукню [2]) краюць [3]).

Послужила Кася чи рочекъ, чи полтора
А вышла она сама треця съ двора.
—Витаю цебя, моя дочка родзона,
Упередъ двоихъ дзѣцей, якъ сукенка зелёна [4]).

(Поется при жатьбѣ. [1]) достать, нажить. [2]) платье. [3]) кроятъ, шьютъ. [4]) прежде чѣмъ получила платье зеленое,—двое дѣтей).

Изъ помѣщаемыхъ ниже *тринадцати* малорусскихъ пѣсенъ середина LIV-ой сходна съ серединою же XXXII-ой LXI-ая составляетъ варіантъ къ извѣстной пѣсни, помѣщенной у Максимовича и Метлинскаго; LIII замѣчательна по Кольцовскому версификаціонному складу; на LXIII просимъ обратить особенное вниманіе: въ этой пѣснѣ является польскій *крулевичъ*, силою обольстившій православную крестьянку, которая между прочимъ говоритъ своей матери, что „брала шлюбъ, стоявши подъ мечемъ, съ *невѣрнымъ Полякомъ, нашимъ паномъ крулевичомъ.*“

LIII.

(*Гродненской г., Кобринской у., Дорогичинская вол.*)

Ой зыма зыма
Морозяная,
Ны морозь мэнэ,
Ны дружка мого
Въ походъ идучы,
Коныка выдучы.
Въ мого конычка
Косы стэлються,
Въ мэнэ молодого
Кудёркы вьються,

За мои кудёркы
Дывкы бьються.
—Ой вы, дівушкы,
Вы ны бійтэся,
Ны сваритэся [1])
За мои кудёркы,
Разойдитэся.
Пійду въ Гродэнь я,
Куплю матушкы
Шубу дорогу,
Сыстрі молодой
Прыстинь [2]) золотой,
На нылюбу жону
Нагай дротяной [3]).
Прывяжу жону
Къ кіньцькому [4]) хвосту,
Ой пущу коня
Въ чыстыи поля:
Ныхай конычокъ
Нагуляеццдя,
Ныхай нылюба жена
Научаеццдя.

(Записалъ ученикъ Молодечненской учительской семинаріи *Иванъ Проневичъ.* [1]) не ссорьтесь. [2]) перстень. [3]) проволочная плеть. [4]) конскому.)

LIV.

(*Тамъ же.*)

Ой сосынка сосынка,
Дэжъ ты такая выросла?

—Ой выросла я въ лужку
Пры крутому быровжку;
Заскрыпило дэрэвцо,
Я въ лугу стоячы заплакала,
Я, вдова, свого сына годуючы.
Ой сыну мій, Иване,
Дытя мое коханэ,
Дэ мні тэбэ поділы,
Чы мні тэбэ жыныты,
Чы до війска отправляты.
Якъ я тэбэ ожыню,
Свое сэрдцэ звысылю;
Якъ до війська отдамъ,
Сэрдцю жалю задамъ.
—Матко жъ моя рідная,
Ой ты жъ мэнэ ны жыны,
А ліпшъ [1]) до війська снаряды.
Справъ [2]) же мні три трубочкы мідныхъ,
А чытвёрту золотую,
Щырымъ [3]) злотомъ облытую.
Въ пэршу трубочку заграю,
Якъ на коня сядаю;
А въ другую заграю,
Якъ съ подвірья зъизжчаю;
А въ третюю заграю,
Сырэдъ війська стоячы;
Сырэдъ війська стоячы,
Дрібны слезы ронячы;

А въ чытвёрту заграю,
Ныпрыятыля гонячы.
Заплакала матусенька
По своему дытяты:
—Дэсь моя дытына,
Якъ у полы былына
Дэсь мое дятятко
Якъ на моры утятко,
Ой утятко на воді
Мій сыночокъ на войні,
Ой утятко воду пье
Мій сыночокъ кровью лье.

(Записалъ тотъ же. [1]) лѣпше, лучше. [2]) сдѣлай. [3]) настоящимъ.)

LV.

(*Тамъ же.*)

Вылынула [1]) галка
Съ підъ тэмного лісу,
Вылынула друга
Зъ зылёного луга.
Трудно тій галцы
Бэзъ лісу тэмного,
Такъ мні молодэнькуй
Бэзъ роду рідного;
Тілько въ мэнэ роду,
Що два браткы зъ роду.
Браткы жъ мои саловэйкы,
Прибувайте жъ вытэ
До мэнэ въ ныдилынькы [2])
Поставлю вамъ горілонькы

Въ зыленэй бутыльцы
Въ вынгэльскому [3]) перцы.
—Сыстро наша, сыстро,
Горілка ны пьецця
Коля нашого сэрця
Вся журбонька вьецця.
Сыстро наша, сыстро,
Чого постаріла:
Чы сыны жыныла,
Чы дочкы выдавала?
—Сынівъ ны жыныла,
Дочокъ ны выдавала:
Высушылы мэнэ
Мои ныдостаткы,
Мои ныдостаткы,
Чужыи заработкы.
Тінкый кужель [4]) пряла,
Хлібъ-сіль заробляла,
Хлібъ-сіль заробляла,
Діткы годовала.

(Записалъ тотъ же. [1]) вылетѣла. [2]) воскресенье. [3]) аглицкій; въ связи съ упомянутой горілкой: водка, настоенная на аглицкомъ перцѣ. [4]) слову *кужель* Кобринскіе крестьяне придаютъ три значенія: кудель, пряжа, полотно.)

LVI.

(*Тамъ же.*)

Ой лытілы гусы зъ далекого краю,
—Постійтэ, гусы, я васъ запытаю,
Зъ якого вытэ краю:
Чы ны съ того вытэ краю,

Скіль [1]) я мылого маю.
Чы вінъ запывся,
Чы вінъ загулявся,
Чы зъ выликого жалю
Въ чужый край забрався.
Поіхавъ мій мылый,—
Якъ мні його завыдаты:
На жовтымъ пысочку
Тілько два слідочкы знаты.
Одинъ слідочокъ коня вороного,
Другый слідочокъ мылынького мого.
По саду ходыла, лысточкы считала,
Свого мылынького слідкы закрывала,
Щобъ по его слідочкахъ
Людэ ны ходылы,
Щобъ мого мылого
Гынчы [2]) ны любылы.

(Записалъ тотъ же. [1]) скѣлева, откѣлева, откуда. [2]) иншіе, другіе.)

LVII.

(*Тамъ же.*)

Ой а въ саду сосна,
Підъ сосною вишня,
Тамъ моя родына
На гулянне выйшла.
Родына гуляе
Мэнэ ны спомынае.

Положу я кладку
На быструю річку,
Пойду до матюнкы
Хочъ у тэмну нічку.
Быстрая річынька
Быроженькы зносыть,
А вже братъ сыстрінку
У гостыну просыть.
—Ой ходы, сыстрінко,
Напимося пыва.
Сыдыть мій мылынькый,
Поглядае скрыва. [1])
—Ны дывыся, швагрэ,
Ны дывыся скрыва
Ой што я сыстрынца
Въ братка у гостыны.

(Записалъ тотъ же. [1]) искоса.)

LVIII.

(*Тамъ же.*)

—Ой долына, долына,
Да чому ны вродыла,
Чому ты ны вродыла
Ны вышень, ны чырэшэнь?
Она тілько вродыла
Два дубкы зылынэнькихъ,
Два дубкы зылынэнькихъ,
Два майстри [1]) молодэнькыхъ.

—Ой майстри мои, майстри,
А збудуйтэ [2]) мні хатку,
А збудуйтэ мні хатку,
Бэзъ двэрэць, бэзъ окэнэць.
Ой протнитэ [3]) окэнцэ,
Щобъ ускочыло сонцэ;
Ой протнитэ другое,
Щобъ було выднэнькое.
Щобъ було выднэсынько,
Дэ моя мыла ходыть,
Дэ моя мыла ходыть,
А съ кымъ вона говорыть.
Ой ходыть моя мыла
По місту [4]) по рыночку,
Ой да пье моя мыла
Мэдъ-выно, горілочку.
—Ой ты, мылынька,
Прыступы ко мні блызько.
—Ны буду прыступаты,
Бо ты дався мні знаты.
Ой тысавъ [5]) ты трысочкы [6])
Зъ моихъ білыхъ плэчокъ.
Ой спускавъ ты річынькы
Зъ моихъ чорныхъ гочокъ. [7])
Ой сукавъ [8]) ты шнурочкы
Зъ моихъ жовтыхъ косокъ.
—Ой ты, мылынька,
То ныправдонька твоя:

Ой тысавъ я трысочкы
Зъ білой бырізкы.
Ой спускавъ я річынькы
Съ тихого Дунаю.
Ой сукавъ я шнурочкы
Съ тонкого кужылю.

(Записалъ тотъ же. [1]) мастеровые. [2]) сдѣлайте, постройте. [3]) вырубите, прорубите. [4]) по городу. [5]) тесалъ. [6]) стружки, щепки. [7]) очей, глазъ. [8]) сучилъ.)

LIX.

(*Тамъ же*).

Я въ полю надъ водою сіяла долю,
Сіючы говорыла: плывы, доля, зъ водою,
Плывы доля зъ водою, а я вслідъ за тобою.
Есть на моры штычына [1]), тамъ намъ будэ спочына,
Будэмо спочываты, білы листы пысаты,
Білы листы пысаты, да й до батынька слаты.
Ныхай батынько знае, якъ замужъ дочку дае,
Розуму ны довівшы [2]), робыты [3]) ны научывшы.
Ой сэ добрая будэ: научать іі людэ
Сырэю дубыною, щобъ була людыною. [4])

(Записалъ тотъ же. [1]) нѣчто въ родѣ острова. [2]) не развивши. [3]) дѣлать. [4]) человѣкомъ.)

LX.

(*Тамъ же.*)

Щука рыба въ моры
Гуляе до воли.
Есть у вдовы одынъ сынъ,
Да ны давъ Бігъ доли.

—Ой продай, матко,
Коня мого вороного,
Ой ожыны мэнэ, матко,
Сына молодого.
—Ой ны вылять, сынку,
Коня продаваты,
А вже тэбэ запысалы
Въ салдаты отдаты.
Маты годовала,
Слёзы розлывала,
Лытівъ горолъ [1]) съ чужыхъ сторонъ
Да й того пытала:
—Ой ты, сывый горлэ,
Высоко лытаешъ,
Ой чы часто мого сына
А въ війску выдаешь.
—Ой чы-жъ то твій сынъ
Въ війську спочывае,
Ему сывый соболонько
Головку тыскае.
Ны дай, Боже, смэрты
Въ салдатахъ умэрты,
Дэ ни кому доглядіты
Салдацькэй смэрты.
Ой воронъ лытае,
Смэрты доглядае,
Білэ тіло обырае,
Косты покыдае.

(Записалъ тотъ же. [1]) орелъ.)

LXI.

(*Тамъ же.*)

Ой на горі огонь горыть,
Въ долыны трава шумыть,
Въ тій траві козакъ лыжыть,
На купыну головою,
Накрывъ гочы [1]) сукныною,
Ой якою сукныною,
Козацькою заслугою.
Въ головонькахъ воронъ кряче,
А въ ножынькахъ сывый кінь скаче.
—Ой коню мій воронэнькый,
Я твій козакъ молодэнькый,
Быжы, коню, дорогою,
Стукны-пукны підковою,
Щобъ ворота зазвынилы,
Підковочкы забрацилы.
Выйдэ до тэбэ старая бабка,
То моя рідна матка,
Давать тэбэ овса сіна,
Пытать о своему сыну.

(Записалъ тотъ же. [1]) очи, глаза.)

LXII.

(*Тамъ же.*)

Ой у місты [1]) въ місты въ славнымъ городу,
Тамъ стояла гармія а всё салдацька,
Коло тэи гарміи маёръ полковой,
Ой сыдлавъ конычка ныкруть молодой,

Конычка сыдлае всё сыльно плаче.
Й прышовъ до его маёръ полковой.
—Ой чого ты плачешь, нэкрутъ молодой?
—Ой плачу я плачу, маёръ полковой, сыльно рыдаю:
Прышло отъ батюшкы тры лыступкы.
Ой пэрша лыступка—помэръ батюшка,
Друга лыступка—мамка лыжыть,
А трэтя лыступка—жона въ пологу.
—Ныправду говоришь, нэкрутъ молодой,
Ой тілько трэтій дэнь якъ я самъ тамъ бувъ.
Ой твій батюшка якъ дубъ здоровый,
А твоя матушка лучше батюшкы,
Жона молодая сына вродыла,
Тэбэ молодого въ госты просыла.

(Записалъ тотъ же. [1]) въ городѣ.)

LXIII.

(*Тамъ же.*)

Молодая Пудолянка
Выглядала съ-пудъ ганка [1]),
Якъ крулевычъ зъ війска іхавъ
Да й забачывъ Пудолянку
На высокому ганку.
—Слугы мои вірныи,
Здыймитэ [2]) Пудолянку
Зъ высокого ганку.
Якъ узялы такъ и знялы
Крулевычу до рукъ.
Молодая Пудолянка
Цілу нічку ны спала,

Лысты пысала
Да до матюнкы слала:
—Моя матюнко рідна,
Прысылай мні рубачокъ [3]) ще [4])
И шолковый чыпочокъ.
Зъ білого лёнку
И капку [5]) на мою білую голівоньку.
—Мое жъ дитятко рідно,
Дэжъ ты ходыло
Що выночка загубыла.
—Моя матюнко рідна,
Іхала впэродъ конэмъ
Я стояла підъ мычемъ,
Брала шлюбъ [6]) зъ нывирнымъ Полякомъ
Нашымъ паномъ крулевычомъ.

(Записалъ тотъ же. [1]) съ крыльца. [2]) снимите. [3]) рубашекъ. [4]) еще. [5]) головной уборъ. [6]) вѣнчалась.)

LXIV.

(*Тамъ же.*)

Повінь вітрыкъ
Зъ горы въ долыноньку,
Развінь мою тугу
По зылёному лугу.
Ой щобъ-же я ны тужыла
Хорошенько ходыла
Що субботы въ золоты
Що ныдилы во сыгниты [1]).
У золоты жыто жаты
Во сыгниты погуляты.

(Записалъ тотъ же. [1]) драгоцѣнныя украшенія.)

LXV.

(*Тамъ же.*)

Маты сына ожыныла,
Да нывистку ны злюбыла:
Дала сыну каплунъ істы,
А нывистцы чымырыцы.
Сынъ жъ тое зознавъ,
Своюй мылой істы ны давъ.
—Іжмо [1]), мыла, пыродъ [2]) мое,
А потомъ будемъ істы твое,
Помрэмъ разомъ обое.
Помэръ сынъ въ ныдилю,
А нывистка въ понындилокъ.
Кладуть сына въ церквы,
А нывистку на цвынтари. [3])
На сыновы вырось зылёнъ яворъ,
На нывистцы біла лыпа.
Яворъ стыну пробывае
Зъ лыпкы лыстокъ доцягае. [4])
Лыстъ зъ лыстком злыпаецця,
Въ маткы скыпаецця:
—Доляжъ моя нысчаслыва,
Що я тэпэръ наробыла,
Двое дытокъ потруила [5]):
Одно дытя рожоное,
А другое сужоное.

(Записалъ тотъ же. [1]) будемъ ѣсть, поѣдимъ. [2]) впередъ. [3]) паперть, окружающая церковь. [4]) досягаетъ. [5]) отравила.)

О помѣщаемыхъ ниже *тридцати* пѣсняхъ замѣтимъ слѣдующее: послѣднія три строчки LXVI нумера сходны съ

окончаніемъ XXIX-ой; запѣвъ LXXIX-ой пѣсни сходенъ съ XXXVI-ой; то же слѣдуетъ замѣтить о нумерахъ LXXXV и L.

LXVI.

(*Гродненской г., Кобринскаго у., село Озяты.*)

Ой пры моры да й пры сынёму,
Плачэ маты да по сыновы,
Которого на хозяйство собрать,
Которого въ салдатушки отдать.
Найстаршого—въ того дытокъ чэрэда,
Въ сэрэднёго—жона молода
А наймэньшóго жэныты пора.
Найстаршый братъ выкупляется,
А сэрэдній вымовляется,
А наймэньшый выбырается,
А маты плачэ розбывается:
—Пожды, сынку, измыю головку.
—Измый, матко, сама собі нэ мні,
Вжэ мні судылось наістыся земли.

(Записалъ ученикъ Молодечненской учительской семинаріи *Григорій Андрасюкъ.*)

LXVII.

(*Тамъ же.*)

Ой пошовъ муй мылэнькый
Изъ конця въ конэць,
И зайшовъ муй мыленькый
На Ганнынъ дворэць [1]).
—Ой Ганнушка, Ганнушка,
Ганнушка моя,

И скажы мні правдоньку,
Дэ маты твоя.
—Моя маты въ хаты,
Батэнько въ саду,
А я молодая по сінёхъ хожу.
—Ой Ганнушка, Ганнушка,
Ганнушка моя,
Ой скажы мні правдоньку,
Дэ маты твоя.
—Моя маты въ хаты,
Батэнько въ саду
А я молодэнькая
По сінёхъ хожу,
Росую [2]) косоньку
Грэбэньцэмъ чэшу;
Вычэсала косоньку
Жовтымъ гребэньцемъ,
Прогуляла ночэньку
Съ краснымъ молодцомъ.
—Ой Ганнушка, Ганнушка,
Ганнушка моя,
Гуляй, гуляй Ганнушка,
На злість ворогамъ.

(Записалъ тотъ же. [1]) дворъ. [2]) русую.)

LXVIII.

(*Тамъ же.*)

Ой скажы, скажы, соловіеньку, правду
Дэ я собі прынадіеньку [1]) знайду:

Чы я знайду пры зэлёнуй рощыцы,
Чы я знайду на біленькуй постильцы?
Якъ пойду я до крыныцы водыцы,
Ажъ тамъ сыдыть тры бабы чаровныцы:
Одна баба що чароньки готуе,
А другая що коханнечко псуе [2]),
А трэтяя що свою дочку была [3]):
—На що ты, доню, козака полюбыла.
—Якъ жэ, маты, козака нэлюбыты,
Дэжъ вінъ идэ, тамъ мыло говорыты.

(Записалъ тотъ же. [1]) разрѣшусь отъ бремени. [2]) портитъ.)
[3]) била.)

LXIX.

(*Тамъ же.*)

Ой оравъ Сэмінъ полэ,
Прыорався до долу,
Пустывъ волыкы на отавыци [1]),
А самъ пошовъ до дому.
Прышовъ Сэмінъ до дому,
Нэма мылэи въ дома.
Ой ставъ пытаты допытуваты:
—Дэ ваша, дитвы, маты?
—Ой нашая маты
Пошла въ шинокъ гуляты,
Ой казала прыказувала,
Що вжэ нэ ваша маты.
—Пошовъ Сэмінъ до корчмы,
Отчынывъ [2]) новы двэры,—
Ой ажъ гуляе Катэрынушка
И еще два охвыцэры.

Ой ударывся Сэмінъ о стыну головою:
оп̂авъ я бідный нэщясный
Съ такэю жоною.
Ой ударывъ Сэмінъ по поламъ ручэнькамы:
Пропавъ я бідный нэщясний
И зъ малымы дытонькамы.
—Нэ журыся, Сэмэнэ, моимы дытонькамы:
Ты будэшъ робыты, а воны помогаты,
А я молода молодэнькая
Буду пыты гуляты.

(Записалъ тотъ же. [1]) трава на поемныхъ лугахъ послѣ сѣнокоса, [2]) отворилъ.)

LXX.

(*Тамъ же.*)

На дворі вэрба, пудъ вэрбою лужа,
Нагнівалася мылая на мужа,
Якъ нагнівалась то й захворила!
До свого мылого то й нэ говорыла.
—Ой вставай, мыла, я прынисъ мэду.
—Бігъ мэ, нэ встану, головкы нэ звэду.
—Ой вставай, мыла, я прынисъ горілкы.
—Бігъ мэ, нэ встану шукай собі дівкы.
—Ой вставай, мыла, я прынисъ пыва.
—Бігъ мэ, нэ встану, заболіла спына.
—Ой вставай, мыла, я прынысъ дубыну,
Я прынисъ дубыну на твою спыну.
—Дай тобі, мылый, Бігъ здоровье,
Що ты исцэлывъ мое здоровье,

Нэ боліла спына, нэ болілы косты,
Тулько я лэжала зъ вэлыкэй злосты.

(Записалъ тотъ же.)

LXXI.

(*Тамъ же.*)

—Чого, річко, тыхо стоишъ,
Чы рыба змулыла [1])?
—Мэнэ рыба нэ мулыла,
Сама тыхо стою.
—Чого, дывчя, смутна ходышъ,
Чы маты сварыла [2]).
Мэнэ маты нэ сварыла,
Самы слезы льются,
Одъ мылого післувъ нэма,
Одъ нэлюба шлются.
За річкою за быстрэю
Козакъ сіно косыть,
Ой за другэю річэнькою
Дывчя Бога просыть:
—Ой сэбъ сіно тутъ посіло,
Коса зогнулася,
Ой сэбъ мого мылэнького
Сыла вернулася.
Ой любыло дівчыноньку
А тры кавалиры,
Ой ще вчора изъ-вэчора
И къ нюй прыходылы:
Одынъ сыдыть за столыкомъ

Лысты пышэ,
Другый сыдыть въ окенэчка
Талярамы сыплэ,
Трэтій ходыть молодэнькый
Коло еи хаты.
—Ой нэ ходы, кавалиру,
Коло меи хаты,
Нэ потопчы чоботамы
Мэи руткы мяткы.
—Нэ возьму тэбэ, дівчинонько,
Що я тэбэ хочу
Твою рутку-мятку
Чоботамы стопчу.
Ой ты еи нэ садыла
И нэ полывала
Ой щобъ же ты нэ дождала
Сэбъ ужаловала.

(Записалъ тотъ же. [1]) задержать, затереть. [2]) бранила.)

LXXII.

(*Тамъ же.*)

Ой я поля нэ орала,
Мні само жыто родыть,
Я козака нэ любыла
Вінъ самъ до мэнэ ходыть.
—Ой нэ ходы, козачэньку,
Ой нэ ходы до мэнэ,
Бо вынэсуть нэславоньку
И на тэбэ и на мэнэ.

Якъ пэрэставъ козачэнько
До дівчыны ходыты,
Пэрэстало дівчыноньцы
Густэ жыто родыты.
Ой нэ выдно того сэла
Ой одно покрываие [1]),
Ой Бігъ знае, Бігъ відае
А дэ мое коханне [2]).
Ой нэ выдно того сэла
Ой выдно одну грушу,
Якъ здумаю по коханню
Той заплакаты мушу [3]).
Одынъ пышэ на Волыны [4]),
А другой на Вкраины [5]),
Розрываютъ мое сэрдцэ,
Той на дві половыны.
Одынъ пышэ на папэрэ [6]),
А другый на кытайцы [7]),
Напышимо, одошлимо
Білы лысты коханцы.

(Записалъ тотъ же. [1]) крыша. [2]) любовь. [3]) должна. [4]) Волынь. [5]) Украина. [6]) на бумагѣ. [7]) матерія.)

LXXIII.

(*Тамъ же*).

Ой у лісы, пры дорозы
Калынонька стояла,
Ой а на туй калыноньцы
Зозуленька ковала,

Тамъ дівчына молодая,
Съ козакомъ розмовляла.
—Нэ могу я, дывчынонько,
Тыбэ за сэбэ взяты,
Нэ вэлила, коханэчко,
Моя рідная маты.

(Записалъ тотъ же.)

LXXIV.

(*Тамъ же*).

Въ край дорогы шырокэи,
Крынычэнькы [1]) глубокыи,
Козакъ коня наповае
И дивчыну намовляе [2]):
—Поідь жэ ты, дывчя, зъ намы,
Зъ молодымы козакамы.
Дівчынонька послухала,
Съ козакамы поіхала.
Идуть полэ и другое,
Ажъ ставъ дощыкъ накрапаты,
Кажэ козакъ постіль стлаты.
—Нэ мать мэнэ выражала [3])
Сэбъ козаку постіль стлала,
Вырадыла мэнэ воля,
Все козацкая намова [4]),
Нэщясная моя доля.
А въ нэдилю въ-поранэньку.
Ой выйду я на гороньку,

Погляну я въ долынопьку,
Рвутъ дывочкы бэрвыночкы [5]),
На нэдилю на выночкы.
А я нэ рву бэрвыночокъ,
На нэдилю, на выночокъ.
Напышу я білы лысты,
Пошлю до батенька візты,
Нэхъ батэнько нэ турбуе [6]),
Мні выночокъ нэ купуе,
Стратыла я свій выночокъ,
У нэдилю впораночокъ [7]),
Пудъ яворомъ зелэ[illegible]нькымъ,
И съ козакомъ молодэнькымъ.

(Записалъ тотъ же. [1]) ключъ, родникъ. [2]) подговариваетъ. [3]) родила. [4]) подговоръ. [5]) растеніе vinca pervinca. [6]) не безпокоится. [7]) рано.)

LXXV.

(*Тамъ же.*)

Рубаю дубыну
На свою дивчыну:
—Дивчынонько моя,
Чомъ ты нэ вэсела,
Чомъ ты нэ выйшла,
Учора зъ-вэчора.
—Молодый козачэ,
Боюся морозу,
Я білымъ морозомъ

Ножкы поморожу.
—Дивчыно молода,
Нэ бійся морозу,
Я на твои ножкы,
Шубоньку наложу,
Колы твоя шуба,
Вэльмы дорогая,
Чотыры волы
Зъ оборы [1]) зогнала,
Чотыры волы
И дві коровы,
За білое лычко,
За чорныи бровы.

(Записалъ тотъ же. [1]) изгородь, огороженный дворъ.)

LXXVI.

(*Тамъ же.*)

Дівчинонька по грыбы ходыла,
Въ зэлэному гаю заблудыла,
Въ зеленому гаю заблудыла.
Прыблудылась къ зэлэному дубу.
—Ой тутъ же я ночоваты буду,
Я думала, що дубъ зэлэнэнькый,
Ажъ то стоить козакъ молодэнькый:
Здравствуй, здравствуй, козачэ лэнтяю,
Вывэдь мэнэ зъ зэлэного гаю.
—Здайся, здайся, дывчя, на намову.
—Лішшъ я буду тры літы блудыты,
Такэ нэ дамъ коло сэбэ и пыты.

(Записалъ тотъ же.)

LXXVII.

(*Тамъ же.*)

—Ой часъ-пора, маты,
Дружыны шукаты,
Посіявъ я жыто,
Нэма кому жаты.
Идэ нічка тэмна,
Ни съ кымъ розмовляты.
—Ой маешъ ты, сынку,
Коня вороного.
Пуйды до стаенькы,
Розмовляй до его,
Дай коневы сіна
По самы коліна,
Дай ему оброку
До самого боку.
Ой кінъ оброкъ изъість
На сіновы ляжэ,
А мні молодому
Правдонькы нэ скажэ.
—Ой у тэбэ, коню,
Жовтый хвістъ и грыва
Быжы дорогою,
Дэ моя дывчына.
Вже тая дорога
Чэротомъ [1]) заросла,
Вжэ тая дівчына
Давно замужъ пійшла

Ой найшлы косари
Той чэротъ изжалы,
Вжэ твою дівчыну
Инпы хлопцы взялы.
Я тую дорогу
Рожею [2]) отычу,
Я свою дівчыну
И къ собі прыклычу.

(Записалъ тотъ же. [1]) луговая трава. [2]) розами.)

LXXVIII.

(Тамъ же.)

—Ой куды пійдэшъ,
Молодый жовмиронку [1]),
Хто тобі застэлэ
Въ дорозы постылэньку.
—Ой стэлэцця мні,
Травыця муравыця,
Пудъ головоньку
Лосевая шубыця.
Полюбылося
А двое дытокъ змалу,
Повынчялыся
Въ нэдилэньку впорану.
Въ нэдилю рано воны
Собі шлюбъ бралы,
Вражы людэ
То имъ учаровалы:

Разомъ же воны
Головонькы поклалы.
Дівчына лэжыть
У новэнькуй коморы
А козакъ лэжыть
У зэлёнуй дубровы.
Дівчына лэжить
То ій мідъ-выно носять,
А козакъ лэжыть
Холодной воды просытъ.
Ой добрэ було
Подаруночкы браты,
А тэпэрь нэхочѣ
Козака ратоваты.
Ой нэ мнігожъ я
Подаруночкувъ брала
Ой жо сімъ паръ
Чэрэвычокъ стоптала.
Ой а осьмыи
У коморы на скрыны
Иды, маты, отдай
До лихэи годыны,
Нэхай нэ займае
Хорошеи дівчыны.

(Записалъ тотъ же. [1]) солдатъ.)

LXXIX.

(*Тамъ же.*)

Ой тэмная ночэнька
Да й нэвыдная,

Ой щось моя мылая
Нэвэсёлая.
Ой щось, моя мылая,
Зажурылася,
На білуй постилэньцы
Положылася.
Поіхала въ госты
До свэи сэстры,
Поіхала вона
Білэю лошадью.
На білую лошадь
Дай погукую,
Ой щось моя лошадь
Затомылася,
У тэмному лісы
Становилася,
У тэмному лісы
У тэмнэнькому,
У тому лысточку
Зэлэнэнькому.
Туды мэнэ радять
Молодэнькую
По тую водыцю
Холоднэнькую.
Вылэнулы гусы
И въ лэбэдамы
Сколотылы воду
Изъ-пудъ крамэню [1]),
Покуль я молода
Намовылася

То тая водыця
Встановылася.

(Записалъ тотъ же. [1]) кремень, камень.)

LXXX.

(*Тамъ же.*)

А въ Марусы хата на помосты
Прыïхало три козакы въ госты.
Прыïхало тры козакы въ госты,
Одынъ кажэ: я Марусю люблю,
Другый кажэ: я Марусю озьму,
Трэтiй кажэ: до шлюбоньку стану.
Трэтiй кажэ дошлюбоньку стану,
А въ Марусы головка болiла,
Бо Маруся трохъ зилля [1]) хотiла:
—Есть у мэнэ тры коны на стайни:
Есть у мэнэ тры коны на стайни,
Одинъ коныкъ, якъ галка чэрнэнькый,
Другый коныкъ, якъ голубъ сывэнькый.
Третiй коныкъ, якъ лэбэдъ бiлэнькый.
Я сывэнькимъ полэ пэрэйду
А бiлэнькымъ морэ пэрэплыву,
А чорнэнькымъ трохъ зилля достану,
Зъ Марусэю дошлюбоньку стану,
Ой ставъ козакъ трохъ зилля шукаты,
Стала ёму зозуля коваты:
—Кыдай, козакъ, трохъ зилля шукаты
Идь до дому Марусю ховаты.

(Записалъ тотъ же. [1]) зѣлье.)

LXXXI.

(*Тамъ же.*)

Пры дорозы чэбрэць [1]) уродывся,
Дэсь муй мылый въ корчомцы запывся,
Прышовъ до домъ зъ мылэю сварывся.
—Маты моя, порадныцэ [2]) въ хаты
Порадь мэнэ якъ мылу караты.
—Возьмы, сынку, дротяну нагайку,
Щеркны [3]) мылу, якъ чорную галку.
А звэчора комора звынила,
О пувночы зъ мылымъ говорыла.
Якъ дінь білый прышовъ мылый въ хату.
—Маты моя, порадныцэ въ хаты,
Радыла якъ мылу караты,
Тэпэрь порадь дэ ii сховаты?
—Поидь, сынку, у гай зэлэнэнькый,
Копай могылу пудъ дубъ зэлэнэнькый.
На мылую труноньку [4]) будують,
На мылого кандалы готують.
—Сядай, сыну, на сыву кобылу,
Махай, махай отсіль на Вкраину.
По мылэнькуй отэць маты плачэ,
Надъ мылэнькымъ чорный воронъ крачэ.

(Записалъ тотъ же. [1]) душистое растеніе, satureia hortensis. [2]) совѣтница. ([3] стегни. [4]) гробъ.)

LXXXII.

(*Тамъ же.*)

—Ой вэрныся, муй мылэнькый,
Ой вэрныся до дому,

Мы пробудэмо съ тобою.
—Ой радъ бы я, моя мыла,
Ой радъ бы я вернутыся,
Ой боюся що засплю.
—Нэ буйся, муй мылэнькый,
Ой нэ буйся, нэ заспышъ,
Ой я вэльмы чутко сплю,
Ой я тэбэ, муй мылэнькый,
О пувночы пробужу.
О пувночы пробужу
И далэко провэду,
А сама пійду у воду,
Бо вжэ такого нэ найду.

(Записалъ тотъ же.)

LXXXIII.

(*Тамъ же.*)

У горидцы [1]) бэрвиночкы
По горидцы постылаются,
Десь муй мылый чорнобрывый
Черэзъ людэ мні кланяется.
Ой щожъ бо мні по бэрвынкахъ,
Колы на ихъ ягодокъ нэма;
Ой щожъ бо мні по поклонахъ,
Колы его самого нэма.
Прыидь, прыидь, муй мылэнькый
Изъ чужыны да й до домоньку,

То я звяжу червонею
Китайкою я головоньку.
Се жывъ буду повэрнуся,
Будэшъ мэю коханкою.
Любывъ тэбэ дивчыною,
Тэпэръ люблю молодыцею,
Сімъ літъ ждавъ нэжонатымъ,
Чы нэ будешъ удовыцею.

(Записалъ тотъ же. [1]) горка.)

LXXXIV.

(*Тамъ же.*)

—Ой ты, вэрбо зелэнэнькая,
Чомъ на тобі голяччэ [1]) гнэцця,
Нэхай гнэцця хочь поламнэцця,
Такы на мні лысцэ знайдэцця.
—Ой ты, дивко молодэнькая,
Чомъ за тэбэ молодци бьются,
Нэхай бьются да й поладятся,
А на мэнэ нэхъ нэ надятся [2]),
Нэхай жэ я изросту, зросту,
То я пойду а за старосту,
За старосту за старенького,
За пысара молодэнького.
Ой муй пысаръ а богачъ богачъ,
Купывъ сукню и зелинъ кабачъ [3]),

А въ кабачи колопни [4]) рваты,
А въ суконьцы добре гуляты,
Отъ колопэнь голова болыть,
До таночку [5]) то й душа горыть.

(Записалъ тотъ же. [1]) вѣтви. [2]) пусть не надѣятся, не разсчитываютъ. [3]) зеленая фуфайка. [4]) конопля. [5]) танóкъ, уменьш. танóчокъ—веснянка, хороводная дѣвичья игра.

LXXXV.

(*Тамъ же.*)

Сонько горю идэ,
Ганночка въ вынчяння идэ,
Батэнько въ воротёхъ стоитъ,
Сто локоть [1]) полотэньца дэржыть,
И свого дитятка пытае:
—Дитятко, чы будэ съ того?
—Батэньку, ще втрое того.

(Сватебная. Записалъ тотъ же. [1]) полотенцо во сто локтей (мѣра около полуаршина.)

LXXXVI.

(*Тамъ же.*)

Нэ горохъ по дорозы котывся,
Иванко въ дорогу радывся,
И свого батэнька пытае:
—Батэньку, куды мні іхаты?
—Идь, сынку, широкимъ гостынцемъ [1]),
Заворны коныкы до сэла,
Тамъ твоя Ганночка вэсела,
Все идучы съ коморы танцюе,

И свои подружкы частуе.
—Гуляйтэ, подружкы, гуляйтэ,
Гуляйтэ, подружкы, нэ дбайтэ [2]),
Вже мое гулянне мынае.
Иванко вычочокъ здоймае [3]),
Коныку на грывоньку кладэ.
Въ коныка грывонька плэтэна,
Ганночка зъ Иванкомъ звынчона.

(Сватебная. Записалъ тотъ же. [1]) дорогою. [2]) оставьте (меня), не обращайте вниманія. [3]) поднимаетъ.)

LXXXVII.

(*Тамъ же.*)

Съ-пудъ крамяней [1]) горы
Тэклы рікы зъ дороги,
Прытэклы річэнькамы
Пудъ Ганноччыны сіны.
Выйшла Ганночка съ хаты,
Стала имы дывоватысь.
—Нэ дывуйся, Ганночка,
Ще тобі дывнэ будэ,
Сніданечка [2]) нэ будэ,
Самы сядутъ вэчэраты,
Тэбэ пошлютъ по воду.
—Иды, нэвисто, до броду,
По холодную воду.
Покуль нэвиста прышла,
Вже вэчэра одышла.
Подай, нэвисто, пыты,
Сама иды ложокъ мыты.

Помыла, попрятала,
И сіла, заплакала.
—Сэбѣ моя маты знала,
Вечэраты прыслала,
Чы яснэю зорою,
Чы рыднэю сэстрою.

(Сватебная. Записалъ тотъ же. [1]) кремнистая. [2]) собственно:

LXXXVIII.

(*Тамъ же.*)

Коло нового двора,
Анэ [1]) пчолонька гула,
Тамъ Ганночка плакала
Изъ вынцю прыпхавши,
Батэньку до нігъ павшы.
—Ой, муй батэньку рідный,
Розвынчяй же ты мэнэ,
Розмыняй пэрстэныкы,
Розвяжы ручкы мои,
Посплітай коскы мои,
Позбырай слезкы мои.
—Мое дитятко риднэ,
Радъ бы я тысячъ даты,
Себѣ тэбэ розвынчяты,
Перстэны розмыняты,
Ручэньки розвязаты,

Косонькы посплітаты,
Слезонькы позбыраты,
И тэбэ къ собі взяты.

(Сватебная. Записалъ тотъ же. [1]) не.)

LXXXIX.

(*Тамъ же.*)

Ой коло двора, коло нового
Бытая дорожэнька.
Ой туды іхавъ,
Ой туды іхавъ,
Молодъ Иванко
На войну воеваты.
Нахылылася чэрвона калына,
Надъ ёго дорожэньку,
Вінъ вынявъ мэча,
Съ правого плэчя,
Ставъ калыну рубаты.
Выйшовъ до его я, бояронька,
И ставъ его умовляты:
—Прошу я тэбэ
Ходы до мэнэ,
Обіда обідаты.
—Ой дяку [1]) тобі,
Нэма мні колы
Обіда обідаты,
Моя Ганночка росплакалася,
Нэма кому утышаты.

(Сватебная. Записалъ тотъ же. [1]) благодарю(.

XC.

(*Тамъ же.*)

Лэнувъ соколыкъ чэрэзъ тры лісы,
Чэрэзъ тры лісы, чэрэзъ чотыры,
На пятумъ лісы павъ на орѣшье,
Павъ на орѣшье, зъ лісомъ говорыть:
—Ой лісу, лісу, чомъ ты нэ шумышъ,
Чомъ ты нэ шумышъ, чого тыхъ стоишъ,
Чэрэзъ тэбэ лэну, крыльцэмъ нэ тэну [1]),
Крыльцэмъ нэ тэну, пырцемъ [2]) нэ рухну [3]).
Іхавъ Иванко чэрэзъ тры сэлы,
Чэрэзъ тры сэлы, чэрэзъ чотыры,
На пятумъ сэлы застановывся,
Застановывся въ тэстэнька на дворі,
Въ тэстэнька на дворі, на воронумъ коні.
—Ой коню, коню, грай пудо мною,
Возвэлычуй мэнэ пэрэдъ тэстэнькомъ,
Пэрэдъ тэстэнькомъ, якъ пэрэдъ батэнькомъ.

(Сватебная. Записалъ тотъ же. [1]) отъ глагола *тяти*—рубить, дарять. [2]) перомъ. [3]) не трону.)

XCI.

(*Тамъ же.*)

Ковала зозуля на клюны [1]),
Будыла Ганночку у клюны:
—Уставай, Ганночка, давно спышъ,
Чымъ свого свікорка надарышъ?

—Щожъ тобі, зозулэ, до того
До подаруночку моего
Якъ я туго скрыню [2]) отчыню [3])
Тонкого кужелю уріжу
Тымъ своего свікорка надару.

(Сватебная. Записалъ тотъ же. [1]) сарай, амбаръ. [2]) сундукъ [3]) отомкну.)

XCII.

(*Тамъ же.*)

Ганночка батэньку отслужыла,
На столі сэрпокъ положыла:
—Хто гэтымъ сэрпомъ будэ жаты,
Будэ батэнько прынаймать,
По золотому за дэнь даты,
Такы нэ будэ вірно жаты,
Но на соныко поглядаты,
Сэ сонцэ нызко, вэчуръ блызько,
Ой сэбѣ якъ хутчѣй [1]) заплату взяты,
Такы нэ буду вірно жаты.

(Сватебная. Записалъ тотъ же. [1]) поскорѣе.)

XCIII.

(*Тамъ же.*)

Ой добрая а годыноньки настала,
А що Ганочка а по батэнька прыслала,
Послала вона чортыры коны, пятый візъ,
А шостого вузычэньку сэбѣ прывізъ.

—Ой прыидь прыидь, а муй батэньку, нэ бався [1]),
А вжэжъ бо муй чипчычокъ удався,
По білэнькуй постилэньцы послався,
Съ чэрвонэю рожэю [2]) вмышався.

(Сватебная. Записалъ тотъ же. [1]) не мѣшкай. [2]) съ красною розою.)

XCIV.

(Тамъ же.)

—Чомъ ты, Ганночка, нэ вэчэраешъ
У своего батэнька?
Ой якъ пуйдешъ а до чужого
Нэ будэшъ вэчэраты:
Сами сядуть вэчэраты
Тэбэ пошлють по воду—
Выдро вэлыкэ, вода далэко,
Ночэнька тэмнэнькая.
—Нэ журитэся, блызькы сусыды,
Нічкою тэмнэнькою,
Ой есть у мэнэ золотый пэрстэнь,
Вінъ будэ мні свытыты;
Ой есть у мэнэ молодъ Иванко,
Вінъ будэ мні годыты:
Я за выдэрцэ, вінъ за другое,
Прынэсэмо обое.

(Сватебная. Записалъ тотъ же.)

XCV.

(*Тамъ же.*)

Мы пэрэзвянэ [1]) поідэмо,
Кому Ганночку покынэмо,
Покынэмъ Ганночку Иванковы.
—А ты, Иванко, гляды ей,
Щобъ вона боса нэ ходыла,
Сэбъ у порога нэ стояла,
Нэ кому пыты нэ давала,
Старому и малому нэ годыла.

(Сватебная. Записалъ тотъ же. [1]) перезвяне—поѣзжане, перезовъ—сватебный поѣздъ.)

Изъ помѣщаемыхъ ниже четырехъ пѣсенъ обращаемъ вниманіе на нумера XCVIII и XCVI.

XCVI.

(*Гродненской г., Пружанскаго у., Михайловской вол., деревня Чахецъ.*)

Зэлэное орѣшэнне
По тѣню [1]) полягае,
Съ-пудъ того орѣшення
Сывый кунь выбѣгае.
Нэ самъ вінъ выбѣгае,
Андрейко выізжае,
Женчиковъ приганае [2]):
—Жните, женчики, жните,

Самы собі нэ пожнітэ,
Нэ мэнэ молодого,
Нэ коня вороного.
—Мы жалы, нэ лэжалы,
По сімъ копъ нажалы.
Андрейку, нашъ паночку,
Пусты насъ до домочку:
Въ насъ домы далёкіе,
И матусеньки чуженькія,
Посылають на водыцу,
У Дунай, у крыницу.

(Поется во время жатвы. Записалъ ученикъ Молодечненской учительской семинаріи *Антонъ Богушъ*. [1]) по тѣни. [2]) подгоняетъ.)

XCVII.

(*Тамъ же.*)

Ой пряла бъ я куж елину,
Головка болить,
О пошла бъ я до корчомки,
Да мужъ нэ велыть.
Пошовъ мылый у степы ораты,
А я молодая до корчмы гуляты.
Прышовъ мылый съ поля да съ орання,
А я молодая съ корчмы да съ гуляння.
Пытается дітокъ: дэ матка була?
—Ныгдэ, тату, ныгдѣ, тату,
Матка не була,
Пряла, пряла кужелину,

Да й спаты лягла.
—Цытьте жъ, дітки, не шумитэ!
Нэхай мамка спыть,
Бо якъ приде шынкарочка,
Трэба заплатить.
—Устань, мыла, устань, мыла,
Пійди похмѣлысь,
Возьмы собі карбованьця,
Иды похмѣлысь.
—Нэ поможэ карбованэць,
Нэ помогуть два,
Учора пила на корову,
Теперь на вола.
—Ой когды бъ ты, моя мыла,
Здорова була,
Якъ ты мою худобоньку
Марне провела.

(Записалъ тотъ же.)

XCVIII.

(*Тамъ же.*)

Ой я чумакъ нэщаслывый,
Хожу съ горя ледво [1]) живый,
Самъ не знаю що робыты,
За що рукы зачепыты.
Волы мои поздыхалы,
Кони ярма поломалы,
Я жъ батогомъ повэртаю,
Пойду троха [2]) погуляю.

—Дай горылки, жидку Юдко!
Ты музыка заграй хутко[3]),
Нэхай чумакъ погуляе,
Нэхай горе забывае.
Гуляй-же, бѣдный чумаче,
Твоя жінка дома плаче,
Нэхай плаче, хліба просыть,
А чумака якъ чортъ носыть.
Тогды любыла да кохала,
Якъ одъ мэнэ гроши брала,
А тэпэрэ покидае,
А вже другого шукае.
Отъ добрыи люды,
Що горыльни построили,
Колы бъ не тая сывуха,
Пропавъ бы чумакъ якъ муха.

(Записалъ тотъ же. [1]) едва. [2]) немного. [3]) скоро, т. е. трепака.)

XCIX.

(Тамъ же.)

Отъ села до села
Танцы да музыки,
Курку [1]), яйця продала,
Купыла перепыки.
Отъ села до села
Буду танцоваты,
На корову, на вола,
Осталася хата.

Я отдамъ, я продамъ
Кумовы хатыну,
Я куплю, я зроблю
Хаточку подъ тиномъ.
Торговаты, шынковаты
Буду чарочками,
Таньцоваты да гуляты
Такэ съ паробками.
—Ой вы дітки мои,
Мои голубята!
Нэ журытесь, подывитесь
Якъ таньцуе маты.
Сама въ наймы пійду
Дітокъ въ школу отдамъ,
А чирвонымъ чирвончикамъ
Такэ дамъ, такэ дамъ.

(Записалъ тотъ же.)

Ниже помѣщаются *шестнадцать* пѣсенъ, почти бѣлорусскихъ, съ присутствіемъ немного особаго произношенія (*у*, *уо*) и съ нѣкоторою польскою примѣсью въ языкѣ. Нумера С и СІ имѣютъ историческій оттѣнокъ. Особое произношеніе этихъ пѣсенъ, составляетъ новый оттѣнокъ въ бѣлорусской рѣчи, именуемый *Заблудовскимъ говоромъ*; о немъ будетъ подробно сказано въ статьѣ, которая, въ видѣ предисловія, приложится къ первому выпуску издаваемаго редакціею „Виленскаго Вѣстника" сборника.

C.

(*Гродненской г., Бѣлостокскаго у. близъ м. Заблудова.*)

Не двѣ хмареньки [1]) зъ-мижи гуоръ выступають
Ой рано—рано зъ-мижи гуоръ выступають.
Тамъ Татарове Подуолъ воіовали
Ой рано—рано и проч.
Вывоіовали три Подоляночки
Ой рано—рано и проч.
Старшая плаче по вуолахъ, по коровахъ
Ой рано—рано и проч.
Середня плаче своей гоурькои доли
Ой рано—рано и проч.
Меньшая плаче до ойца, до матоньки
Ой рано—рано и проч.
Ой старшуой даци вуолы и коровы
Ой рано—рано и проч.
Середню даци муолодымъ охфицерамъ
Ой рано—рано и проч.
Меньшу пусцици а зъ цихою вуодою
Ой рано—рано и проч.

(Записалъ учитель Бѣлостокской гимназіи *С. К.* [1]) тучи.)

CI.

(*Тамъ же.*)

Ой куоню, муой куоню,
Запродамъ я цебе
За мэдъ, за гарѣлку,
За хорошу дзѣвку.

—Ой пане, муой пане,
Не запродай мене,
Не запродай мене
За мэдъ, за гарѣлку,
Ой запродай мене
За хорошу дзѣвку.
Чи паменташь [1]), пане,
Якъ мы уцекали
Зъ Турецкаи земи,
Зъ Турецкого краю,
Якъ насъ догоняли
Турки й Татары.

(Записалъ тотъ же. [1]) съ польскаго: помнишь.)

CII.

(*Тамъ же.*)

Ой у лузі хвоина,
Лѣто й зиму зелена,
  Охъ, охъ, оіе-юй, лѣто й зиму зелена.
Лѣто й зиму зелена,
Кличуть вуойта до двора,
  Охъ, охъ и проч.
Кличуть вуойта до двора,
А соцкого до суда.
  Охъ, охъ и проч.
Пришоу соцки, пришоу вуойтъ,
Стали вуони украй ворутъ.
  Охъ, охъ и пр.

Стали думку думали,
Кого у рекруты узяци.
    Охъ, охъ и пр.
А дзѣ пяць, тамъ неузяць,
А дзѣ штеры—не до мѣры.
    Охъ, охъ и проч.
А дзѣ три—то уцекли,
А дзѣ два—то нема.
    Охъ, охъ и пр.
А тамъ на куонцу села,
Тамъ хорошая удова.
    Охъ, охъ и пр.
А у удовы адзинъ сынъ,
То вуонъ стане пудъ аршинъ.
    Охъ, охъ и пр.
Скуоро сіостра почула,
Брацишкеви знаць дала.
    Охъ, охъ и пр.
Стрежсе, стрежсе [1] братку муой,
Хочутъ цебе у рекрутъ узяць.
    Охъ, охъ и пр.
Пришоу соцки на поруогъ,
Сядзитъ рекрутъ безъ сапуогъ.
    Охъ, охъ и пр.
Скочиу рекрутъ у комору,
А зъ коморы у стодолу [2].
    Охъ, охъ и пр.
А изъ стодоли у самы стропъ [3],
Прикрыу его житни снуопъ.
    Охъ, охъ и пр.

Зъ ёго житни снуопъ зняли,
До пріёму повезли.
Охъ, охъ и пр.
До пріёму повезли,
И ёму луобъ забрили.
Охъ, охъ и пр.

(Записалъ тотъ же. [1]) стерегись, берегись. [2]) овинъ, гу
[3]) потолокъ.)

CIII.

(*Тамъ же.*)

Зашумѣла у полю ёлка,
Заболѣла у Маруси голоука.
—А хто-жъ бо мнѣ трёхъ зёлкоу достане,
Той зо мною до шлюбоньку стане.
Ой выскочиу козакъ муолодзеньки:
—Ой я тобѣ трехъ зёлкоу достану,
И зъ тобою до шлюбоньку стану.
Естъ же у мене три куони на стайні:
Адзинъ куоникъ—якъ вуоронъ чорненьки,
Други куоникъ—якъ гуолубъ сивеньки,
Треци куоникъ—якъ лебедзь бѣленьки.
Чорнымъ куонёмъ—пуоле переѣду,
Сивымъ куонёмъ—муоре переплыву,
Бѣлымъ куонёмъ—трехъ зёлкоу достану.
Ой стау козакъ зельечко куопаци:
Надъ имъ стала зазуля ковапи.

—Ой не копай, козаченьку, зѣлля,
Бо вже ѣдзе Маруся зъ веселля.
Стау козакъ у лѣсі надъ суосною,
Ажно ѣдзе Маруся зъ веселля.
Право ручко[1]) Марусю витае,
А лѣвою шаблю доставае.
Ой знявъ же вуонъ Марусі голоуку.
—Ото туобѣ, Марусю, веселле,
Не посылай казака по зелле.

(Записалъ тотъ же. [1]) польская форма творит. падежа.)

CIV.

(*Тамъ же.*)

Ой пудъ гаёмъ—гаёмъ, гаёмъ зеленькимъ,
Тамъ орала дзѣучинонька вуоликомъ чорненькимъ,
Орала—орала, не умѣла гукаци,
Ой наняла козаченька а у скрыпуоньку йграци,
озаченько играе, очками мругае[1]),
—А бѣсъ его душу знае, на што вуонъ мругае:
Чи на муои волы, чи на муои кроуки,
Чи на муое бѣло личко, чи на чорны броуки,
Вуолы и кровы усѣнько поздыхали,
Бѣло личко румяное во вѣкъ не злиняе.

(Записалъ тотъ же. [1]) моргаетъ.)

CV.

(*Тамъ же.*)

Ой сама я сама пшениченьку жада,
Прихожу я до домоньку нима муого пана.
Нима муого пана, ани окомона [1]):
Ой дала бъ я бѣлу ручку, да ни маю кому.
Пуойду до коморы бѣлу пуосцель стлаци:
Пуосцель бѣла, сцѣна нѣма—не зъ кімъ розмовляци.
Пуосцелька бѣленька, а сцѣна нѣменька:
Пожальсь Буоже, муоцны Буоже, што я муолодзѣнька.
Ой пудъ муостомъ-муостомъ трава посыхае:
За ледаштымъ чоловѣкомъ жуонка пропадае.
А на слуонцу-слуонцу трава зеленѣе,
За хорошимъ чоловѣкомъ жуонка муолодзѣе.

(Записалъ тотъ же. [1]) извѣстная перестановка слоговъ: эконома.)

CVI.

(*Тамъ же.*)

Ой выду я выду на гуору крутую:
Стану подзивлюсе на вуоду быструю.
Щука-рыба йграе—вуона пару мае:
А я млуода дзѣвчинонька пареньки не маю.
Туолько у мене пары, што оченьки кары
Туолько у мене полюбовы, што чорныя бровы.

(Записалъ тотъ же.)

CVII.

(*Тамъ же.*)

Ой пудъ вишеньками, пудъ черешеньками
Ой тамъ стоитъ старичокъ
Роуно зъ ягодкою.
Я просиласе я молиласе:
—Пусци, пусци, старичокъ,
На гулуоньку на часуокъ.
—Я и самъ не пуойду и цебе не пущу
Бо ты мене старичка
Покинуци хочешъ.
—Я пуоставлю хатку й еще сінoжатку
И стаукъ и млинокъ
Й вишнёвы садокъ.
—Не хочу я хатки й еще сінюжатки
Ни стаука, ни млинка
Ни вышнёвого садка.
Бо ты стары старуга, ты зогнууся якъ дуга
А я муолодзенька гуляци радзенька.
А ты стары старина, покрушанны косци
Не суши, не дури муое муолодосци.
Ты за-печу кахи-кахи, я муолода хи-хи, хи-хи.
Ты лежишъ, а я плачу муолодыя лѣта трачу.

(Записалъ тотъ же.)

CVIII.

(*Тамъ же.*)

Пошоу стары бородаты
Калину луомаци,
А муолоды паробокъ
Зъ милою гуляци.
—Идзы, дуоньку, на гулоньку
Тата выгледаци,
Якъ побачишь, што вуонъ идзе
Давай же намъ знаци.
Идзе дуонька изъ гулоньки
Рученьками плеще:
—Гуляй, гуляй, матуленьку,
Нима тата еще.
Выглянула миленькая
Зъ хаты презъ окенко
Уцекай, уцекай, муой миленьки,
Бо стары близенько.
Пришоу стары бородаты
Зъ калиты до хаты
Якъ стуояла, такъ упала
И стала стуогнаци.
Идзи стары бородаты
До коморы—меду,
Заболѣло мнѣ серденько
Головы не сведу.
Пошоу стары бородаты
Меду колупаци,

А муолоды паробокъ
Давай драла въ хаты.
Дуобре, дуобре, муой миленьки
Што хутчей унёссе,
Дау бы туобѣ муой староньки,
Штуобъ ты не понёссе.
А той дуобры маладзецъ,
У свого бацька удаусе,
Низомъ, низомъ, по-пудъ низомъ
У куонопли сховаусе.

(Записалъ тотъ же.)

CIX.

(*Тамъ же.*)

Розвивайсе, сухій дубе,
У нуочи муорозъ будзе,
Прибирайсе, удовій сыну,
Завтра пуоходъ будзе.
Я муорозу не боюсе,
У ночи розовьюсе,
Я пуоходу не боюсе,
Сейчасъ выберусе.
Прикропляйце доруоженьку,
Штуобы не курила,
Розважайце муою матку,
Штуобы не тужила.
Прикропляли доруоженьку,
Таки вуона куритъ,

Розважали муою матку;
Таки вуона тужить.
—Озми, мани, песку жменю;
Посѣй на пуомосци;
Коли гэтуой песокъ выдзе,
—Тогды твуой сынъ придзе.
Злецѣу жовень на ворота,
Крикнуу канарову,
Не обачишь, мани, сына
Ажъ до свуого вѣку.

(Записалъ тотъ же.)

CXI

(*Тамъ же.*)

А усѣ луги покуошоны
А муое сѣно убрато.
Пытаешця сынъ матусеньки,
Куоторую узяци?
Ой чи тую, матуленьку,
Што рученьки тусты?
—Самъ уважай, людзей пытай,
Чи поперэ [1]) куели [2]).
Ой чи тую, матуленьку,
Што личенько бѣло?
—Самъ уважай, людзей пытай,
Чи напечэ хлѣба.
Ой чи тую, матуленьку,
Што гладка [3]) у танцочку [1])?

—Самъ уважай, людзей пытай,
Чи зробитъ сороучку.
Ой чи тую, матуленьку,
Што головка гладка?
—Самъ уважай, людзей пытай,
Чи мѣціона [5]) хатка.

(Записалъ тотъ же. [1]) попоратися, поратися—заниматься хозяйствомъ, приготовлять. [2]) бѣлье. [3]) прiятна. [4]) веснянка, хороводная игра. [5]) отмѣченная).

CXI.

(*Тамъ же.*)

Ой дай Буоже недзѣльки дуождаци,
Недзѣльки дуождаци,
То я пуойду до роду гуляци (2 раза).
Ой скажуть мнѣ до дна выпиваци,
До дна выпиваци,
Я не буду до дна выпиваци (2 раза).
Есть же въ мене дзвѣ бѣдуоньки у хаци,
Дзвѣ бѣдуоньки у хаци:
Адна бѣда—свекруха лихая,
Свекруха лихая,
Друга бѣда—дзѣцина малая (2 раза).
Хоць лихая снѣданечко варитъ,
Снѣданечко варитъ,
А свекуорко дубиноньку паритъ (2 раза).
Ой хуоць паритъ да не будзе бици,
Да не будзе бици,
Придзе милый будзе буороници (2 раза).
Сѣдзитъ милый за стуоликомъ пише,
За стуоликомъ пише,

И нуогою дзѣцину колыше (2 раза).
Сыпляй, сыпляй, дзѣцино малая,
Дзѣцино малая,
Гуляй жуонка, гуляй молодая (2 раза)!

(Записалъ тотъ же.)

CXII.

(*Тамъ же.*)

—Ой знаю я, муой миленькій, знаю,
Што ты мене покинуци маешь,
Ой не ѣдзь же, муой миленькій, не ѣдзь:
Закидана хвуоростомъ доруожка.
—Ой найду я куони вороные,
Што подопчутъ хвуоростъ подъ копыты.
—Ой не ѣдзь же, муой миленькій, не ѣдзь,
Закидана доруожка чарами.
—Ой найду я куони вороные,
Што подопчутъ чары плюгавыя.
—Ой не ѣдзь-же, муой миленькій, не ѣдзь,
Я тобѣ кошулю вымыю.
—У чистомъ полю быстра рѣчка плые,
Ой вуона мнѣ кошулю вымые.
—Ой не ѣдзь-же, муой миленькій, не ѣдзь,
Я тобѣ голоуку сполощу.
—У чистомъ полю друобны дождикъ хвоще,
Ой вуонъ же мнѣ й голуоуку сполоще.
—Ой не ѣдзь-же, муой миленькій, не ѣдзь,
Я тобѣ снѣданько зготую.

—У цемномъ лѣсі зазуленька куе,
Ой воуна мнѣ снѣданько зготуе.
—Ой не ѣдзь же, муой миленькій, не ѣдзь,
Я тобѣ посцельку посцелю.
—У быстромъ лузі трава зеленая,
Тамъ для мене посцель гуотовая.
—Ой не ѣдзь-же, муой миленькій, не ѣдзь,
Хто-жъ по тобѣ сердечне заплаче.
—У чорнуомъ лѣсі чорные круки крекчуть,
Вуоны по мнѣ сердечне заплачуть.

(Записалъ тотъ же.)

CXIII.

(*Тамъ же.*)

Ой ужежъ бо я одъѣжджаю,
Я ужежъ бо поѣду,
А хто-жъ будзе походжаци,
По моёму слѣду.
Есть же у мене хлопецъ ладный,
Я іого любила,
Ой вуонъ будзе походжаци,
Да й куды я ходзила.
Есть же у цебе дзвѣ капѣйки
А у мене два гроши,
Поѣдземо звѣнчаемсе,
Мы обое хороши.
Есть же у мене куонь вороный
Стоитъ вуонъ осѣдланый,

Поѣдземо звѣнчаемсе
На той букъ Дунаю.
Заѣхали до церкуоки,
Попа у дома нѣту,
Бѣдна муоя головонька,
Завязаный муой свѣту!
Ведутъ мене до церкуоки,
Мои нуоженьки не гнуцца,
Бѣдна муоя головонька,
Сами слёзоньки льюцца.
Ой вырву я зъ рожи квѣтку
А зъ берозоньки пучье:
Не вѣрь, дзѣука, кавалеру,
Што вуонъ каже—озьму це.
Вуонъ зъ тобою пье-гуляе,
Вуонъ съ тобою жартуе:
Ой вуонъ твого дзѣвоцкого
Розумоньку пробуе.

(Записалъ тотъ же.)

CXIV.

(*Тамъ же.*)

Погнау конюшій коники
На шолковую травицу,
На шолковую травицу,
На здроёвую [1]) водзицу.
Коники травы не ѣли,
Здроёвой воды не пили,

Здроёвой воды не пили,
Конюшого зносили.
Конюшого зносили,
На-уполъ голоуку розбили,
На-уполъ голоуку розбили,
А на чотэры серденько.
Ой нихто того не вѣдау,
Одна матонька узнала,
Одна матонька узнала,
Семь миль ночкою умахала.
—Што ты, конюшій, тутъ робышь,
Чи друобну рыбку ловишь?
—Ой я рыбоньки не ловю
Мене коники зносили,
Мене коники зносили,
На-уполъ голоуку розбили,
На-уполъ голоуку розбили,
А на чотэры серденько.
—Ой треба тобѣ докторoу,
Чи тыхъ великихъ лѣкароу?
—Не треба, матко, доктороу,
Ни тыхъ великихъ лѣкароу.
Ой туолько треба цѣсликоу [2])
Нехай збудують вѣчный домъ.
—Ой дзѣ це, сыну, поховаць,
Ой чи у косцели при сцѣнѣ?
—Не ховай, матко, у косцели,
Поховай мене при дродзы,
Поховай, матко, при дродзы,
Ой при туомъ битуомъ госцинцу. [3])

Насѣй, матонько, лелеи,
Ой того зюолка-шалвеи,
Будуть панове ѣхали [4])
Будуть лелею щипали. [5])
Ой ту конюшій ту лежи,
Што іого кони зносили,
Што іого кони зносили
На-уполъ голоуку розбили,
На-уполъ голоуку розбили,
А на чотэры серденько.

(Записалъ тотъ же. [1]) ключсвая. [2]) плотники. [3]) большая дорога. [4]) польская глагольная форма. [5]) idem.)

CXV.

(*Тамъ же*).

Я думала, што соунычко зходзить,
Лиха доля пудъ окенкомъ ходзить,
Лиха доля шлюхой волочицца.
Я думала, што коруоука рычить,
Лиха доля пудъ окенкомъ кричить.
Пуойдземъ долю на торгъ продаваци,
Знають людзи—нейдуть куповаци.
Пуойдземъ зъ доліо [1]) а зъ торгу до дому,
Цеперь долю хуоць зъ мосту да у воду.
Умри, умри мужикова маци,
То я буду господыня у хаци.
Я думала, што милый не чуе,
Ажъ цо милый нагайку готуе.

Я думала нагайка зъ паперу [2]),
А нагайка зъ сырого раменю.
Ой якъ стала коло плечъ летаци,
Стала мила жалосно плакади.
Устань, устань мужикова маци,
Поможи мнѣ гуоре горовaци.
—Ой волейсе [3]) у землицы лежацы,
Нижъ зъ тобою гуоре горовaци.

(Записалъ тотъ же. [1]) форма твор. п. [2]) бумага. [3]) лучше.)

Помѣщаемая ниже пѣсня доставлена г. *Иваномъ Котовичемъ*. Въ эту пѣсню, содержащую въ себѣ много историческихъ чертъ, вкралось, къ сожалѣнію, нѣчто постороннее, ненародное, судя по утонченности—нѣчто панское, именно: маленькая ножка, бѣленькая ручка, зубы-перлы и пр. Этимъ наносомъ мы обязаны панскимъ пѣсенникамъ, распѣвавшимъ народныя пѣсни и переиначивавшимъ ихъ въ угоду и по вкусу пана.

CXVI.

(*Гродненской г., Кобринскаго у., въ восточной половинѣ.*)

Я Грицъ козакъ зъ-за Дунаю,
Козацькое вуйско маю,
Нэ пропущу жаднэй [1]) войны,
Въ часъ [2]) для Царя нэспокуйный.
А той гетманъ забыяка
Нагайкою сікъ Поляка;
А Французувъ и Турчинувъ
Коловъ, вішавъ сучьихъ сынувъ.
Прывыкъ зъ-малу воеваты,
Ворогувъ нашихъ ганяты,

А по вуйні спочиваю,
Пью зъ дівкамы и гуляю.
Проіздывъ я світъ широко,
И ныколы мое око,
Такэй красы ны видало
Якъ Ласыцкъ напоткало [3]).
Коло Стыру шагувъ трыста,
О вірстъ сорокъ Пинска міста,
Лежить Ласыцкъ—сэло зъ дворомъ,
Облитое якъ бы моремъ.
Тамъ-то я познавъ дівчинку
На имэне Катэринку.
Хочь простого она стану,
Вірно служыть двора пану.
Яка слічна, яка гожа,
Якъ въ румяньцю біла рожа [4]);
А въ румяньцю така сыла,
Що всі квяты [5]) погасыла.
Якъ зъ коралувъ еи губы,
Ныбы [6]) зъ пэрэлъ чисты зубы,
Якъ зъ гэбану [7]) волосы чорны,
Походъ жвавый [8]) и моторный [9]).
Однакъ—въ тую я дівчину,
Такъ ся влюбывъ, ажъ же гыну.
Якъ же еи ны любыты?
Якъ безъ еи можно жыты?
Колы красна яко рожа,
Молодэнька и пригожа,
Нужка мала, ручька біла
Станъ хорошій, мова [10]) мыла.

Чорны бровы надъ очыма,
Кудры вьющца за плечима,
А що нэбудь заспэвае,
Душу зъ мэнэ выбывае.
Ныхай тому спречка [11]) будэ,
Іесць у мэнэ зъ Пульши людэ,
Штыры [12]) Пульки дамъ за змінку [13]),
За одную Катэрынку.
Що дамъ, то дамъ тому пану,
Що страчу [14]) на тумъ стану,
Бы достаты Катэрынку
Гожу, мылу, чорнобрывку.
Ныхай [15]) тому мова будэ,
Ныхай судять о тумъ людэ,
За чімъ козакъ мівъ пропасты,
Скажу правду—мушу украсты.

(Записалъ ученикъ Кобринскаго духовнаго училища *Новицкій*. [1]) ни одной. [2]) время. [3]) встрѣтило. [4]) роза. [5]) цвѣтъ. [6]) будто. [7]) черное дерево. [8]) веселый. [9]) проворный. [10]) говоръ. [11]) споръ. [12]) четыре. [13]) мѣна. [14]) потеряю. [15]) пускай.)

Помѣщаемая ниже пѣсня, по духу и содержанію сходна со многими великорусскими, о чемъ будетъ сказано въ предисловіи.

CXVII.

(*Гродненской г., Кобринскаго у., Дорогичинская вол.*)

Ой ты полынь полыня,
Ой ты гірка трава,

Кырызъ тэбэ полынюшка,
Гірчіе въ свиты ныма.
Ой ты служба моя да салдацькая,
Кырызъ тэбэ такую службу,
Гіршіе въ свиты ныма.
А зъ-вэчора ныкрутыкы сповыдалыся [1]),
А съ північчы ныкрутыкы а до білого дня
Городъ вырубалы городъ выпалылы.
Ой по правій руці сывый голубъ лытае,
А по лівій руці идэ Білый Царь,
Нашъ батюшка Государь.
—Здравствуйте хлопцы мои, вы молодцы мои!
Ой чы добрэ тутъ вамъ на Прыпьети стояты?
—Добрэ добрэ, Білый Царь,
Нашъ батюшка Государь:
По коліна у крыви а по поясъ у трупи.
—Ой вы хлопцы мои, вы молодцы мои,
Ой вы ны скаржтэся [2]) мні:
Буду пысьма пысать,
Буду больше набырать,
Буду війська дополнять,
А зъ двадцати пяты душъ
Буду хорошыи нэкруты брать—
Жонатыи будуть слёзы розлывать,
Холостыи пісни спывать.
Дэ жонатыи йшлы,
Тамъ дуброва смутная,

Тамъ трава высохла;
Дэ холостыи йшлы,
Тамъ дуброва высёла,
Тамъ трава вылёна.

(Записалъ ученикъ Молодечненской учительской семинаріи *Иванъ Проневичъ.* [1]) исповѣдались. [2]) не сѣтуйте на меня, не жалуйтесь.)

Печатаемыя ниже *три* прекрасныя пѣсни переданы *М. О. Кояловичемъ,* которому приносимъ искреннюю благодарность. Первая изъ нихъ съ явными миѳологическими чертами; всѣ же три весьма наглядно представляютъ отношеніе крестьянства здѣшняго къ *пришлецамъ* — Полякомъ, т. е. къ панамъ и вообще къ шляхтѣ.

CXVIII.

(*Минской г.*)

Бывъ на Руси Чорный Богъ,
Предъ нимъ стоявъ Туровъ рогъ;
Эонъ на Кіёвъ поглядавъ
Гомонъ вѣдьмамъ подававъ.
А Владиміръ нашъ святый,
Чорна Бога сколотывъ,
А мученица Варвара
Усѣ вѣдьмы разогнала,
Вѣдьмы, что у ночну пору
Слетались на Лысу Гору.
Святый Юрій прискакавъ
И въ Несвижѣ церквой ставъ.

Ажъ отъ Ксендзя Радзивила
Понайшла нечиста сила,
Понайшла нечиста сила,
Русску вѣру поглумила:
Батьки въ церкви не служили
А ксендзы имшу [1]) вопили;
Не было къ намъ ани слова
Ни изъ Слуцка, ни съ Турова
Не было ани словечка.
Юрій ставъ блудна овечка,
Мы предъ Юріемъ закленчемъ [2]),
Помолимся и заплачемъ,
Щобъ его святая сила,
Поконала Радзивила.

([1]) слово *мша*, съ придыханіемъ. [2]) съ польскаго: станемъ на колѣни; есть русская форма: выкленчить—выпросить, вымолить.)

CXIX.

(*Тамъ же.*)

Ой колыбъ колы,
Москали прышлы,
Москали прышлы,
Наши сродные,
Вѣры одныя!
Добре намъ было,
Счастно намъ было:
Коли Русь уся,
Тримаючися [1])
Одной силою,
За-одно была.

Да й къ намъ за грѣхи,
Понайшли Ляхи,
Заняли намъ край
Ажъ до Ляховичъ.
Ой Ляхи бъ не прышлы,
Щобъ паны ихъ не свелы,
Ой паны щобы пропалы,
Що Ляхамъ насъ запродалы;
Ой, паны, щобъ вы сгинулы,
Що вы вѣру покинулы.

(*) тримати, тримаю—держать, держу.)

CXX.

(*Тамъ же.*)

Въ лѣсѣ въ темномъ у Выслицы,
Среду бору на Кислицы,
Есть заклятый сухій сукъ,
На томъ суку сидитъ крукъ.
—Пане круку, пане круку,
Чорна Бога старшій внуку!
Ты въ свой рожокъ затрубы,
И (*имярекъ*) загубы.
Загубы яго ты душу,
Высуши якъ гэту грушу,
Якъ Русь Ляхи загубыли,
Якъ Русь Ляхи полоныли,
Слеты съ древа, черный крукъ,
Дай у душу ему стукъ.

Ладно Ладо, дивно Диво,
Не живи, моспане, криво.
А вы, вѣдьмы, налетайте,
Отъ крука душу прымайте.

(Заклинательная пѣсня.)

Приносимъ полную благодарность почтенному собирателю *И. А. Котовичу* за тѣ *сорокъ семь* пѣсенъ, которыя печатаются ниже. Нумера: CXXX, CXXXIII, CXXXVII, CXL, CLI и CLIII составляютъ болѣе или менѣе полные и разнообразные варіанты къ нумерамъ: LXXVI, XXV, CII, LV, LXXI и LXXXIV. Особенно ярко выступаетъ весь гнетъ панщины въ нумерахъ: CXXIII, CXXV и CXXVI; въ CXXV-мъ народъ между прочимъ говоритъ: „дожидаемъ воскреснаго дня, какъ самого Бога"; но не тутъ-то было: звонъ экономскаго колокольчика заглушаетъ благовѣстъ въ православномъ храмѣ, зоветъ *быдло* на работу. Въ CXXIII-мъ уже слышно раздраженіе крестьянъ на скотское обращеніе съ ними пановъ. Въ то время, когда мужья и братья на работѣ, женъ ихъ и дочерей посѣщаютъ паны, или посылаютъ за ними прислугу, одѣваютъ въ кунтуши и другія панскія ризы и везутъ „до дому." Объ этой чертѣ свидѣтельствуетъ CXXIV-ый нумеръ. Изъ остальныхъ пѣсенъ особенно хороши колядки, зажнивки и одна „вербная." Что касается послѣдней, CLXVII-ой, пѣсни, то она, помимо языческихъ религіозныхъ чертъ, содержитъ въ себѣ напоминаніе о древнемъ сватебномъ обрядѣ, о которомъ упоминаетъ Несторъ, именно—о розуваніи. *П. А.*

CXXI.

(*Гродненской г. Кобринскаго у., м. Бездэьже.*)

По садоньку похожала,
Сама сэбэ розважала [1]):
—Ныма того, що кохала,
Ныма, ныма, да й ны будэ,
Разрадылы вражьи людэ,
Разрадылы—разсудылы,
Щобъ мы у парі ны ходылы.
Ты пуйдэшь у дорогу,
Я безъ тэбэ жыты нэ могу!
Ой пойду я коло моря,
Ажъ на морі рыбка грае,
Кожна собі пару мае.
Я жъ молода зъ Божьей кары,
Ны давъ же мні Господь пары.
Ой пойду я у чистэ поле,
Въ чистумъ полі мылый орэ,
Чужа мыла волы гонить,
Вунъ до мэнэ не говорыть.
Гоныть волы, погоняе
И мні жалю задае.
Ой пойду я на грудочокъ [2]),
Погляжу я на ставочокъ [3]),
На ставочку ростэ мята,
Тамъ плывають каченята [4]).
Одно другэ погоняе,
Кожнэ собі пару мае,

Якъ молода зъ Божьей кары,
Не давъ же мні Господь пары,
Аны пары, ны парэньки,
Аны счасця, ны долэньки.
У городы вэрба росла.
—Ны журыся, дівко красна!
Будэшь міты чоловіка,
Будэ журбы и клопоту,
Будэ быты въ охвоту,
Будэ быты нагайкою,
Называты хозяйкою.
Будэ быты и караты,
А запрюгши и ораты,
Будэ быты и учиты,
А запрюгши волочиты.

(Записалъ ученикъ Кобринскаго духовнаго училища *Ип. Кадлубовскій.* [1]) разсуждала. [2]) возвышенное мѣсто, холмикъ. [3]) прудокъ, озерцо. [4]) утята.)

CXXII.

(*Гродненской г., Кобринскаго у., въ восточной половинѣ.*)

У садочку вышня,
У бродочку дві.
Любывъ я дівчину,
Нэ літэчко—нэ два,
Любывъ я дівчину,
Три літы.
Тэпэрь же ны маю,
Съ кымъ житы.

Сыдыть голубь на вербі,
Голубка на вышні.
—Скажи правду, серце,
Що маешь на мысли?
—Мылый отець, мыла матка,
Ты, серце, мылійша.
Ой казавъ я тобі
И твоёму роду,
Колы мэнэ любышь
Нэ робы заводу [1]).
Сэ ты мэнэ любышь
Скажи мні,—чи ни:
Нэ суши сердэнька
Ны собі, ны мні.
—За мэнэ посагу [2]) ны будэ,
Возьмуть мэнэ и такъ людэ.
—Мні твого посагу
Ны мнуго потреба,
Нагородыть Панъ Бугъ,
Зъ высого нэба.
Ты у мэнэ посагъ самая,
Якъ на нэбі зара ясная.
—Ой тэпэрь ты кажешь—
Заря ясна,
А потумъ ты скажешь:
Долэнька несчастна!
Ны допускай, Боже, недугы—
Споглянэ твое сердце на другихъ.
—Скарай менэ, Боже,

На души на тілы;
Колы я помышлю,
О гиншуй [3]) дівчины!
Скарай менэ, Боже, въ гэтумъ дому,
Колы я помышлю о кому.

(Записалъ ученикъ Кобринскаго духовнаго училища *Новицкій.* [1]) приготовленіе, снаряженіе. [2]) приданое. [3]) иная.

CXXIII.

(*Гродненской г., Брестскаго у., село Косичи.*)

Бодай пану у дворі страшно,
Якъ намъ въ полю сонце зашло.
Сонце зашло—мы ще жнэмо,
При місяці снопы носымо,
При зороньках копы кладэмо,
О пувночи до дому йдэмо,
На світаньи вечераемо,
У дэнь білый знову йдэмо.
Бодай пана ны сховалы,
Сэбъ собаки розорвалы;
Поховалы при долыны,
Сэбъ по ёму воуки вылы.
Бодай пана громы убылы,
Якъ мы ручки потомылы.

(Записалъ *Иванъ Котовичъ.*)

CXXIV.

(Гродненской г., Бѣльскаго уѣзда.)

О сіуй ночи стучало-гриміло,
Я думала, што братъ зъ вуйска йідэ.
А то іхали Татарэ - Буярэ,
Везли зъ собою три Подоляночки.
Три Подоляночки—всі три сестрэньки.
Ой старшую везли въ червонумъ убранни [1]),
А середнюю везли въ зелёнумъ жупані,
А найменьшу везли голеньку-нагэньку.
Ой найстаршуй треба чипокъ вышиты,
А середнюй треба выночокъ увиты,
А наймэньшу треба на Дунай пустыты,
Ныхай плывэ до ойця до матки,
До своей родынолькы.

(Записалъ ученикъ *О. Маркевичъ.* [1]) красное платье.)

CXXV.

(Гродненской г., Бѣльскаго у., село Чижы.)

Ой не кунь воду піе,
Кунь копытками біе.
Не братъ съ братомъ говорыть,
Оно [1]) съ товарищомъ своимъ.
—Ой муй конику сывый,
Муй товарищу мылый,

Гдэ будэшь ночоваты,
Вечеру вечераты?
Есть на морі грудочокъ,
На грудочку садочокъ,
А въ садочку соловійко
То муй рюдный батэнько.
То вунъ ранэнько встае,
Пташечки пробужае.
Соловійку—батэньку!
Збуды мэнэ ранэнько,
Якъ білый дэнёкъ будэ,
Ясно сонэчко зыйдэ,
Зимня роса опадэ.

(Записалъ ученикъ *Ярославъ Маркеви і*»

CXXVI.

(*Гродненской г., Брестскаго у., село Косичи.*)

Ой тэпэръ я тутай тутай,
А завтра поіду.
Ой ктожъ будэ припадаты
До моёго сліду?
А ктожъ будэ припадаты
Слідки ціловаты.
Нима жъ мого миленького,
Тутай не выдаты.
Нима жъ мого миленького,
Нима жъ мого серця,

Ни съ кімъ сісты розмовляты
Коло ясного оконця.
Нима жъ мого миленького,
Нима жъ моій души,
Ни съ кімъ сісты розмовляты
Тэмнэнькеи ночи.
Перейду я сіны, хату,
Стану на порозі,
Якъ я гляну по сюмъ світы,
То польюцця слёзы.
Перейду я сіны, хату,
Стану я плакаты,
Ныма жъ мого миленького,
Тутай ны выдаты.
Ой Боже муй милосердый,
Чи то твоя воля,
Чи е [1]) въ світы така друга,
Якъ ма [2]) лиха доля?
Ой Боже муй милосердый,
Чи то твоя сила,
Чи е въ світы така друга,
Якъ я несчастлыва?
Ой Боже муй милосердый,
Святый Миколаю,
Нэ розлучай мэнэ зъ тыми,
Зъ кімъ ся я кохаю.

(Записалъ *Влад. Ник. Качановскій.* [1]) есть, [2]) моя.)

CXXVII.

(*Гродненской г., Брестскаго у.*)

Повінь, повінь, буйный вітрэ,
Куды я думаю,
Ой въ тую сторонэньку,
Дэ родына моя.
Вітёръ віе, повывае,
Родына ныйдэ;
Въ чистумъ полю на Подолю,
Водыця ліе.
Положу жъ я кладку гибку,
Кладэнька хибнэцця,
Ой якъ умрэ отэць, маты,
Гостына минэцця.

(Записалъ *Иванъ Котовичъ.*)

CXXVIII.

(*Тамъ же.*)

Далеко слыхаты
Такую новыну:
Забито Петруся,
Забито въ Жалиню.
Защо забито?
За якую выну?
Що свою мае,
А чужу кохае.

Якъ же ты сміешь
До такеи пани:
Пани въ атласахъ,
А ты въ сукмани?
Штыри служанки
До Петруся слала,
А зъ пятымъ разомъ
Сама поіхала.
—Покинь, Петрусю,
Въ полі ораты,
Ныма жъ пана въ дома,
Будэмъ пановаты.
Поквапны [1]) служёньки
Пану ознаймылы,
На-около двора
Покуй [2]) оступыли.
Выглянула пани
Зъ нового покою,
Обачила [3]) пана
На воронумъ коню.
—Утыкай, Петрусю,
Утыкай, сэрдэнько!
Бо вжэ панъ пріихавъ,
Будэ намъ тяжэнько.
Петрусь до двэрій—
Утэчи труднэнько.
Были [4]) Петруся
Чотыры годыны [5]):

Понимали собі,
Що Петрусь нэживый:
Взялы Петруся
Подъ билыі боки,
Вкинулы Петруся
Ву Дунай глубокій.
Ву Дунай глубокій,
Ву быструю воду—
То тобі, Петрусю,
За хорошу уроду [6]).
Вельможна пани
Въ сіняхъ стояла,
Своимъ рыбакамъ
По таляру дала:
—Идитэ, рыбаки,
Петруся ловыты,
Будэтэ одъ мэнэ
Надгороду [7]) міты.
Шукалы Петруся
Чотыри нэділи,
Нашли Петруся
Въ Жалиньскуй долины.
Ныма кому даты
До вельмужной знаты,
Щобъ пріихала
Петруся ховаты.
Вельмужна йідэ,
Іого матка хлипэ [8]),

Вельмужна пани
Талярами сыпэ.
—Не плачь, матко, не плачь,
Бо я сама плаче [9]),
За твоимъ сынэмъ
Жице [10]) и панство траце [11]).
Ходыла вельмужна
Борамы-лісамы,
Обливала личко
Дрюбными слёзами.
Білыі ноги
О камэнь збивала,
Дорогыі шаты [12])
По поясъ мочала.
Ходыть панъ по рынку,
Тяженько вздыхае,
И самъ на сэбэ
Твэрдо нарыкае:
—Що бы я видавъ
Такую недолю,
Давъ бы Петрусёвы
Въ своюмъ двору волю.

(Записалъ тотъ же. [1]) льстивые, охолопившіеся. [2]) покой, комната. [3]) увидѣла. [4]) били. [5]) часъ. [6]) красота. [7]) награда. [8]) рыдаетъ, плачетъ. [9]) плачу, носов. польск. ę. [10]) жизнь. [11]) трачу, idem. [12]) верхнее богатое платье, собственно: ризы къ образамъ.)

—

CXXIX.

(*Тамъ же.*)

—Ой ты, дівчино заручоная,
Чого такъ ходышь засмучоная?
—Ой якже жъ бо мні смутнуй ны буты:
Кого я люблю—трудно забуты!
—Кэрезъ річеньку, кэрезъ болото
Подай ручэньку мое золото,
Кэрезъ річэньку, кэрезъ быструю
Подай рученьку, подай другую!
Кэрезъ річэньку, кэрезъ другую
Подай ручэньку, подай другую,
Подай ручэньку, бо душу згубышь,
Скажи мні правду, чи любышь?
—Ручки ны дамъ, души нэ сгублю,
Правды ны скажу, кого я люблю,
Бо якъ я маю правду сказаты,
Колы нэ хочешь вірню кохаты?
Ой пойду я въ лісы лісочки,
Дэ зацвітають білы цвіточки!
Тамъ я ходыла и говорила:
Суды мні, Боже, кого я любила!
Колы ты, Боже, судышь кохатысь,
Чомъ же ны судышь намъ ся побраты?
А колы судышь, чомъ же ны злучишь [1]),
На що насъ, Боже, даремно мучишь?

(Записалъ г. *Проневичъ*. [1]) соединишь бракомъ.)

CXXX.

(*Тамъ же.*)

Дівчинонька по грибы ходыла,
Въ зелёному лісы заблудыла.
Приблудыла къ зелёному дубу,
Ой тутъ же я ночоваты буду.
Вона думала, що дубъ зеленэнькій,
Ажъ тамъ стоявъ козакъ молодэнькій.
—Ты, козаче, вэлыкій гультяю,
Вывэдь мэнэ на дорогу зъ гаю?
—Содасыся, дівчино, въ подмову,
То вывэду зъ гаю на дорогу.
Козакъ зъ гаю дівчину выводыть,
На ручэнькахъ дытыну выносыть.
—Люли, люли, муй сынку,
Дадуть же мні сто палокъ на спынку.
Люли, люли, дытына малая,
А дэжъ твоя маты молодая?
Ой дамъ тобі корову рабую,
Годуй, годуй дытыну малую.
Ой дамъ тобі штыри фаски [1]) масла,
Очепыся [2]) на кого напрасно.
Ой дамъ тобі штыры булки хліба,
Очепыся на старого діда.
Ой дамъ тобі дровычого [3]) сыра,
Годуй, годуй мыленького сына.

(Записалъ тотъ же. [1]) боченокъ, кадка. [2]) оцѣпиться, опереться, указать. [3]) лѣсной, дровяной.

CXXXI.

(*Тамъ же.*)

—Чомъ ты, соловійку,
Чомъ ты нэ спываешь,
Дэсь ты, соловійку,
Голосу ны маешь?
—Потэравъ я голосъ
Въ вышнёвумъ садочку,
Въ вышнёвумъ садочку,
У зелёнумъ лысточку.
—Чомъ ты, кавалиру,
Чомъ ты ны гуляешь,
Дэсь ты, кавалиру,
Долэньки ны маешь?
—Потэравъ я щасце,
Потэравъ я долю,
Крузъ тэбэ, дівчино,
Крузъ твою сваволю [1]).
У новуй світлицы
Два писары пыше [2]),
Молода Марися
Дытыну колыше.
—Чого такъ, Марисю,
Тяженько дышешь,
Тяженько дышешь,
Такъ рывнэнько плачешь?
—Якъ мні, кавалиру,
Якъ мні ны плакаты,

Колы мою дытыну
Нэ съ кімъ годоваты?
—Цыть [3]), Марисю,
Ны плачь, ны журыся,
Ны плачь, ны журыся,
Ще я ны женывся.
Дамъ я тобі
Волы половые,
Коні вороныі,
Слуги молодыі.
Будэшь воламы
Хлібъ зарobляты,
Хлібъ зарobляты,
Дытыну колыхаты;
Куньмы вороными
Будешь поізжаты,
Слуги молодыі
Будэшь посылаты.

(Записалъ тотъ же. [1]) своеволіе. [2]) пишуть, носов. польск. ą молчи, тише.)

CXXXII.

(*Тамъ же.*)

Зэлёная дубровонька
На гай подалася,
Молодая дівчинонька
Въ козака вдалася.

Якіи очи, такіи бровы,
Такая вродонька.
—Якъ зыйдэмось до купоньки,
Тыха розмовонька.
Пошла наша розмовонька,
Уплавъ зъ водою.
—Мандруй [1]), мандруй дівчинонька,
Хотъ крузъ світъ зо мною!
—Рада бъ же я, козаченьку,
Ны порувняемось:
Ты богатый, а я убога—
Ны повінчаемось.
—Ой кобъ же ты, дівчинонька,
Трошкы богатшенька,
Ны вважавъ бы ны на тэбэ,
Ны на твого батенька.
Витёръ віе, витёръ віе,
Жито половіе [2]),
На козака нэславонька—
Робыты нэ вміе.

(Записалъ тотъ же. [1]) броди, путешествуй. [2]) созрѣваетъ.)

CXXXIII.

(*Тамъ же.*)

Ой у лісы при дорозы
Цыганы стоялы,
А мыжь тыми цыганамы
Цыганка воружка [1]),

А до тэи цыганочки
Бытая доружка.
—Цыганочко-ворожэнько,
Учины мнi волю,
Чи ны станэ дывчинонька
До шлюбу зо мною?
Цыганочка вороженька
Волю учиныла,
Сывому коныковы
Грыву устригла.
—Бодай тэбэ, дiвчинонько,
Вся сэмья любыла.
—Коню муй коню,
Золотая грива,
Бѣжи, муй коню,
Дэ моя мыла.

(Записалъ тотъ же. [1]) ворожея.)

CXXXIV.

(*Гродненской г., Кобринскаго у., въ восточной половинѣ.*)

И сюда гора и туда гора,
Мэжъ тыми гороньками ясная зоря.
—Дiвчино моя, напуй коня
И завэды до Дуная, дэ зымняя вода.
Дiвчино моя заручоная,

Чого же ты ходышь засмучоная?
Чи я тэбэ бывъ [1]), чи маты моя?
—Ой то такая натура моя.
—Щобъ я бувъ знавъ,
Тэбэ бы ны бравъ;
Бувъ бы свои чорныи очи
Хусткой [1]) протэравъ.
Ой ны такъ хусткою, якъ лиліею.
Скаравъ мэнэ ясный Боже жункою лынивою
И лынывою и дремливою,
Ще до того несчастливою.

(Записалъ ученикъ *Новицкій.* [1]) билъ. [2]) платокъ.)

CXXXV.

(*Гродненской г., Кобринскаго у.*)

Зайшовъ мужикъ до корчёмки:
—Здоровъ, арендару,
Напымося жъ хардаману [1]),
Пане арендару!
Напившися хардаману,
Схочу я гуляты;
Капеллиста [2]) не захоче
Мні даремно граты.
„Ой муй же ты, капеллиста,
Заграй же мні гарно!

Я ци [3]) гарно заплачу,
Тулько нэ дремаймо!
Заграй же мні о такъ дрібно [4]),
Якъ то ріжуть січку [5]);
Ныхай же я потанцюю
Гей по старосвіцьку!
На Волыни витёръ віе,
На Полісьи тыхо,
Щобъ ты видавъ, панэ братэ,
Що у насъ за лыхо.
Ой якъ булы стары паны,
Добрэ на роботу;
Цілый тыждэнь [6]) робышь собі,
Панщина въ субботу.
Якъ насталы молодые,
То злѣ на роботу—
Цылый тыждэнь на панщины
Шарварокъ [7]) въ субботу.
Щобъ нэ тыи økономы,
Бувъ бы мужикъ паномъ,
Черезъ тэбэ, вражій сынэ,
Що зовуть Иваномъ.
Дожидаемъ мы нэдильки [8]),
Якъ самого Бога,
Хочь жежъ мы въ нэдильку
Започинемъ въ дома.
А въ нэдилю щэ ранэнько
Во всі звоны звонять,

Økономы и зъ вуйтамы
На панщину гонять:
Старыхъ мущинъ молотыты,
А жоночекъ прясты;
Малыхъ дитэй до тютуну,
У папуши [9]) класты.
У нашого оконома,
Сыни нагавици [10]),
Всі паробки на панщины,
Пойдуть и молодыці.
У нашого оконома,
Шовковая хустка,
Нэ одная въ нашумъ сэлі
Стоитъ хата пуста.
У нашого оконома,
Хорошая барва [11]),
Чужимъ людямъ заплатъ дае,
Свои робять дармо.

Записалъ *г. Проневичъ.* [1]) водка, настоенная на кардамонѣ. [2]) музыкантъ. [3]) тебѣ. [4]) мелко, часто. [5]) сѣчка—мелко изрѣзанная для скота солома. [6]) недѣля. [7]) панщина. [8]) воскресенье. [9]) связка табаку. [10]) синіе штаны. [11]) хорошее, цвѣтное платье.)

CXXXVI.

(*Гродненской г., Кобринскаго у., село Приборово.*)

Зайшовъ мужикъ до корчмы:
—Здоровъ, арендару,
Напыймося, арендару,
Собі гардаману.

Напывшися жъ гардаману,
Пойшовъ мужикъ танцёваты:
—Прошу пана музыканта
Мні танцювъ заграты.
Нэ дывуйтесь, добрыи людэ,
Що мужикъ гуляе,
Мае досыть зъ ласки Бога,
Ще его и панъ добрэ знае.
Жебъ нэ тыи оконому,
То мужикъ бувъ паномъ,
А за тою голотою [1]),
Есть мужикъ галганомъ [2]).
Økономъ зъ батогомъ,
А Тымушъ [3]) съ палою [4]),
А що жъ бідный мужикъ
Порадить зъ тэю голотою.
Økономъ зъ батогомъ
Стоить зъ-за оконця,
Выганяе на панщину,
Перэдъ схода сонця.
Ны уважай на чоловіка,
Аны на худобу,
Тулько бэрэ и кладэ,
И сыпле въ спыну бобу [5])!

Записалъ ***П. Котовичъ.*** [1]) бѣдные люди, голь, чернь; здѣсь въ смыслѣ шушеры. [2]) нищій, ободранный человѣкъ. [3]) нарицательное имя войта. [4]) палка. [5]) страшилище, пугало,— въ переносномъ смыслѣ.)

CXXXVII.

(*Гродненской г., Кобринскаго у.*,)

Сталы думы думаты,
Кого въ рекруты браты,
Кого въ рекруты браты—
А всі бідны сыроты.
Дала мэнэ сестра знаты:
—Утыкай, утыкай, родный братэ!
Утыкавъ я черезъ плутъ [1]),
А за мною гонывъ вуйтъ;
Утыкавъ же я въ стодолу [2]),
Сотныкъ зъ вуйтомъ за мною.
Утыкавъ я, ледво [3]) втюкъ [4]),
Прикрывъ мэнэ жита снупъ.
А воны снупъ подняли,
И тамъ мэнэ злапалы [5]).
Привэли мэнэ до двора:
—Бувай, матко, здорова!
Привэли мэнэ до сэла:
—Бувай здорова, кохана!
Ставъ до міры—ны доставъ,
Но панъ въ рекруты отдавъ.

(Записалъ *Иванъ Котовичъ*. [1]) частоколъ, изгородь. [2]) гумно, овинъ. [3]) едва. [4]) утекъ, ушелъ. [5]) поймали.)

CXXXVIII.

(Гродненской г., Кобринскаго у., м. Бездзьже.)

Ой ныколы такъ ны було,
Якъ тэпэрь случилось.
Тяжко-важко воздыхнулось,
Серце кровью оплыло.
—Черезъ тэбэ, Иванюша,
Черезъ гулянне твое.
Ой ты клявся, присягався:
„Ны покину я тэбэ."
Яжъ на клятву повірила,
Зачала вірно любыты;
Тэпэрь мэнэ людэ знають,
И сусидэ говорять:
„Стыдно, дівко, стыдно, красна,
Пузьно зъ вэчэра ходыты".
Дівчинонька завстыдилась,
Стала плакаты рыдаты;
Молодціовы стало жалко,
Ставъ дывчину розважаты:
—Ны плачь, дівко, ны плачь, красна,
Ны плачь, душенька моя!
Якъ я въ літо убэруся,
Возьму замумъ за сэбэ.
—Ой ны будэ тому правды,
Штобъ я була за тобою;
Ты богатъ, а я убога,
Ты молодчикъ самъ собі,

Ты молодчикъ—красный хлопчикъ,
Я жъ дівчина убога.

(Записалъ *Кадлубовскій.*)

CXXXIX.

(*Тамъ же.*)

—Чого мылый журишся,
Да чого пэчалышся?
—Якъ ны журытысь,
Якъ ны пэчалытысь?
Гей люли люли!
Товаришы женяццця,
Гей люли люли!
Охъ а я нэ думаю,
Гей люли люли!
Хожу я коло Дуная,
Хочу я втопытыся,
Ныкому журытыся,
Гей люли люли!
Матуся старэнькая,
Сэструнька малэнькая,
Гей люли люли!
Братки нэдоросточки,
Всі людямъ роботнички,
Гей люли люли!

(Записалъ тотъ же.)

CXL.

(*Тамъ же.*)

Выгленула галунька
Зъ золотого гайка,
Выгленула друга
Зъ зэлёного луга.
Трудно туй галуньцы
Безъ лісу тэмного,
Такъ мні молодэнькуй
Безъ роду рудного.
Тулько у мэнэ въ роду
Два братыки зъ роду.
—Братки мои братки,
Ясны соловійки!
Прибудьтэ въ гостэньки,
Да й що нэділэньки!
Принэсу горілку
Въ зэлёнуй бутэльцы,
Заправлю горілку
Зъ пэрцёмъ и зъ эмбэрцемъ.
Прошу жъ я васъ, братки,
Прошу щирымъ серцемъ.
Братки жъ мои братки,
Горілка ны пьецця,
Коло мого серця
Всё нуждонька вьецця.
Ой пэршая туга,
Що ны маю друга;
А другій муй жалю,

Що роду ны маю.
Е [1]) у мэнэ родына,
Да й далеко одъ мэнэ.
Чую кэрезъ людэ—
Чужаюцця одъ мэнэ.
Родынонька моя, нэ чужайся мэнэ!
Придэ нэділёнька, прибывай до мэнэ!

(Записалъ тотъ же. [1]) есть.)

CXLI.

(*Тамъ же.*)

Журба моя, журба,
Якая журбыва!
Доля моя, доля
Нысчастлыва!
Ой я въ тую журбу
Вэльмы ны вдаюся,
Пуйду до корчомки,
Горілки напьюся.
Вышью кватырку,
Выпью я другую,
Чи ны забуду
Журбу проклятую.
Ой розлывся Дунай,
Быстрыи ріки,
Помэръ отэць и маты—
Сырота на віки.
Ой у мого брата

Калынова хата,
Калынова хата,
Сіны на номосты.
Ой сяду и поіду
До братыка у госты.
Сыстра пріизжае,
Ворота торкае.
Ой выйшовъ братокъ
Єыструньку вытае.
Братъ сыстру вытае,
Ще проводыть;
А братовая [1]) що зла—
Ны выходыть.
Ты моя мыла,
Ны дывыся скрива;
Бо у мояй сыструньки
Щодня [2]) у гостыны.
Зъ тобою мылою,
Да ще наживуся,
А зъ своею сыстрою
Ны розговорусся.

(Записалъ тотъ же. [1]) братнина жена. [2]) ежедневно.)

CXLII.

(*Тамъ же.*)

Ой котылася заря
Зъ подъ нового двора,

Ой не есць же то зоря—
Гэто жъ панова жона.
Ой якъ вона заговорыть,
Якъ у звоны зазвоныть.

(Записалъ тотъ же.)

CXLIII.

(*Тамъ же.*)

Ой золото, золото,
На току молочонэ,
На току молочонэ,
На Дунай покочонэ.
Кто золото пэрэлычить [1]),
Той на войну ны пуйдэ.
Ой нашъ панъ молодэнькій,
У іого коныкъ воронэнькій,
Служонька молодэнькій.
Вунъ золото пэрэлычить
И на войну ны пуйдэ.
Пошлэ коня вороного,
Служоньку молодого.
Ой будэ панъ пановаты,
А служоньку будэ знаты!

(Записалъ тотъ же. [1]) пересчитать.)

CXLIV.

(*Гродненской г., Брестскаго у., село Косичи.*)

Ой ты хмэленьку, буйное жице,
Мнуго розуму маешь!
Ой и пьяного и твэрозого
Зъ розуму спроваджаешь.
Ой ты, дівчино - пэрэбурныця,
Мнуго есь [1]) пэрэбрала,
Усімъ молодцамъ догону дала,
А удовціовы досталася.
Бо у вдовця—тыхая мовця,
У іого жовтые влосы,
Ой нэ зажила [2]) жадна нэвіста
У свикорка роскоши.
Ходыть свикорко
По новыхъ синёхъ,
Нывісту пробужае:
—Устань, нэвісто,
Устань, молода,
Устань до роботы,
Додай охвоты,
Усюй своюй челядоньці!
Муй мылый уставъ,
По зорамъ [3]) познавъ:
—Ще, батэньку, рано,
Рано вставаты,
Рано вставаты
И сніданье готоваты!
Поздоровъ, Боже, мого милого

И мэнэ коло iого,
И що вунъ нэ каже
Рано вставаты
И снiданье готоваты.
Ой якъ я була
У свого батэнька,
Я нычого нэзнала:
Я куръ ны чула,
Я зуръ[4]) ны знала,
И роботы нэ знабыла[5]).
Ой якъ я пошла,
То й до свикорька,
Я всё тое познала:
Куры почула,
Зоры познала,
Роботу поробляла.
Куры почула,
Куры почула,
Тонкiй кужель прядучи;
Зоры познала,
Зоры познала,
Рано по воду йдучи.

(Записалъ *Иванъ Котовичъ*. [1]) есть. [2]) выслужить, прiобрѣсть. [3]) зорямъ. [4]) зорь. [5]) не получала.)

CXLV.

(*Тамъ же.*)

Ой зыйшло зыйшло два мiсяца поздныхъ,
Тамъ вэндровало[1]) два молодчики красныхъ,

И вэндруючи по-тыху говорылы:
—Ой туть мы собі дівчину намовылы.
Чуе дівчина у вышнёвумъ садочку,
Чуе молода—нашивае сорочку.
—Ой пошла бы я, молоденькая, зъ вамы,
Оно [2]) боюся здрадоньки мижы вамы.
Нэ бойся, дівчино, нэ буйся, нэбого [3]),
Ешчемъ [4]) я, молодый, нэ здрадывъ никого.
—Подъізжаючи подъ зэлёну діброву,
Ой тамъ ты здрадывъ молоденькую вдову.
Подъізжаючи подъ зэлёну лышчину [5]),
Ой тамъ ты здрадывъ дівчину надобную [6]).
—Ой ны я здрадывъ вдову молодую,
Ешче къ тому дівчину надобную:
Здрадыло юй ночное ночованье,
Ешче къ тому тыхое розмовлянне.
Ой курэ спэвають—она ще розмовляе,
Станэ свитаты, то добра-ночь оддае.
—Ой а дэжъ твое молодэцькое слово,
А казавъ ты, що ны здрадывъ ныкого.

(Записалъ тотъ же. [1]) путешествовали, ѣхали. [2]) но. [3]) бѣдняжка. [4]) еще. [5]) липнякъ. [6]) пригожая, красивая.)

CXLVI.

(*Тамъ же.*)

Іидэ Ясенько симъ понылілкомъ
По зэлёнуй дубровы,

Ой якъ роспустывъ трусёва [1]) перо
По вороному коню:
Ой нэ жаль же мні трусёвого пера,
Що я е [2]) роспустывъ,
Оно [3]) мні жаль тэй дівчины,
Що лайдаковы [4]) спустывъ.

(Записалъ тотъ же. [1]) страусово перо. [2]) его. [3]) но. [4]) негодяй.)

CXLVII.

(*Тамъ же.*)

У нашого старосты чорныи очи,
Вунъ ны боиццу тэмнэи ночи.
—Чого я маю ночи боятыся:
Бугъ [1]) надо мною, кунь подо мною,
Моя сванэчка [2]) упоручь [3]) во мною.
Ой що жъ бо то за мудрая сванечка,
Укотылася сонцемъ-оконцемъ до хаты,
Покотылася жовтымъ яблушкомъ по столі,
Покотылася старому старості по полі;
Выпробуючи, вышшукуючи [4]) старосту—
Чи ны опуйця [5]), чи ны розбуйця [6]) староста?
—Я ны опуйця, я ны розбуйця староста.

(Записалъ тотъ же. [1]) Богъ. [2]) уменьш. отъ сваха. [3]) объ-руку. [4]) развѣдывая. [5]) пьяница.)

CXLVIII.

(*Тамъ же.*)

—Ой заржи, заржи, сивый конику,
Дорогою бігучи,
Ныхай почуе моя дівчина,
Изъ рутки віночка вьючи!
Ой якъ почула, тяжко зотхнула,
Рівнэнько заплакала:
—Чомъ, Ясю, ны бувъ, чомъ ны пріихавъ,
Якъ я тобі казала:
Чи у дома ны бувъ,
Чи коня ны мівъ,
Чи маты ны пустыла?
—Ой я въ дома бувъ и коныка мівъ,
Маты жъ мэнэ пускала;
Старшая сестра, що замужъ пошла,
То тая одражала [1]).

(Записалъ тотъ же. [1]) отсовѣтовать.)

CXLIX.

(*Гродненской г., Бѣльскаго у.*)

Ой заржи, поржи, мой сивый коню,
Дорогою бѣгучи,
Ой чи не вчуе моя дівчина,
Зъ рутки віночки вьючи.
Скоро учула—зоря познала,
Што мой Ясенько иидэ.

—Ой мой Ясеньку, мое коханне!
Сталася мнi пригода [1]),
Была я увила [2]) пару вiночковъ,
И то забрала быстра вода.
—Моя Касюлю, мое коханне!
Не фрасуйся [3]) ты тому.
Маю я, маю пару лебедёвъ,
Пошлю я по вiночки.
Лэбэде плывуть,
Вiночки тонуть,
А быстра вода гарне [4]),
Ой потрацила [5]), моя дзивулю,
Свои вiночки марне!
—Страцилъ ты, Ясю,
Страцилъ нэбожэ,
Коника вороного,
А я нэстрачу млодэнькая
Вiночка рутяного.

(Записалъ *О. Маркевичъ.* [1]) вѣроятно—нэгода, что въ переносномъ смыслѣ значитъ—нećчастiе. [2]) глагольная форма пр. вр. [3]) по мысли выходитъ: не убивайся. [4]) захватываетъ, тащитъ. [5]) потеряла.)

CL.

(*Гродненской г., Брестскаго у., село Косичи.*)

Ой муй милый, дружина моя!
Завiзъ на чужый край, дэ роду ныма.
—Моя милая, дружина моя!
Ой есць у тэбэ братняя кума.

Пуйды до кумы то й поговоры,
Своe сердэнько то й развэсели.
—Я ходыла съ кумою говорила,
Свого сердэнька ны розвеселыла.
Тамъ на горі два дубоньки
Схилили вэршки ободва до купоньки;
На тыхъ вэршкахъ два голубоньки—
И мылуютця, и цилуюцця,
И мэму житти усэ дивуюцця.
Отдалы мэнэ на чужиноньку,
Ны мають мэнэ за дытыноньку.
Ой ты соловій—ранняя пташенько,
Нэ щебэчи въ садъ литячи,
Нэ отрясай раннеи росы,
Ныхай отрусыть матонька моя,
Матонька моя до мэнэ йдучи,
До мэнэ идучи, усэ турбуючи,
О мэму житти усэ дивуючись.
Отдалы мэнэ, забулы мэнэ.
Знаю, знаю, оно кпытыся [1]),
Що ныма кому оступытыся:
Аны сеструльки, аны братыка,
Аны матіонки, аны батэнька.

Записалъ *Иванъ Котовичъ.* [1]) чтобы издѣваться.)

CLI.

(*Тамъ же.*)

Чого, річко, тыхо стоишь,
Чи риба змулила [1])?

Чого, дівко, гурько плачешь,
Чи маты набыла?
—Мэнэ маты ны набыла,
Самы слёзы льюцця,
Що до мэнэ молодэи
Кавалирэ шлюцця.
Одынъ сыдыть за столикомъ,
Білы листы пышэ;
Другій стоить у порога,
Талярамы сыпле;
Третій ходыть коло хаты,
Білы ручки ломыть.
—Ой ны ходы, кучеравый,
Коло меи хаты,
Ны вымынай, кучеравый,
Мэи руты-мяты.
—Ны ты еи насадыла,
Ны ты еи полывала?
—Маты моя насадыла,
Друбный дощикъ полівъ.
За Дунаемъ, за річкою,
Козакъ сіно косыть.
За другою річенькою
Дівка Бога просыть:
Бодай сіно огнэмъ съіло,
Коса зломалася,
Бодай моёму миленькому
Слава вэрнулася!

Ой поіихавъ муй милэнькій
Въ полѣ полываты [2]),
Завізъ мои пэрстеныки [3]),
Ныгдэ ны выдаты.
Оддай мои пэрстэныки,
Оддай мои гроши!
Бо ты ходышь, мэнэ судышь [4]),
Шо я ны хороша.

(Записалъ тотъ же. [1]) помутила. [2]) полевать—охотиться. [3]) перстни. [4]) осуждаешь.)

CLII.

(*Гродненской г., Кобринскаго у., село Черевачицы.*)

Вэсна красна, що намъ вынэсла?
Намъ вынэсла—соху борону,
Старымъ бабкамъ посэдинннячко,
Молодыцямъ красэнця ткаты,
А дівчаткамъ да й погуляты.

(Записалъ *Иванъ Котовичъ.*)

CLIII.

(*Тамъ же.*)

—Вэрбо вэрбо, зэлэненькая,
Якъ на тобі голльечко гнэцця!
—Ныхай гнэцця, хочь поламлэцця,
На мні вэрбі голлье найдэцця.

—Ты, дівчино молодэнькая,
Якъ тэбэ молодці дмуцця [1])!
—Ныхай дмуцця, хочь пэрэбачать [2]).
Якъ я выросту,
Пойду за старосту,
За старосту старэнького,
За пысаря молодэнького.
У пысаря кабатъ [3]) и жупанъ,
А у кабаті коноплі рваты.
А въ жупані хороше на улыці потанцёваты.
Коноплі рваты голова болыть,
А потанцёваты, то душа горыть.

(Записалъ тотъ же. [1]) дуются, недовольны. [2]) извинять. [3]) одежда въ родѣ куртки.)

CLIV.

(*Тамъ же.*)

Дяковала жнывонька
Господу Богу Святому
И Іегомосці своёму,
Що вунъ мэнэ у пору зобравъ.
Ныхай я у стороні погощу,
Покы на ныву опять пойду;
То мні у стодолы гостына,
А на ныві годына.

(Записалъ тотъ же. Поется во время жатвы.)

CLV.

(Гродненской г., Брестскаго у., село Косичи.)

Ой летала пэрэпюлка по полю
И убэрала дрюбны пташки до бору:
—Ой до бору, дрюбны пташки, до бору,
Бо уже витэ нагулялыся по полю.
—Ой ны дармо мы по полю гулялы,
Бо мы собі пожиточку [1]) шукалы,
Бо мы дрюбны ягодоньки збыралы,
Изъ литэчка на зимоньку складалы.
Ой ходыла наша пани по полю
И збэрала челядоньку до двору:
—Ой до двору, челядонька, до двору,
Бо уже витэ нагулялыся по полю.
—Ой ны дармо мы по полю гулялы,
Бо мы жито и пшэныцю дожялы;
Ой дожялы мы житэчко облоги,
Пэчи пэчи, наша пани, пироги!
Ой котыуся нашъ віночокъ по долу
И просыуся пана господаря у стодолу [2]):
—Я у свого господаря погощу
И сторононьку домощу,
На новое на другое заложу.
Выкочь, выкочь бочку мэду—вына дві,
Почастоваты челядоньку на дворі!
Ой чія то челядонька такъ дрюбна?
То нашому пану сподубна [3]).
Ой чія то челядонька на долыны?

То нашого пана зъ Украины.
Ой чія то челядонька гуляла?
То у нашого пана дожала.
—Ой отчины намъ, пане, ворота!
Бо нэсэмъ мы віночокъ зъ золота;
Ны зъ золота нашъ віночокъ—що зъ жита,
Суды Боже пану спожиты,
На другое—на новое літо заложиты.

(Записалъ тотъ же. Поется во время жатвы. [1]) Польза, выгода. [2]) гумно, овинъ. [3]) соотвѣтствуетъ.)

CLVI.

(*Тамъ же*).

Жныся, загонэ, жныся!
На мэнэ ны дывыся!
У мэнэ загунъ широкый,
Орау ратай безбокый.
Абожъ мэнэ подождитэ,
Абожъ мэнэ подождитэ,
Або дайтэ Антона
Подогнаты загона;
Абожъ дайтэ мні Грыця,
Грыць на мэнэ подывыцця.

(Записалъ тотъ же. Поется во время жатвы.)

CLVII.

(*Гродненской г., Кобринскаго у., сел. Бездзьме.*)

Ой котывся выночокъ
Зъ широкеи нывы
За женцямы молодыми,
Подкотывся подъ ворота:
—Выйды, пане, за ворота,
Выкупъ вынка въ золота!
Ны зъ золота вынокъ вытый,
Да й зъ густого жита,
Да й зъ колосистого,
А ще зъ ядрэнистого жита.

(Записалъ *Кадлубовскій.* Поется во время жатвы.)

CLVIII.

(*Тамъ же.*)

А вже сонце за двуръ зашло,
За гай зэлэнэнькій,
Хоче мэнэ покинуты
Да й козакъ молодэнькій.
Ой ныхай покидае,
Колы ліпшу найдэ!
Ой якъ ліпшу найдэ,
Будэ мэнэ спомынаты,
Пэрша жона добра була,
Рано обідъ готовала,

И женчики понаймала,
И сэрпыки подавала,
Усэ женчики молодые,
Сэрпыки золотые.
—Жнитэ, женчики, жнитэ,
Самы сэбэ ны пузьнитэ:
Паньская нывa широкая,
А наши домы далёкіе.
Ой сімъ мыль водою,
Ийты осьму дорогою.
Мой голосокъ дубровою
Якъ зачуе муй батэнько,
Сэдячи въ окэнку.
—Ой колы дытя йдэ,
То ныхай вэсэлиццея;
Колы нывиста,
То ныхай ны пузныццея.
Ой ще коровки ныдоёны,
А тэлята ны поёны.
—Ны журися, муй свокорко!
Я тэлята напою,
И коровки подою.
Оно нэвиста подъ ворота,
А свэкорько судошае [1]),
Зъ ручокъ сэрпыка бэрэ,
А въ ручки вэдэрце дае:
—Йды, нэвіста, по водыцю,
У щірый буръ у креницю.
Ой ныма на нэвісту

Аны звіра лютого,
Аны чоловіка лихого?
—Ой я звіра ны боюся,
Чоловіка ны страшуся;
Ой я звіра коломъ, коломъ,
Чоловіка добрымъ словомъ.
Ой що звіръ, то свэкорько!
Що чоловікъ—то батэнько!

(Записалъ тотъ же. Поется во время жатвы. 1) встрѣчаетъ.)

CLIX.

(*Гродненской г., Брестскаго у., на Польсьѣ.*)

Чого, дівко, снопувъ рідко?
Чи въ долыны жала?
Чо́го, дівко, хата чорна?
Чи тымъ що дубова?
Чому, дівко, замужъ ныйдэшь?
Чи тымъ—що убога?

(Записалъ *Иванъ Котовичъ.* Поется во время жатвы.)

CLX.

(*Тамъ же.*)

Пташечки канарійки жалосно поють;
Намъ зъ тобою, другъ милый, розлуку дають.
Розлука, розлука—чужа сторона!
Ныктожъ насъ ны разлучить, якъ сыра зэмля!

Що вы получилы, що насъ розлучилы?
Тулько жалю и пэчалю къ серцю приложилы!

(Записалъ тотъ же. Есть и велико-русская пѣсня, сходная съ этою.)

CLXI.

(*Гродненской г., Кобринскаго у.*)

—Володарь, володарь,
Отчины ворота!
—Ныма пана у дома. (2 раза)
—А дэжъ поіихавъ? (2 раза)
—До нового міста. (2 раза)
—Чого купыты? (2 раза)
—Дівокъ любыты. (2 раза)

(Записалъ тотъ же.)

CLXII.

(*Гродненской г., Брестскаго у., на Полѣсьѣ.*)

Ой всхотіла баба вража
Да й разбогатіты,
Посадыла куриноньку,
Щобъ вывэла діты.
Ой хмарицця, туманыцця,
Ставъ дощикъ кропаты;
Стала наша бабусэнька
Курчатъ загоняты.

Еще въ хаты ны загнала,
Вже двое стоптала,
Назадъ трошку обэрнулась,
На третье спотккнулась.
Якъ пріихавъ дідъ изъ лісу,
Ставъ бабу пытаты:
—Чомъ-то нашихъ, бабусэнько,
Курчатъ ны выдаты?
—Ой ны выдно, дідусэньку,
Вже ны выдно будэ,
Якъ погнала я ихъ пасты,
Позорылы людэ.
Якъ выхватывъ дідъ изъ воза
Здорову лозыну,
Побывъ бабу, поколотывъ
Голову и спыну.
—Бодай тобі, старый чортэ,
Голова облізла:
Понывэчивъ мэнэ такъ,
Що на пічь ны злізла.
Бодай тобі, старый чортэ,
Права рука усохла,
Понывэчивъ мэнэ такъ,
Що й трохы нэ здохла.

(Записалъ *Проневичъ.*)

CLXIII.

(*Тамъ же.*)

Барвиночку зэлэнэнькій
Стэлыся нызэнько,
Ой ты мылый чорнобривый,
Присунься близэнько.
Барвыночку зэлэнэнькій,
Стэлися ще ныжшей,
Ой ты мылый чорнобривый,
Присунься ще ближшэ.
Ой грай, колы граешь,
Колы добрый смычокъ маешь;
Якъ ны будэшь добрэ граты,
Кажу смычка поламаты.
Чи такъ у васъ, якъ у насъ,
По полю кропывка,
По сто злотыхъ молодэць,
По шелягу дівка?
И шумыть и гудэ,
Дрюбный дощикъ ийдэ,
А кто жъ мэнэ молодую,
До домоньку завэдэ?
Одозвався козакъ,
На солодкумъ мэду:
—Гуляй, гуляй дівчинонько,
Я до дому завэду.
—Ны вэды ты мэнэ,
Ны прошу я тэбэ,

Бо я маю злого мужа,
Будэ быты мэнэ.

(Записалъ тотъ же. Пѣсня эта сборная, относительно своего состава.)

CLXIV.

(*Тамъ же.*)

Добрый вэчуръ,
Щедрый вэчуръ!
Чи е у дома панъ господарь?
Сэдытъ собі въ конці стола,
На юмъ шапка соболева,
Калыточка [1]) якъ бочечка,
Въ туй калытци
Три червунци.
Намъ коляднычкамъ по осьмачку.
На новое літо,
Роды, Боже, жито,
Жито, пшэныцю,
Горохъ, сачевыцю.
Въ клюни [2]) умолутно,
Въ дижцы [3]) зыхудно.
На пэчи рожа,
Господыня гожа.
На проточку рута,
Господыня крута.

(Записалъ тотъ же. Колядка, распѣваемая въ *Щедрый Вечеръ*, наканунѣ Новаго Года. [1]) на Полѣсьѣ маленькая сумка или калита составляетъ необходимую и всегдашнюю принадлежность

как взрослыхъ мужчинъ, такъ и мальчиковъ; крестный отецъ въ подарокъ крестному сыну даетъ калитку. [2]) хлѣбный амбаръ, житница. [3]) квашня.)

CLXV.

(*Тамъ же.*)

Пупу-лупу по помосты,
До нашого іого мосци
Пріихалы госты.
То ны госты—колядпички,
Потопталы черевички;
Будьтэ здоровы зъ колядою,
Чи кажетэ спываты,
Чи колядь даты?

(Записалъ тотъ же. Колядка.)

CLXVI.

(*Тамъ же.*)

Ны я бью—вэрба бье,
За тыждень—Вэлыкдэнь [1]);
Ны будь сонлывый,
До роботы лынывый,
Ны будь завысливый.
Но будь здоровъ, якъ вода;
Росты якъ вэрба;
Будь шмыткій якъ пчёла,

Будь богатый якъ зэмля;

Одъ року до року вэрбою по боку.

(Записалъ тотъ же. Поздравленіе въ день Вербнаго Воскресенья. При этомъ бьютъ освященною вербой тѣхъ, которымъ читаютъ это поздравленіе. [1]) Свѣтлое Воскресенье.)

CLXVII.

(*Гродненской г., Кобринскаго у.,*)

—Ой чьи гэто коны?
—Тогожъ тогожъ козаченька.
Що мы у трохъ любылы.
Одна любыла,
То й кошульку шила,
До шлюбоньку стала.
Ой Боже, муй Боже,
Що муй мылый робыть?
Що вінъ що вэчуръ
До гиншей ходыть?
Кладовыцця спаты
Попэрокъ кроваты,
До стэны очима,
До мэнэ плечима.
—Обэрнысь, мылый,
Я тэбэ розую,
Твое білэ личко,
Сімъ разъ поцілую!
—Отступыся, гідка,
Отступыся, бридка!

Есць у мэнэ лішная за тэбэ;
Есцъ у мэнэ, що мэнэ розуе,
Мое білэ личко сто разъ поцілуе.
—Есць у тэбэ, мылый, двацять штыры,
Алэ я найстарша надъ іимы всимы.
—Ой дэжъ ты, мыла,
Старшенства достала?
—Якъ у чистумъ полі церковка стояла,
Тамъ я молодая Богу присягала.
Присягала Богу и Святому Спасу,
И тобі, свынопасу.
Присягала Богу и Святому Мыколы,
Щобъ ты мэнэ, дурню, ны кидавъ ныколы.
Присягала Богу и Святому Юрью,
И тобі, дурню,
Присягала Богу и Святому Ивану,
За тобою, гиплю [1]), достала до гану [2]).

(Записалъ *Новицкій.* [1]) прохвость, мерзавецъ. [2]) безславіе, позоръ.)

Приносимъ благодарнось *И. Ю. Некрасову*, приславшему печатаемыя ниже *пять* пѣсенъ. Первая изъ нихъ—носитъ на себѣ характеръ такъ называемой *думы;* пѣсня эта имѣетъ сколокъ, напечатанный въ сборникѣ Максимовича. Изъ остальныхъ четырехъ, бѣлорусскихъ, CLXX-ая служитъ варіантомъ къ двумъ, помѣщеннымъ выше; CLXXII-ая немного сантиментальна, особенно—къ концу.

CLXVIII.

(*Гродненской г., Брестскаго у., на границѣ Польс[illegible]я.*)

Туманъ, туманъ по долыні,
Туманъ полэ покрывае,
Маты сына, маты сына,
Маты сына проганяе:
—Иды, сынку, прэчъ відъ мэнэ,
Нахай тэбэ Орда візьме!
—Мэнэ, мамусю, Орда знае,
Въ чистомъ полі оббігае.
—Иды, сынку, прэчъ відъ мэнэ,
Нэхай тэбэ Турчынъ візьме!
—Мэнэ, мамусю, Турчынъ знае,
Срібломъ-злотомъ наділяе
—Иды, сынку, прэчъ відъ мэнэ,
Нэхай тэбэ Пульша візьме!
—Мэнэ, мамусю, Пульша знае.
Мэдомъ-пивомъ напувае.
—Иды, сынку, прэчъ відъ мэнэ,
Нэхай тэбэ Русынъ візьме!
—Мэнэ, мамусю, Русынъ знае,
Давно къ собі намовляе.
Мы зъ Русыномъ будэмъ жыты,
Мы зъ Русыномъ будэмъ жыты,
Ляхівъ-Турківъ, Ляхівъ-Турківъ,
Ляхівъ-Турківъ будэмъ быты!

(Записалъ г. *Софроновичъ.*)

CLXIX.

(*Минской губерніи.*)

Прилятали два саколика зъ вайны,
Сѣли-пали на удовьиныхъ варатахъ,
А гечками [1]) свяцёлушку свяцили,
Галасками и вдовушку будзили:
—Выйдзи, выйдзи за новыя варата,
Зирни-глянь, да ци шумиць лѣсъ зялёна дуброва,
Да ци стогне пабитая дорога?
Ѣдуць, ѣдуць всѣ уланчики зъ вайны,
Майго милого конична ведуць,
На коничку сѣдзёлушко лежиць,
На сѣдзёлушку рубашечка лежиць,
Рубашечка вся кровью злита.
Отъ—цеперъ я малада
На вѣкъ вѣчный удава!

(Записалъ г. *Русецкій.* [1]) очками, очами.)

CLXX.

(*Тамъ же*).

А въ недзѣлю спорана
Выйшла хлапцамъ навина—
Сотникъ зъ войтомъ до двора
Сестра тое слыхала.
Сестра тое слыхала
Да й брацейку сказала:

—Сцережися, милый братъ
Будуць въ някруты брацъ.
Я къ сусѣду у комору
Сотникъ зъ войтомъ за мною;
Да якъ скинуся клубкомъ
Да накрыюся снапкомъ.
Іоны снапокъ падняли
Мяне въ някруты узяли.
Да ни двора, ни кола,
Бувай, сестра, здарова!
А у сестры ни брата,
Запуставала хата!
Да ни матки, ни отца,
Блужаюся якъ авца!
Да ни роду, ни плоду,
Такъ якъ камень у воду,

(Записалъ тотъ же.)

CLXXI.

(*Тамъ же.*)

Пейце, братцы, вы гарѣлку,
А вы, гуси,—воду;
Палецице, бѣлы гуси,
Ажъ до свойго роду.
Не кажице, бѣлы гуси,
Што я тутъ гарюю;

А скажице, бѣлы гуси,
Што я тутъ пануя.
Якъ будзеце, бѣлы гуси,
Праўду гаварици;
То будзе родзимая,
Въ госци не хадзици.
Сарву розанъ-вѣтку,
И пущу на воду;
Плыви, плыви, розанъ-вѣтка,
Ажъ до мойго роду.
Плыла, плыла розанъ-вѣтка,
При берегу стала;
Пришла маци воду браци,
Квѣтки познавала.
—Чи ты, мая Даулюшка,
Три лѣта хварѣла;
Чому твая розанъ-вѣтка
Такъ въ водзѣ сблѣднѣла?
—Не хварѣла, матулюшка,
Ни дня ни годзины:
Папалася злому мужу,
Нявѣрной дружинѣ.
Утапила, матюлюшка,
Якъ канопель у воду;
Не такъ мяне маладую
Якъ маю уроду [1])!

(Записалъ тотъ же. [1]) краса.)

CLXXII.

(*Тамъ же.*)

Выйду на гору да й гляну на море
Буду казаци „што мнѣ за горе?“
Буду казаци „чого я плачу,
Майго милого вже не забачу“.
Пайду разскажу свѣту цалому
Нехай ни вѣрицъ нихто никому.
Бо вже сама тое дознала
Што невдзенчного [1]) вѣрно кохала.
На што намъ, Боже, дау се познаци
Коли не судзишь намъ се побраци?
Коли же судзишь чаму не злучишь,
На што жъ насъ, Боже, такъ довго мучишь?
Будзешь читаци подпись на гробѣ
Што тутай лежицъ вѣрная тобѣ.
Што тутай жила цебе любила
Не злучишь, Боже, злучицъ могила!

(Записалъ тотъ же. [1]) неблагодарный.)

Ниже помѣщаются *восемь* бѣлорусскихъ пѣсенъ **изъ** ...ленской губерніи; CLXXVII-ая и CLXXVIII-ая **имѣютъ** ...ріанты, уже напечатанные въ настоящемъ **сборникѣ;** ...XXVI-ая обращаетъ на себя особенное вниманіе, **по своей** ...чательно-свѣжей поэзіи.

CLXXIII.

(Виленской г., Дисненскаго у., деревня Ковалевщина.)

Сады мае сады, сады зялёные,
Ой люли рано, сады зялёные.
Сады зялёны, лѣты маладые,
Ой люли рано, лѣты маладые.
Въ томъ садзѣ яворъ зелененьки,
Ой люли рано, яворъ зелененьки.
Яворъ зелененьки, казакъ маладзеньки,
Ой люли рано, казакъ маладзеньки.
Казакъ маладзеньки, чаво зажурився,
Ой люли рано, чаво зажурився.
Чаво зажурився, што не оженився,
Ой люли рано, што не оженився.
Жени мене, татка, жени маладого,
Ой люли рано, жени маладого.
Погадзи, дзицятко, до Калядъ веселля,
Ой люли рано, до Калядъ веселля.
Не могу я ждаци, до Калядъ веселля,
Ой люли рано, до Калядъ веселля.
Дзѣвка въ матки давно дожидаець,
Ой люли рано, давно дожидаець.
Коникъ на стайнi, стайню пробиваець,
Ой люли рано, стайню пробиваець.
Ци я табѣ цяжекъ, ци самъ маладзеньки,
Ой люли рано, ци самъ маладзеньки.
Цяжко мнѣ, цяжко начное ѣзжанне,
Ой люли рано, начное ѣзжанне.

Начное ѣзжанне, карчомно пиванне,
Ой люли рано, карчомно пиванне.
Ты пойдзешь въ корчму вино пици
Ой люли рано, вино пици.
А мене паставишь, сыру землю бици,
Ой люли рано, сыру землю бици.

(Записалъ ученикъ Молодечненской учительской семинаріи *Григорій Авсюкъ.*)

CLXXIV.

(*Тамъ же.*)

Ходзиць брацецъ па свѣтлицы,
Тужиць плачець па сестрицы:
Атдавъ сестру въ худу весну,
Ани хлѣба ни кусочка,
Ани соли ни дробочка.
У недзѣльку пораненьку,
Сестра къ брату въ гости ѣдзець;
Братавачка [1]) спужалася,
Съ солей, съ хлѣбомъ схавалася.
—Стой, братавка, не пужайся,
Съ солей, съ хлѣбомъ не хавайся:
Я учера вечерала
И сегодня абѣдала.

(Записалъ тотъ же. [1]) братнина жена.)

CLXXV.

(*Тамъ же.*)

Въ чистомъ полѣ падъ бѣлай бярёзай,
Бѣлъ маладзецъ кравaтачку мосциць;
Помосцивши, пасцелечку сцелець,
А пославши, и спаци кладзецца.
Якъ устали да буйные вѣтры,
Да сарвали въ бярозѣ верховку
Да прабили маладцу галовку,
Да некому па нёмъ кукаваци,
Нѣту въ его ни атца, ни маци.
Шуги, шуги [1]) зезюлечка съ бору,
Сѣла-пала молодцу въ галовци,
Стала яна па нёмъ куковаци,
Якъ радная мацъ па дзицяци.

(Поется во время навозной работы. Записалъ тотъ же.
[1]) поднялась.)

CLXXVI.

(*Тамъ же.*)

—Не сѣчи, мой татулька при дарозѣ бярозки.
Не каси, мой брацитка, въ лужочку травички.
Не щипли, моя сестрицка, въ садочку цвѣточка.
Не бери, моя матулька, въ криницы вадзицы:
При дарожцѣ бярозка—я сама маладзенька.
А въ лужочку травичка—моя русая касица.

А въ садо́чку цвѣточки—маи ясныя очки.
А въ криницѣ вадзица—маи дробныя слёзки.

(Записалъ тотъ же.)

CLXXVII.

(*Тамъ же.*)

У нашего короля
Вышла нова новина,
Э! ха, э! ха, ха, вышла нова новина.
Кличуць войта до двора,
Кличуць соцкого съ села,
Э! ха, э! ха, ха, кличуць соцкого съ села.
Идзець соцкій, идзець войтъ,
Идуць яны раду брацъ.
Э! ха, э! ха, ха, идуць яны раду брацъ,
Каго въ рекруты отдацъ.
Гдзѣ четыры—падзѣлили,
А гдзѣ пяць—тамъ не взяць,
А гдзѣ три, тамъ пошли,
А гдзѣ два тамъ нема.
А у вдовки адзинъ сынъ,
Іонъ въ рекруты спасобенъ.
А сястра раду слыхала,
Пошла брату и сказала,
А братъ сястры не слухавъ,
У каханки начевавъ.

У каханки начевавъ,
Сапогъ съ ножекъ не скидавъ.
Сапогъ съ ножекъ не скидавъ,
Й шапочки не снимавъ.
И шапочки не снимавъ,
Іонъ чутненько тамъ спавъ.
Соцкій съ войтомъ въ камору,
А маладзецъ въ стадолу.
Тамъ маладзецъ на стреху [1]),
Соцкій съ войтомъ за нагу.
Краснаго маладца взяли,
Назадъ ручки связали,
За фурманкой паслали.
Пару коней тутъ прислали,
И садзись рекрутъ на сани.
Отъѣзжая отъ ганка,
«Прощай мэнэ каханка».
Отъѣзжая со двора,
«Прощай милая радня».
Отѣзжая изъ варотъ,
«Прощай мэнэ весь народъ».
Приѣзжаецъ въ гарадзецъ,
Славный рекрутъ маладзецъ.
Якъ увидзѣли жавнеры [2]),
Ступай рекрутъ до мѣры.
Рекрутъ мѣры не дойшовъ,
Изъ пріему вонъ пошовъ.
Баринъ съ сумою пришовъ
Рекрутъ мѣру перейшовъ.

Краснаго маладца отдали,
Поминай маци якъ зва и.
Не вернуцца маладц ,
Якъ каменю съ калодцу.

(Записалъ тотъ же. [1]) навѣсъ. [2]) жолнеры, солдаты.)

CLXXVIII.

(*Тамъ же.*)

Въ чистомъ полі трава шумицъ,
А тамъ казакъ забитъ лежицъ,
Надъ нимъ коникъ сивый стоицъ.
—Ой, панъ мой маладзеньки,
Ци мнѣ стояцъ, ци вандравацъ [1]),
Ци за войскомъ бѣжацъ.
—Ани стояцъ, ни вандравацъ,
Ни за войскомъ бѣжацъ.
Бѣжи, косю, дарогаю,
Дарогаю широкаю,
Да прибѣжишъ къ майму двару,
Къ майму двару новенькаму,
Да ударь-же ты въ вароцетки,
Тамъ выйдзецъ стара бабка,
Стара бабка моя мамка.
Она будзецъ пытацися,
Умѣй, косю, сказатися.
«Ой, косю, ты сивеньки,
Дзѣ твой панъ маладзеньки,

Ци оженився, ци втопився,
Ци на войску своевався».
«Ни оженився, ни втопився,
Ни на войску своевався.
Да твой-же сынъ оженився,
Выбравъ сабѣ паненочку
Въ чистомъ полі могилочку».

(Записалъ тотъ же. [1]) путешествовать.)

CLXXIX.

(*Тамъ же.*)

—Бѣлая бярозачка,
Ци не тошно̀ табѣ
Въ цёмномъ лѣсѣ стояци,
Въ чисто поле глядзѣци?
—Ой тошно, мнѣ тошно,
Въ цёмномъ лѣсѣ стояци,
Въ чисто поле глядзѣци.
—Маладая маладзица,
Ци не тошно табѣ
За благимъ мужемъ жици,
Да на добрыхъ глядзѣци?
—Ой тошно, мнѣ тошно
За благимъ мужемъ жици,
Да на добрыхъ глядзѣци.

(Записалъ тотъ же.)

CLXXX

(*Тамъ же.*)

Бѣлый вдалый маладзецъ
Концы столу стоиць,
Ручки связаныя,
Ножки скованыя.
—Бѣлый вдалый маладзецъ,
Да зачѣмъ табѣ такъ,
Ци ты кравъ, варававъ,
Ци разбойничкомъ бывъ.
—Охъ не адзинъ же я кравъ,
Да не адзинъ варававъ,
А были же при мнѣ
Три таварищи мае.
Да адзинъ мой таварищъ,
Острый мечъ при боку.
А другой мой таварищъ
Господь Богъ надо мной,
А третій мой таварищъ
Сивый косю подо мной.
Острый мечъ при боку,
Борони ты мене!
Господь Богъ надо мной,
Стереги ты мене!
Сивы косю подо мной,
Уноси ты мене!

(Записалъ тотъ же.)

Приносимъ искреннюю благодарность студенту Петербургской духовной академіи г. *Александру Будзиловичу* за присланныя имъ и печатаемыя ниже *двадцать четыре* пѣсни. Всѣ они на малорусскомъ нарѣчіи, но съ явнымъ присутствіемъ бѣлорусской примѣси. Начало CLXXXI-ой пѣсни почти буквально сходно съ началомъ XXXI-ой; CLXXXIV-ая близка къ LXX-ой, но впрочемъ нѣсколько полнѣе и игривѣе; первая половина CLXXXV-ой сходна съ CIV-ою; начало CLXXXIX-ой сходно съ первыми шестью строчками XXVII-ой, средина съ CVI-ой; CXCI-ая составляетъ весьма подробный варіантъ къ CIX-ой.

CLXXXI.

(*Гродненской г.*, *Брестскаго у.*, *Каменецъ-Литовской вол.*)

Горежъ мое, горе,
Нэсчастлива доля!
Ой орала дівчинонька
Мысленьками поле,
Чорныма очима
Та й заволочила [1]),
Друбненькими слезоньками
Все поле змочила.
Ой оддала жъ мэнэ маты
Замужъ за высоки горы
И казала небуваты
Въ гостині николи.
А я молодая
Того нэ стэрпила,

Зозулькою [2]) обэрнулась
И въ рукъ прилетила.
Сіла на калині
И стала коваты.
Выйшовъ, выйшовъ старшій братикъ
Зозульку стріляты.
За нимъ, за нимъ рудна маты,
И стала казаты:
—Ой нэ стріляй, муй сыноньку,
Но просы до хаты.
—Сэ сыва зозулька,
Лети въ лісъ коваты,
А сэ наша сэструнечка,
То прошу до хаты.
Сэ сыва зозулька,
То шуги о луги [3]);
А сэ наша сэструнечка,
Прошу за стулъ [4]) всісты.
—Сэ сива зозулька,
То шуги о луги;
А сэ наша сэструнечка,
Нэ задавай туги.
—Маты жъ моя маты!
Дэжь [5]) ты въ церковь не ходыла;
Ой то ты мні, моя маты,
Доли нэ впросила.
—Я и въ церковь ходыла,
Богу молилася;

То такая, моя доню [6]),
Тобі доля судилася.
—Жалься, Боже, мэі вроды [7]),
Высокого зросту;
Липшій было бъ втопытыся
Зъ высокою мосту.
—Жито жъ мое, жито,
Жито зэленое!
Цы всімъ людямъ така біда,
Чи но [8]) моя доля?

Записалъ *А. Будзиловичъ*. [1]) заборонoвала. [2]) кукушкою. [3]) лети на луга. [4]) столъ. [5]) надо полагать, должно быть. [6]) дочка. [7]) красоты. [8]) или только.

CLXXXII.

(*Тамъ же.*)

Якъ въ батька была, то была мала,
Якъ замужъ пошла, то скоро зросла.
Вжежъ тая дорожка дерномъ заросла.
Ой дэрномъ, дэрномъ—ще й терниною.
Давно бачилася [1]) зъ родиною—
Ой не такъ давно, двадцать три літы,
Якъ бачилася зъ родомъ на світы.
Ой якъ я схочу, терокъ высычу [2]),
До свого родоньку орломъ залечу;
Ой орломъ, орломъ, ще й орлицею,

Або сивенькою зозулицею.
Ой сяду, паду въ вишневомъ саду,
На той черешни що въ самомъ заду.
Ой якъ закую, всёй садъ звеселю,
А якъ заплачу—всёй лісъ помочу.
А въ чэрешеньки паду я на дулъ [3])
Ой чи не выйдэ матюнка на двуръ.
Ой выйшла маты, стала плакаты:
—Ой старенькій муй, выйды—но на двуръ,
Выйды—но на двуръ, щось [4]) намъ дае буръ.
—Ой сэ зозулька, то шуги о луги,
Сэ наше дитятко, говори въ нами.
Въ кого дочекъ сімъ—то е доля всімъ;
А въ мэнэ одна, й той доли нэма.

(Записалъ тотъ же. [1]) виділась. [2]) значеніе этихъ словъ будетъ объяснено послѣ. [3]) внизъ, на землю. [4]) что-то.

CLXXXIII.

(*Тамъ же.*)

Чорна гречка—білы крупы,
Не попадай, дівче, въ руки,
Бо якъ скоро попадэшься,
То и лиха набэрешься.
Скоро дівче шлюбъ [1]) узяла,
Слезоньками обливала;

Ахъ, нэсчастна, що зробила,
Що пьяницу полюбила.
Пропивъ кони, пропивъ волы,
Ани хліба, ани соли;
Самъ до корчмы що дэнь ходыть
И бісъ ёму нэ догодыть [2]).
Еще пришовши до хаты
Каже сэбэ ціловаты;
Нэ хочется ціловаты,
Нэма чого вэчераты.
Поставили борщъ безъ мяса,
Сама сіла—подпэрлася;
А натуру его знала,
Завше [3]) окномъ двэри міла [4]).
Летыть миска до порога:
—Чоловиче! буйся Бога!
Чоловиче, що ты робышь?
—Скидай, мила, хочь намютку [5]),
Неси Жидамъ на горілку;
Якъ не будэ чого питы,
То, ей Богу, буду биты.
—Ой, якъ тяжко коноплн
Въ болоті мочиты;
Еще гурій [6]), моя маты,
Съ пьяницею житы.
О, муй Боже милосердный!
Ты моя потіха;

Потішь мэнэ нэсчасливу,
Вынесь съ того лиха.

(Записалъ тотъ же. [1]) сватьба. [2]) угодитъ. [3]) всегда. [4]) имѣла. [5]) женскій головной уборъ. [6]) хуже.

CLXXXIV.

(*Тамъ же.*)

На дворі дощь йде, а въ хаты лужа,
Нагнівалася жунка на мужа
И залізла на пэчь, сказала, «нэдужа» [1])!
Миленькій ходыть, рученьки ломыть,
Милая на пэчи ницъ не говорыть.
—Ой устань, мила, принюсъ я мэду.
—Нэ хочу я мэду, головки нэ звэду [2]).
Миленькій ходыть, рученьки ломыть,
Милая на пэчи ницъ не говорыть.
—Ой устань, мила, принюсъ я пива.
—Нэ хочу я пива, бо не буду жива.
Миленькій ходыть, рученьки ломыть,
Милая на пэчи ницъ не говорыть.
—Ой устань, мила, принюсъ я горілки.
—Не хочу я горілки, шукай [3]) собі жунки.
Миленькій ходыть, рученьки ломыть,
Милая на пэчи ницъ не говорыть.

—Ой устань, мила, принюсъ я дубину,
Принюсъ я дубину, та й на твою спину.
Миленькая встала, якъ бы не лежала,
Взяла за шію, та й поцаловала.
—А я й нэ хворала, нэ боліли кости,
Оно я лежала зъ великэи злости.

(Записалъ тотъ же. [1]) нездорова. [2]) не подниму. [3]) ищи.)

CLXXXV.

(*Тамъ же.*)

Ой у гаю [1]) гаю,
Гаю зэлененькомъ,
Тамъ орала дівчинонька
Воликомъ чорнэнькимъ.
Орала, орала
Не вміла гукаты,
Та й наняла козаченька
У скрипоньку граты.
Козаченько грае,
Очками моргае,
И бісъ ёго батька знае,
На що вунъ моргае?
Чи на мои коні,
Чи на мои волы,

Чи на мое білэ личко,
Чи на чорны брови?
—Не на твои кони,
Не на твои волы,
Но на твое білэ личко
И на чорны брови,
Козаченько грае,
Очками моргае.
—Нехай мэи дівчиноньки
Нихто не займае [2]).
Якъ мою дівчину
Хто на пыво займэ,
Одобью руки, ноги,
До дому не дойдэ.
До дому не дойдэ
Ракомъ не долизэ [3]),
Хай до мэи дівчиноньки
Та й ни хто не лізэ.

(Записалъ тотъ же. [1]) роща. [2]) трогаетъ, балуетъ. [3]) не доползетъ.)

CLXXXVI.

(*Тамъ же.*)

Тихо, тихо Дунай воду нэсэ,
А ще тишей дівка косу чэшэ,

Що начэшэ—за Дунай занэсэ.
На Дунаи яворъ зэлэнэнькій,
Подъ яворомъ коникъ воронэнькій,
На конику козакъ молодэнькій,
На конику хорошенько грае,
На дівчину бровями моргае:
—Ты, дівчино, чи пуйдэшь за мэнэ?
Добре тобі будэ жить у мэнэ.
Пушовъ козакъ на тукъ молотиты,
Милой казавъ легчи, зъупочиты [1]);
Пушовъ милый въ поле ораты,
А юй казавъ обідъ готоваты;
Пушовъ милый въ темный лісъ коситы,
А юй казавъ обідъ приноситы.
Пришовъ козакъ зъ поля, зъ оранья,
А милая зъ корчмы, зъ гулянья.
—Що ты, милая, вдумала, вгадала,
Чомъ мні въ поле істы не носила?»
—Муй милэнькій, головонька боліла,
Тымъ я тобі істы не носила.

(Записалъ тотъ же. [1]) отдохнуть.)

CLXXXVII.

(*Тамъ же.*)

Мое поле поорано
И посіяно жито,

Подъ білыми березами
Козаченька забито.
Ой, бито жъ ёго, бито,
Зовсимъ нэзабито,
Чорнымъ шолкомъ, китайкою
Головку пэревито.
Пришла жъ дь [1]) ёму дівчина
Зъ чорныма очима,
Подыняла китаеньку,
Стиснула плечима.
Пришла жъ дь ёму другая,
Ганусенька [2]) милая,
Подыняла китаеньку,
Ревно [3]) заплакала.
—Ой устань же, козаченьку,
Ой устань, муй сивый орле,
Ктожъ мэнэ прихилитъ [4]),
Ктожъ мэнэ пригорне [5])?
Ой вырукся и отэцъ
Выреклася й маты,
Судилася злая доля,
Мушу [6]) пропадаты.
Ой устань, козаченьку,
Ой устань, молодэнькій,
Розыгрався по болоти
Коникъ воронэнькій.
—Ой нехай же вунъ играе,
Нехай собі вунъ гуляе,

Вунъ *прекрасной* Ганусеньки
Та й дороженьку чуе.

(Записалъ тотъ же. [1]) до, къ. [2]) Аннушка. [3]) горько, слезно. [4]) пріютитъ. [5]) приголубитъ. [6]) должна.)

CLXXXVIII.

(Тамъ же.)

Заковала зозуленька,
Мыжи горы литячи:
Заплакала сыротонька,
Та й на службоньку йдучи.
Учувъ тое муцный [1]) Боже,
А на нэби живучи:
—Чого жъ плачешь, сиротонько,
Та й на службоньку идучи»?
Давъ я тобі, моя донько,
Одну ручку, другую,
Заробляй же, сыротонько,
Надоленьку такую.
—Ой сэбъ [2]) же я, муцный Боже,
Дэнь и нучку робыла,
Такижъ моя роботонька
Никомуську нэ мила.

Хожу, блужу, муцный Боже,
Та такъ місяцъ у крузі.
Цы що роблю, цы такъ сижу,
Завжды сердэнько у тузи.
Е на дворі калуженька [3]),
Ой сэбъ же я нэ впала,
Полюбыла пройду-світа [4]),
Сэбъ же я нэ пропала.
Туга моёй головоньци,
На сэрдэньку нэволя,
Цы всимъ людямъ така біда,
Чи но моя недоля.

(Записалъ тотъ же. [1]) мощный, всемогущій. [2]) если-бы. [3]) лужа. [4]) проидоху.)

CLXXXIX.

(*Тамъ же.*)

Зэлёный дубочекъ
На яръ [1]) похилився:
Чи волы пристали
Чи въ дорожки збився?
Волы нэ пристали
И въ дорожки нэ збывся:

—Чого, молодый чумаче,
Чого зажурився [2]?
—Чого зажурився,
Безъ доли вродився,
Мать зъ ойцемъ помэрли,
А я нэ женився.
Пойду же я зъ горя,
Зъ горя въ чистое поле,
Ой у чистомъ поли
Шукать собі доли.
Доли чумакъ не нашовъ,
Рыболовца нашовъ:
—Ахъ вы рыболовцы,
Вдалые молодцы!
Да закиньте сітку
Черезъ быстру річьку,
Чи нэ споймаетэ доли
Мэні молодому?
Нэ споймали доли,
Оно рыбу—щуку.
Рыба—щука грае,
Пару соби мае;
А я въ Божой кары,
Бугъ мні не давъ пары.
Только въ мэнэ пары,
Що воченьки кары;
Только въ мэнэ розмовоньки [3]),
Що чорны бровоньки.

Нэ пью нэ гуляю,
Пароньки нэ маю;
Пойду же я зъ горя,
Съ горя потоплюся.
—Нэйды, нэ топыся,
Бо душу загубышь:
Скажи, скажи, дівчинонька,
Кого вірно любышь?

(Эта пѣсня, видимо, сбита и приводится какъ варіантъ. Записалъ тотъ же. [1]) яровое поле. [2]) пригорюнился. [3]) разговора, думы.)

CXC.

(*Тамъ же.*)

Єтали думы думати,
Кого въ рекруты брати,
Кого въ рекруты брати,
А все—бідной сироті.
Дала мэні сэстра знати:
—Втикай, втикай, рудный брате.
Утикавъ я черезъ плутъ [1]),
А за мною гонивъ вуйтъ;
Утикавъ я въ стодолу [2]),
Сотникъ зъ вуйтомъ за мною.
Утикавъ я, леды [3]) втюкъ,
Накрывъ мэнэ жита снупъ;
А воны снупъ подняли

И тамъ мэнэ злапалы [4]).
Завэли мэнэ до двора:
«Бывай, маты, здорова».
Ставъ до міры,— нэ доставъ,
А панъ въ рекруты отдавъ.

(Записалъ тотъ же. [1]) парканъ, плетень. [2] гумно. [3]) едва. [4]) поймали.)

CXCI.

(*Тамъ же.*)

Выступала чорна хмара [1]),
Выступала сыня,
Породыла я вдовонька
Біленького сына.
Породыла вона его
Тэмненькеи ночи,
Дала ему білэ личко
И чорнэньки вочи.
Нэ посніла вона его
На рученьки взяты,
А вже его записали
У рекруты браты.
Газвивайся, сырый дубе,
Завтра морозъ будэ;
Выбирайся, вдовынъ сынэ,

—Завтра походъ будэ.
—Я морозу нэ боюся,
Заразъ розовьюся.
—Я походу нэ боюся,
Сейчасъ выбэруся.
А якъ вышовъ за ворота
Нызэнько склонився:
—Прощай, прощай, моя маты,
Вже я нэ вэрнуся.
Прикропляйте дороженьку,
Щобы нэ курила [2]),
Розважайте [3]) мою маты,
Щобы нэ тужила.
Прикропляли дорожэньку,
Такижъ вона курыть;
Розважали его матку,
Такижъ вона тужыть.
—Ой сынку, муй сынку,
Коли придэшь въ гости?
—Якъ поростэ трава на помости,
Толи приду въ гости.
Ой поросла трава на помости,
Стала посыхаты,
Выглядала маты сына,
Та й стала плакаты.
Скочивъ півень [4]) на ворота,
Сказавъ: кукурику!
Не зобачищь маты сына

Одъ нині до віку.
—Жебъ я была зозуленька
А вміла литаты,
Политила-бъ по надъ войскомъ
Сына оглядаты.
Залитила-бъ подъ могилу,
И сказала бъ: куку!
Подай, сынку наймилійшій,
Хочь до мэнэ руку.
—Ой якъ же мні, моя маты,
Білу руку даты:
Навалили сырой зэмли,
Тяженько подняты.

(Записалъ тотъ же. [1]) туча [2]) пылила. [3]) успокоивайте. [4]) пѣтухъ.)

CXCII.

(*Тамъ же.*)

Литала тетеренька по полю,
Загоняла друбны пташки до бору:
—Ой до бору, друбны [1]) пташки, до бору,
Налиталися чрезъ літо по полю.
—На тоежъ мы цілэ літо литали
Ой съ житэчка друбну росу втрушали [2]).
Ой іздыло пахолятко [3]) по полю,
Загоняло білу челядь до двору:
—Ой до двору, біла челядь, до двору,

Нагулялася чрезъ літо по полю.
—На тоежъ мы цілэ літо гуляли,
Свому пану густэ житко сжимали,
И частыи снопоньки вязали,
И густыи копоньки ставляли:
Ой якъ густо на нэби зорочекъ [4])
А ще густій на полі копочекъ.

Эта пѣснь поется «на дажинкахъ» (окончаніе жнива, послѣдній день жатвы.) Записалъ тотъ же. [1]) маленькія. [2]) стрясали. [3]) лакей, уменьшит. слово. [4]) звѣздочекъ.)

XCXIII.

(*Тамъ же.*)

(*После помолвки— „заручинъ" хоръ дѣвушекъ поетъ:*)

Заручоная Марися,
Заручивъ іі Господь Бугъ,
Іі батенько на впэрудъ,
Заручила іі матюнка.

Ступлю я на калину,
Гукну я на родыну:
Збырайся, родочку,
Въ суботу зъ вэчерочку,
Въ суботу пузнэнько,
Въ ниділю ранэнько,

На новый двуръ,
За тёсовый стулъ,
До Мариси на вэсилье.

(*Если невѣста—сирота, то поютъ:*)

Ой нима, нима Мариси дома,
Пошла Марися до Пана Бога
Проситы батенька на вэсильечко.

(*Сирота—невѣста поетъ:*)

—Прошу тэбэ, татку, на вэсильечко.
—Вэселися, доньку, зо всіми святыми,
Зо всіми святыми, зъ людьми добрыми,
Ой ужежъ-бо я за тремя замками:
Пэрвый замочекъ—зъ дощекъ домочекъ,
Други замочекъ—рыжецъ песочекъ,
Третій замочекъ—трава мурава.

(*За тѣмъ поютъ хоромъ дѣвушки, подруги молодой:*)

Знаты Марисю, знаты молодэньку,
Що нэ батенько отдае:
Іі стулъ нызэнькій,
И чаша мэду нэ повнэнька,
И родина нэ всэнька [1]).

(Записалъ тотъ же. [1]) не вся.)

XCIV.

(*Тамъ же.*)

Пошлю сокола, пошлю небога
Подъ высокое нэбо,
Сыву зозуленьку на Вкраиночку
По свою родиночку.
Нима сокола, нима небога
Зъ-подъ высокого пэба,
Ни зозуленьки зъ Украиноньки,
Нима мэі родиноньки.

(Записалъ тотъ же.)

XCV.

(*Тамъ же.*)

(*При выѣздѣ подъ вѣнецъ:*)

Стояла рутонька [1]) вкрай плоту
Друбненькимъ дощикомъ ульяна,
Ой тамъ Иванко умывався,
Своимъ ворогомъ кланявся:
—Ой мои жъ вите вороги!
А нэ пэреходьте дороги,
А нэхай пэрейде Господь Бугъ
А муй батенько навперудъ.

Кропы [2]) но ты коня,
Кобъ Бугъ зносывъ дитя,

Зъ вэликеи дороженьки,
Съ чужеи сторононьки
Змежи чужихъ людей.

(*Послѣ брака поютъ:*)

Подякуйте [3]) Богу и своему ксендзу,
Що дітки звінчавъ, не мнуго зъ шлюбу узявъ.

(Записалъ тотъ же. [1]) очень обыкновенный цвѣтокъ въ цвѣтникахъ здѣшнихъ крестьянъ. [2]) усердно погоняй. [3]) поблагодарите.)

CXCVI.

(*Тамъ же.*)

Гаи развіваютъ,
Сады зацвітаютъ,
Намъ полэ радуе,
Намъ сэло дивуе:
Молодый Иванко
Зъ шлюбоньку йде.

—Ой якъ зачуешь, муй батэньку,
Муй голосокъ у полі,
Застилай столы тёсовые
Білыми обрусами [1]),
Ой посады свою родынэньку
Коло тёсова стола:
А я молодэнькі
Буду кланятыся
Старому и малому
И батэньку своёму.

(Записалъ тотъ же. [1]) скатертью.)

CXCVII.

(*Тамъ же*).

А нэ пчолочка гула
Коло нового двора;
То Марися плакала
Изъ вінцю пріихала:
—Розвінчай мэнэ, батэньку,
Розвяжи ручки мои,
Розминяй пэрстеники.
—Донечку, мое дитятко!
Мугъ бы я и тысячъ даты,
Кобъ тэбэ розвінчаты,
Кобъ твои ручки розвязаты,
Кобъ пэрстеники поміняты.

(Записалъ тотъ же.)

CXCVIII.

(*Тамъ же.*)

Моя матэнька—утко,
Чомъ нэ выходышь хутко [1]),
Чомъ насъ нэ витаешь [2]),
Чомъ насъ нэ пытаешь [3]),
Чи горяздъ [4]) мы шлюбъ брали,
Чи хорошэ приіхали?

(Записалъ тотъ же. [1]) скоро. [2]) поздравляешь. [3]) спрашиваешь. [4]) хорошо, благополучно.)

CXCIX.

(*Тамъ же.*)

—Ой ну, Марися, вбирайся,
Въ кованы возы вкладайся,
Часъ-пора-годынонька [1]) на бытъ [2]) поіхаты,
Свого быту одвідаты.
—Ой уже жъ бо я убиралася,
Въ кованы возы повклалася,
Ой дэсь [3]) пошовъ муй батюнько
До саду—винограду,
Ныма кому дяковаты.
Ой нэхай коники постоятъ,
Білый оброчекъ [4]) зъідятъ,
А якъ выйдэ муй батэнько зъ саду—винограду,
То я ёму подякую.
Якъ куе зозулька, такъ куе,
А Марися батэньку дякуе:
—Дякую тобі, батеньку, за обідъ,
А встанэшь раненько мэнэ нітъ,
Ни моюй стэжэньки [5])—
Друбными слезами вліється.
Ой казавъ же есь, муй батэньку,
Що не забудэшь ты мэнэ;
Тэпэръ же я у возокъ сідаю,
Наглядыся на мэнэ,
Якъ на ружу [6]) чорвоную,
Такъ на мэнэ молодую.
Вже Марися въ возокъ сідае,

Ii батэнько пытае:
—Дэ ты, донечку, ключи діла?
—Я у тэбэ, татку, вірно служила,
Твоихъ ключикувъ нэ погубыла;
Дэсь у коморі, въ новусэнькой,
У той скрыні [7]) чорнусэнькой.
Нэ схотивъ мэнэ булышъ годоваты [8]),
Ани моихъ госты частоваты;
Якъ я пуйду въ чужіи люды,
Мні молодэи догана [9]) будэ,
Що мои гостеньки твэрозы,
Що мои гостеньки нэ пьяны.

(Записалъ тотъ же. [1]) время. [2]) на свое будущее хозяйство. [3]) гдѣ-то, куда-то. [4]) кормъ, овесъ. [5]) тропинки. [6]) розу. [7]) сундукъ, большею частію не кованый. [8]) воспитывать, кормить. [9]) укоръ.)

CC.

(*Тамъ же.*)

(*Свадебный коровай.*)

Ой золото, золото—Марися,
Ой походы по двору съ-тихэнька
И уклонися свому батэнъку зъ-низэнька:
А нэхай батэнько по сэлу походыть,
А нэхай вунъ жоночекъ попросыть,
А нэхай жоночки коровая ii зробять,
И, зробывши, у красную пічь усадять.
Славный нашъ короваю,

Скупый господарю,
Нэ стуй за двэрами,
Нэсы бочку пыва,
Барилко [1]) горілки
Для нашеи дівки.
А дэжъ тая господыня що въ шубі?
—Нэхай шукае до пэчи коцюбы [2]).
А дэжъ тая господыня що въ хаты?
—Нэхай шукае до пэчи лопаты.

(Записалъ тотъ же. [1]) бочонокъ. [2]) деревянная кочерга.)

CCI.

(*Тамъ же.*)

Ишли, ишли гулонькою [1]) жоночки,
Нэсли, нэсли по мисцы муки на коровай,
Муцный Боже! вэликій будэ коровай.
Ишли, ишли гулонькою жоночки,
Нэсли, нэсли по кварті масла на коровай,
Муцный Боже! смачный будэ коровай.
Ишли, ишли гулонькою жоночки,
Нэсли, нэсли по копі яицъ на коровай,
Муцный Боже! жовтый будэ коровай.
Ишли, ишли гулонькою жоночки,
Нэсли, нэсли по кварті соли на коровай,
Муцный Боже, солоный будэ коровай.

Ишли, ишли гулонькою жоночки,
Нэсли, нэсли по фунту цукру [2]) на коровай,
Муцный Боже! солодкый будэ коровай.

(Записалъ тотъ же. [1]) уличкою—уменьш. отъ улица: [2]) сахару.)

CCII.

(*Тамъ же.*)

Лавы [1]) дрыгають,
Окна мигають,
Пічка регочэ,
Бо коровая хочэ.
Коровайницы зъ міста [2])
Накрали у кишэни тіста,
На дыво имъ пришло,
У кишэняхъ тісто зышло.
А дэжъ тая перша коровайныця?
Нэхай йдэ въ вишнёвый садъ—виноградъ:
Въ вишнёвомъ саду виноградъ стэлется,
Нашимъ діткамъ на добрый бытъ стэлется.

(Записалъ тотъ же. [1]) стулья. [2]) съ города.)

CCIII.

(*Тамъ же.*)

А въ пэчи сидячи:
Дэжъ мои коровайночки, нэдбайночки [1])?
Знай оны запылися, о мні забулися!
Духъ мэнэ занимае,

Часъ мэнэ закропиты
Одволоженьку [2]) даты.
Ой хорошій коровай, хорошій!
Знаю: ёго хорошеньки робыли.
Ой удалый коровай, удалый!
Знаю: ёго удалыи робыли.
Ой біленькій коровай, біленькій!
Знаю: ёго биленькіи робыли.
Ой чорвоный коровай, чорвоный!
Знаю: ёго чорвоныи робыли.
Ой більматый коровай, більматый!
Знаю: ёго більматыи [3]) робыли.
Ой невдалый коровай, невдалый...... и т. д.

(Записалъ тотъ же. [1] беззаботные. [2]) влажность;—въ этой строфѣ заключается тонкій намекъ на то, что хозяину пора поподчивать коровайницъ водкой. [3]) подслѣповатый, уродливый.)

CCIV.

(*Гродненской г., Брестскаго у., село Токары.*)

Нэ я бью—вэрба бье,
За тыждень [1]) Вэлыкъ—дэнь [2]),
Будь здоровъ якъ вода,
Росты якъ вэрба.

(Записалъ тотъ же. Поздравленіе въ Лазареву субботу и недѣлю Вайй. [1]) недѣлю. [2]) Пасха.)

Изъ помѣщаемыхъ ниже *девяти* пѣсенъ, CCV-ая похожа на CLVII-ую. CCVI-ая представляетъ собою образецъ мѣстныхъ духовныхъ стиховъ, весьма схожій съ великорусскими.

CCV.

(*Гродненской г., Кобринскаго у., село Озяты.*)

Котывся выночокъ по полю,
Просывся жэнчыкувъ до дому:
—Идитэ, жэнчыкы, до дому,
Занэситэ мэнэ въ стодолу,
Положитэ мэнэ въ сторону,
Ой то я пойду на ныву,
Ой а мні на нывы годына,
Ой а мні въ стороні гостына.
—Отчыняй намъ, панэ, ворота,
Нэсэмо выночокъ зъ золота,
Ой нэ зъ золота, съ кропывы,
Бо щэ мы горілкы нэ пылы.

(Поется во время жатьбы. Записалъ ученикъ Молодечненской учительской семинаріи *Григорій Андрасюкъ.*)

CCVI.

(*Тамъ же.*)

Въ Іерусалимѣ коло міста,
Ой тамъ ишла Божа Маты,

Нэсла свічку грумнычную [1]),
И проскурку [2]) пшеничную.
Зудосыла [3]) тры Ангелы:
—Мои витэ тры Ангелы,
Чы нэ бачылы Сына Мого,
Сына Мого Бога вашего?
Одынъ кажэ: я нэ бачывъ,
Другый кажэ: що я бачывъ,
Трэтій кажэ: я зъ Нимъ стоявъ,
Я зъ Нимъ стоявъ и розмовлявъ,
Жыдова нэхрысть
Мостомъ ишлы,
Іисуса Христа морэмъ вэлы,
Якъ прывели ажъ до міста,
Сталы Его мурдоваты [4]),
И до крыжа прыбываты.

(Духовный стихъ, распѣваемый мѣстними калѣкими перехожими. Записалъ тотъ же. [1]) громовая. [2]) просвирка. [3]) встрѣтила. [4]) убивать.)

CCVII.

(*Тамъ же.*)

Подякуимо попоньковы [1]),
Якъ ридному батэнькови,
Що наши дыткы звынчявъ,
Нэ мніго за шлюбъ узявъ,

Чотыры волотыи,

За нашы молодыи.

ватебная. Записалъ тотъ же. [1]) священнику, православному.)

CCVIII.

(*Тамъ же.*)

До долу, вітечко, до долў;

Пора намъ гостонькы до дому,

Вжэ місяць дорогу освытывъ,

Господаръ ворота отчынывъ,

Ліпшъ жэ намъ було не знатыся,

Нэжъ тэпэрэнька розстатися.

(Сватебная. Записалъ тотъ же. [1]) вѣточка.)

CCIX.

(*Тамъ же.*)

Братыку намісныч̆ку,

Сядь собі у крислэчку,

Учысь, братэ, торговаты,

Якъ сэстру продаваты,

Нэ давай сэстры отъ золотого,

Отъ таляра бытого,

—Осьмакъ—слына [1]) сэстра міла,

За столомъ якъ калына.

(Сватебная. Записалъ тотъ же. [1]) слюпа.)

CCX.

(*Тамъ же.*)

Ой нэ есть то братыкъ,— Татарчукъ,
Що продавъ сестринку за канчукъ [1]),
Білсе лычэнько за шостакъ,
Русую косоньку дарма и такъ.

(Сватебная. Записалъ тотъ же. [1]) нагайка, плеть.)

CCXI.

(*Тамъ же.*)

Отсунься, братыку, отъ сэстры,
Вжэжъ бо я вульнійшый нэжъ якъ ты,
Я вжэ до церквы доізжявъ,
И перэдъ Богомъ прысягавъ,
И перэдъ усімы Святымы,
Перэдъ боярамы своими.

(Сватебная. Записалъ тотъ же.)

CCXII.

(*Тамъ же.*)

Ой у горидцы,
На яруй рутцы,
Плачэ Ганочка,
Выночкы вьючы,

Почувъ Иванко,
По коны йдучы:
—Чого, сэрдэнько,
Плачэшъ рэвнэнько?
Ой якъ жэ бо мні
А нэ плакаты,
Въ тэбэ молодого
Родыны мніго,
Въ мэнэ молодэи
Подаркувъ мало.
—Ой нэ журыся,
Молода Ганочка,
Я свого батэнька
Самъ пэрэпрошу,
Ньзкымъ уклономъ,
Тыхэнькымъ словомъ.

(Сватебная. Записалъ тотъ жс.)

CXIII.

(Тамъ же.)

Наша сванечка зъ міста
Покупыла кобылу,
Поіхала въ гостыну,
Зъіхала на містъ,
Зырнула пудъ хвістъ,
Ажъ кінь нэ кобыла,

Доля моя несчаслыва,
Дорого заплатыла,
Ажъ кінь нэ кобыла.

(Сватебная. Записалъ тотъ же.)

Помѣщаемыя ниже *три* пѣсни—бѣлорусскія, изъ Ди-
сненскаго уѣзда. CCXV-ая уже имѣетъ варіанты, напе-
чатанные выше.

CCXIV.

(Виленской г., Дисненскаго у., д. Мальцы.)

При дарозѣ, при широкой
Два дубочки стаяць;
При бесѣдзѣ, при вясёлой
Два малойчики пьюць.
Яны пьюць, размавляюць
Объ жанитьбу сваю:
—Ци вдалася, ци вдалася,
Братъ, жанитьба твая?
—Да вдалася, да вдалася,
Братъ, нелюбая жона!
Да пайду я маладзецъ
У новенькій гарадзецъ,
Да куплю я маладзецъ
Малеваненькій чавпецъ.

Да всаджу я маладзецъ
Да нелюбую жону,
Да пущу я маладзецъ
Да на быструю ваду.
А самъ пайду маладзецъ,
На высокую гару,
Да гляну я маладзецъ,
Да подъ ясную зару.
—Ци высока, ци высока
Ясна зорачка взышла,
Ци далека, ци далека,
Братъ, нелюбая жона?
—Ой высока, ой высока
Ясна зорачка взышла;
Ой далека, ой далека
Братъ, нелюбая жена!
—Ой вернися, ой вернися,
Хоць нелюбая жена!
—Не вернуся, не вернуся,
Ясёнъ добрый маладзецъ!
Лучшу возмешь за мене,
Такъ забудешъ мене;
Худшу возмешь за мене,
Такъ успомнишь мене,
Хоць ни по мнѣ,
Такъ по дзѣткахъ моихъ!

(Записалъ ученикъ Молодечненской учительской семинаріи ...нило *Шимшуръ*.)

CCXV.

(*Тамъ же.*)

Славный добрый маладзецъ,
Въ концы стаицъ,
Ручки связаныя
Ножки скованыя.
—Славный добрый маладзецъ,
Да за што-жъ табѣ такъ:
Ци ты кравъ, варававъ,
Ци разбойничкомъ бывъ?
—Ни я кравъ, варававъ,
А разбойничкомъ бывъ;
Да былижъ-то при мнѣ
Три таварищи мае:
Адзинъ таваришъ мой
Цемна ночка со мной;
А другій таваришъ мой
Сивый коникъ пада мной;
А трецій таваришъ мой
Вострый ножикъ при мнѣ.

(Записалъ тотъ же.)

CCXVI.

(*Тамъ же.*)

Ишли, пошли
При малайцы
Дубровою зялёною.

Што вперёдъ йдзець,
Пѣсенки паець,
Дубровою зялёною.

Пасярёдъ што идзець,
У скрыпачку йграиць,
Дубровою зялёною.

А съ-заду што йдзець,
Сильненько плачиць,
Дубровою зялёною.

Што вперёдъ идзець,
Тотъ да матульки,
Дубровою зялёною.

Пасярёдъ идзець
Тотъ да жонухны [1]),
Дубровою зялёною.

А съ-заду што идзець,
Тотъ да мачихи,
Дубровою зялёпою.

Матулька сына
Да й переймала;
Дубровою зялёною.

Зялёнымъ виномъ,
Залатымъ кубкомъ,
Дубровою зялёною.

Жонухна мужа,
Да й переймала,
Дубровою зялёною.

Бѣленькимъ сыромъ,
Съ маленькимъ сыномъ,
Дубровою зялёною.

Мачиха сына
Да й переймала:
Дубровою зялёною.

Альховымъ кавшомъ,
Дубровою зялёною.

Да й переймала,
Да й проклинала,
Дубровою зялёною.

Ци тамъ на цябе
Рѣчки не было,
Дубровою зялёною.

Чаму ты тамъ
Да й не втопився?
Дубровою зялёною.

А я на рѣчку
Кладочку найду!
Дубровою зялёною.

(Записалъ тотъ же. [1]) до жены.)

Печатаемыя ниже *три* пѣсни—бѣлорусскія.

CCXVII.

(*Гродненской г., Слонимской у., дерев. Збочна.*)

—Бѣжи, коню, къ нову двору:
Стукни, грукни капытою.
Ой, тамъ выдзе стара бабка,
Тае жъ гето моя матка.
Возме цебе за гривоньку,
Да поведзе на стаеньку [1]);
Дасць табѣ авса, сѣна;
Будзе пытаць свого сына:
—Мой конику вороненьки!
Гдзѣ мой сынокъ молодзеньки:
Ци ты его въ вадзѣ утапивъ.
—Охъ я его зъ войны вынесъ,
Охъ я его зъ воды вывезъ.
Возми, мамко, песку жменю [2]),
Посѣй его на каменю,
Обтычъ его тычечками [3]),
Поли его слёзочками.
Коли песокъ житомъ [4]) взыдзе [5]),
Тогды твой сынъ зъ войны придзе.

(Записалъ ученикъ Молодечненской учительской семинарі *Андрей Лобовичъ.* [1]) конюшня. [2]) горсть. [3]) палочки. [4]) рожь [5]) взойдетъ.)

CCXVIII.

(*Тамъ же.*)

Выступае чорна хмара, а другая синя;
Породзила да вдовушка харошого сына.

Породзила іона его, да цёмною ночью;
Дала ему бѣло личко, да чорныя очи.
—Было табѣ, моя маци, чорныхъ не даваци;
Присудзила вся грумада въ рекруты атдаци.
Продай, моя матко, коня вараного!
Выкупъ, моя матко, сына маладого!
—Ахъ ѣдзь, сынку, да не забавляйся [1]);
На ворономъ кониченьку назадъ ворочайся.
—Богъ вѣдае, моя матко, коли я вернуся:
Самъ молоды, конь вороны, назадъ спотыкнуся.
—Небось, небось мой сыночку, ты не спотыкнесся.
—Золотая подковунька, назадъ повернемся.

(Записалъ тотъ же. [1]) не мѣшкай.)

CCXIX.

(Тамъ же.)

Говорыли людзи, што моя свекровъ добра:
Іона сама рано встала, меня не збудзила,
Пошла до сусѣдокъ, меня осудзила.
А я маладзенька все горе познала,
Сама рано встала, волики погнала,
Въ зялёной дубровѣ сильно заплакала:
А Боже мой, Боже, Боже мой едыный!
Ѣдзе мой миленькій, ѣдзе съ Украины;
Почувъ голосочекъ за четыре мили.

—Ой, ци да зазулька [1] до бору летучи,
Ци другъ мой миленькій волики ганючи.
Ой, коли зозулька, то леци до бору,
А коли другъ мой миленьки, то ступай за мною.

(Записалъ тотъ же.)

Помѣщаемыя ниже *шесть* пѣсенъ—бѣлорусскія. Особенно хорошъ CCXXII-й пумеръ. CCXXI-ая носитъ на себѣ слѣды лакейскихъ, или солдатскихъ прикрасъ.

CCXX.

(*Минской г., Новогрудскаго у., вол. Сенненская.*)

—О, ты брага-бражунька зялёная,
О, хто тебя, бражунька, пици будзя!
Безъ милого дружочка, безъ надзѣи.
Якъ пошовъ мой дружочакъ въ городочакъ
А за имъ дзѣвчонко у слѣдочакъ,
Рвала, рвала ягодки да й заснула,
Якъ пріѣхавъ мой другъ козакъ я не чула,
Тупавъ, тупавъ коникомъ—не затупавъ,
Мѣтивъ, мѣтивъ шабляю—не замѣтивъ.
—Ближай, ближай, дзѣвчонко, къ мойму дому:
Есть въ меня колясунька золотая,
Есть въ меня два коники вороные,
Есть въ меня два звошчика молодые,
Есть въ меня кватерушка списана,

Есть въ меня хозяюшка молодая,
Есть въ меня постелюшка постеляна.

(Записалъ ученикъ Молодечненской учительской семинаріи *Антонъ Дударевичъ.*)

CCXXI.

(*Тамъ же.*)

Што-то што-то за садочакъ,
За зялёненькій такой,
Што-то што-то за малойчикъ,
Распрекрасный дарагой.
Сдѣлавъ справу, худу справу,
Да й на улицу пошовъ
А всё тое людзи знаюць
И сусѣдзи говорянь:
—Стыдно, дзѣвка, стыдно, красна,
Поздо вечеромъ гулянь.
Дзѣвчоначка завстыдзилась,
Полилися слёзы съ глазъ;
Мальчишку стало жалко,
Ставъ дзѣвчоначку внимать.
Вынявъ платокъ шавковенькій,
Дыставъ слёзуньки вцирань.
—Не плачъ, дзѣвка, не плачъ, красна,
Не плачъ, душенька моя;
Когда серце разгорицца,

Возьму замужъ за себя.
—Ты богатый, а я бѣдна,
Еще къ тому сирата.
Ты смѣялся надо мной,
Надо мною молодою,
Надъ моею красотою.

(Записалъ тотъ же.)

CCXXII.

(*Тамъ же.*)

Калина зъ малиною въ одну пору зацвѣла,
Въ тую пору раненько матка сына радзила
Не собравши розуму да въ салдаты отдала,
Въ солдаты въ солдатушки на чужую сторону.
Сама сѣла матушка на крутенькомъ берегу,
Якъ гукнула матушка своимъ громкимъ галаскомъ:
—Дитя мое милое, ходзишь ты не весело,
Ходзишь ты не весело, гуляешь не радостно.
—Матка моя милая! якъ мнѣ вясёлому быть,
Чужая сторонушка безъ вѣтру сушицъ, грушицъ.
Нашы камандзерушки безъ вина шумяцъ, гремяцъ.

(Записалъ тотъ же.)

CCXXIV.

(*Тамъ же.*)

Сонце за лѣсъ, за лѣсъ катилося,
Ну за цёмные лѣса!
Ой всѣ пташки, пташки приумолкли,
Ну садились па мѣстамъ!
Средзи лѣсу, лѣсу зялёного,
Ну тамъ хижина стоицъ!
Ой въ той новой хижинѣ,
Тамъ салдацкая жона,
Часу съ часу она дажидалася
Свойго милого дружка.
Въ ночи сплючи постучалися
Два салдаты падъ акномъ:
—Любезная ты наша хозяюшка,
Ты пусти насъ ночавать.
—Любезные маи кавалерушки,
Всю вамъ правдушку скажу,
Три дни въ печы не палила,
Не варила ни чего.
—Любезная ты наша хозяюшка,
Намъ не надо твойго ничего.
—Любезные мои кавалерушки,
Прошу милости зайти.

(Записалъ тотъ же.)

CCXXV.

(*Тамъ же.*)

—Што ты, Ванька, преудалый маладзецъ,
Куда ѣдзешь отъѣжчаешь отъ меня:
Кому, Ванька, приручаешъ, другъ, меня.
Съ кімъ я буду гэтую зиму зимовацъ,
Съ кімъ я буду цёплое лѣцечко гуляцъ?
О якъ выйду за новыя ворота,
Гляну гляну зъ ганкового [1]) столба,
Гляну, гляну—вдоль по вулицы въ конецъ,
Вдоль по вулицы мецелица мецець,
За мецелицой другъ Ванюшачка идзець,
Чужу милу подъ полою ведзець.

(Записалъ тотъ же. [1]) крылечнаго.)

CCXXVI.

(*Тамъ же.*)

Зялёный дубочакъ на бокъ похилився,
Маладой чумаче, чего зажурився!
Ци волы пристали, ци съ дорожки сбився?
Волы не пристали, съ дорожки не сбився,
Оцецъ и матка померли, а я не жанився,
А я не жанився, безъ доли врадзився.
О пойду я съ горя у чистое поле,
У чистое поле искацъ сабѣ доли.

Ни нашовъ я доли, нашовъ рыбаловы:
—Рыбаловцы хлопцы, три вдалы малойцы,
Закидайте сѣтку черезъ быструю рѣчку,
Ой зловите долю хлопцу молодому.
Не зловили доли, да зловили рыбу.
Щука рыба граетъ, сабѣ пару мае,
А я маладзенькій парушки не маю,
Только тои пары што очуньки кары,
Только тои размовы что чорныя бровы.

(Записалъ тотъ же.)

Помѣщаемыя ниже *четыре* пѣсни—бѣлорусскія. Обращаемъ вниманіе на CCXXVIII-ую и CCXXIX-ую; въ послѣдней же, CCXXIX-ой, даже сохранилась память о древнемъ религіозномъ вѣрованіи—въ оборотней.

CCXXVII.

(Виленской г., Дисненскаго у., село Чересъ.)

Ни каму такъ не тошненька, якъ мнѣ маладзѣ,
Розышлася вся родзина якъ листъ па вадзѣ.
Якъ выйду я за варотцы, трава, мурава—
А якъ выйду за другія—чужа старана,
А якъ выйду за треція—двѣ сестрицы йдуць.
—Вы, сестрицы, вы, радныя, обѣдзвѣ мае,
Вы пойдзеце въ зялёный садъ, завице й мэнэ!
Вы будзеце зёлки щипаць, щиплице й мнѣ,

Вы-жъ будзеце вѣнки звивацъ, увѣйце и мнѣ,
Понесеце да татульки, несице и мой,
Положице на столику, кладзице и мой,
Будзице пиць и гуляць, успомнице мэнэ,
Гдзѣ на бездольница, у чужой старанѣ.

(Записали ученики Молодечненской учительской семинаріи Григорій *Авсюкъ* и *Антонъ Лакотка.*)

CCXXVIII.

(*Тамъ же.*)

Да жили были два брацетки, да два богатые,
Да наварили яны пшеничнаго пива,
Сазвали всю родзину, нужную и богатую.
Па багатую три пaслы паслали,
А па бѣдную празъ людзей паказали.
Багатую сестрицу серадъ поля переймаюцъ,
А бѣдную въ хацѣ на поровѣ.
Багатую сестрицу на куцѣ пасадзили,
А бѣдную процивъ печи на лавцы.
Багатую виномъ медомъ частуюць,
А бѣдную горькаю гарѣлкаю.
Багатую сестрицу на три ночки унимаюць,
А бѣдную, бездольную, процивъ ночки выправляюць.
Багатая па улицы ходзиць и скачець,

А бѣдная, бездольная, въ цёмномъ лѣсѣ плачецъ.
—Вы братцы, саколики, садзицеся на коники,
Даганице вы ее, пасадзице вы ее, вмѣстѣ для мэнэ,
Доглядайце вы ее лѣпѣй за мэнэ.

(Записали тѣ же.)

CCXXIX.

(*Тамъ же.*)

Зажурила маци сына,
Зажурила маладого
За коника вараного,
За неудалую жанитьбу.
—Судзи, Боже, весны даждацъ,
Я паѣду разженюся,
Дунайчикомъ обернуся.
Маладая удовачка
Въ Дунаи воду брала,
Съ Дунайчикомъ размавляла.
—Дунай, Дунай, Дунаёчекъ,
Ци не цяженько табѣ:
Лука въ луку случаючи,
Бѣлый камень обмываючи
Жовтый песокъ узрываючи.
—Молодая удовочка,
Ци не цяженька табѣ:
Часто за мужъ ходзючи,

Въ три пароги ступаючи,
Малыхъ дзѣтакъ случаючи.
—Мнѣ маладзѣ адзинакава,
Малымъ дзѣткамъ усякава.
Мэнэ, маладую, па кутъ ведуць,
А дзѣтакъ въ запечекъ садзяць.
Мнѣ, маладзѣ, меду випа,
А дзѣтачкамъ вадзичка одна.
Мнѣ, маладзѣ, периначка,
А дзѣтачкамъ атымачка.

(Записали тѣ же.)

CCXXX.

(*Тамъ же.*)

Калина малина, её вада мыла.
Порадзила удованька жавнерского сына.
Порадзила, да не дала доли,
Только дала бѣло лицо, да чорныя бровы.
Сѣвъ жавнеръ ѣсти, пришли къ нему вѣсти,
Кидай, жавнеръ, ѣсти, часъ на коня сѣсти.
Да сѣвъ жавнеръ на коника, низенько скланився:
—Пращай, милая радзинка, може съ кимъ сворився.
Бацька выправляець, матка выправляець,
Жена мила да земельки прилегаець.
У поли озерцы: ни дна, ни акенцы.
Прощай бацка, прощай матка, прощай мила сердцу.

Не дай, Боже, смерци въ чужой старанѣ умерци,
Не каму будзець приглядзѣць жавнеровой смерци:
Аролъ прилетаѣць, смерци приглядасць,
Бѣло лицо обираець, кости оставляець.

(Записали тѣ же.)

Печатаемая ниже пѣсня—бѣлорусская.

CCXXXI.

(*Гродненской г., Кобринскаго у.,*)

Сивый коню, сивый, залатая грива,
Бѣжи, бѣжи дорогою тамъ, гдѣ моя мила.
Приди у ворота стукни копытами,
Выйди, выйди, моя мила съ чорными бровами.
Ажъ не выйшла мила, только ее маты,
Когда хочешь зятемъ быть, такъ ступай у хату.

(Записалъ ученикъ Молодечненской учительской семинар
Антонъ Рѣдька.)

Печатаемыя ныже *двѣ* пѣсни—малорусскія. Первая п
ловина послѣдней весьма извѣстна и распространена.

CCXXXII.

(*Гродненской г., Брестскаго у.*)

Ой по горамъ, по долынамъ
Голубы литаюоть,

Шей[1]) роскоши не зазнала,
Вжежъ літа мынають.
Не зазнала я роскоши
Ни въ отця, ни въ няньки,
Почумъ же я буду знаты
Літа молоденьки.
Єлуги мои,
Слуги дорогіи,
Запрягайте, закладайте
Коны молодыи.
Запрягайте коны въ шоры,
Коны вороныи,
Догоняйте, ворочайте
Літа молодыи.
Ой догналы літа мои
Въ калыновомъ мосты,
Вернитеся жъ літа мои
Хоть до мэнэ въ гостьı.
Не вернемся, не вернемся,
Бо нема до кого,
Та бyложъ насъ шановаты,
Якъ здоровья свого.
Літа мои, літа мои,
Літа молоденьки,
Колижъ доля несчастная,
Будьте коротеньки.

(Записалъ *Алексѣй Рѣдька.* [1]) сище.)

CCXXXIII.

(*Тамъ же.*)

А въ сусіда хатка біла,
У сусіда жинка мыла,
А у мэнэ ни хатинки,
Нема счастья, апы жинки.
А вже сусідъ жито сіе,
У сусіда зеленіе,
А у мэнэ ни орано,
Еще жито не сіяно.
За сусідомъ молодицы,
За сусідомъ и вдовицы,
Щей дівчата поглядаютъ,
Що сусида вси кохаютъ.
Мэнэ одна полюбила,
И ручeньку заручила,
Пришла въ очи такъ сказала,
Що я тэбэ не кохала.
Чи безъ щастья уродывся,
Чи безъ щастья охристывся,
Чи такіе кумы брали,
Щастья долы не желали,
Чи я въ матера незроденъ,
Чи я людямъ пе пригоденъ,
Защожъ мэнэ Богъ карае,
Лыху долю посылае.

Чи я кого зъ світа зогнавъ,
Чи я кому жунку отнявъ,
Чи въ прілзии кому зрадывъ,
Чи въ біду кого впровадывъ?
Сідлай, хлопче, ты гнідого,
А самъ сядай на другого,
Та поідемъ, погуляемъ,
Сусідоньку одвідаемъ.
—Будь здорова, сусідонько,
Люба, мыла дівчинонько,
Ой якажъ ты гарнесенька,
Якъ сніжечокъ білесенька.
—Сядь, козаче, не вертыся,
Коли хочешъ—поцѣлуйся.
—Ой вжежъ годы цыловаты,
Бо онъ [1]) уже иде мати,
А вона зато сердыта,
Якъ побачитъ, будэ быты.
—Будь здорова ты, матусю,
Я приіхавъ по Настусю,
Хочу буты тобі роднею,
Будь ты тещею моею.
—Ты, сучи сынъ, волоцюга,
Забыяка, злый катюга [2]),
Ничого соби недбаешъ [3]),
Все розбоемъ промышляешъ.
—Ты, матусю, буйся Бога,
Смерть твоя коло порога,
Ты горазъ [4]) мэнэ не впасишъ,

Катюгою называешь.
А я хлопець пребогаты,
Маю кони, скотъ рогатый,
Маю срибро, маю злото,
И овечокъ пребогато.
Бідна Настуся рыдае,
Свою долю проклинае,
Якъ не выдасть за сёго,
Вже не пойду за другого.
А съ такимъ бы житы стала,
Хоть бы борщикъ бувъ безъ сала.
—Мовчи, сучко, чортъ съ тобою,
Ось[5]) я тэбэ коцюбою[6]),
Молодця мы знайдемъ самы,
Щобъ скотину мівъ зъ рогами.
—Прощай, прощай, моя мыла,
Я не хочу щобъ любыла:
Маты кіемъ буде быты,
Обоимъ же намъ не житы.
—А я пойду утоплюся,
Або въ каменъ розобьюся;
Нехай люде добри знають,
Якъ съ коханья умырають.

(Записалъ тотъ же. [1]) вонъ, вотъ. [2]) палачъ, разбойникъ. [3]) не заботишься. [4]) хорошо. [5]) вотъ. [6]) кочерга.)

Початаемыя ниже *двадцать* пѣсенъ доставлены почтеннымъ *И. А. Котовичемъ.* Въ языкѣ этихъ пѣсенъ довольно замѣтна польская примѣсь.

CCXXXIV.

(Гродненской г. и уѣзда, село Мостовляны.)

—Ой поплыне, мой милый, поплыне,
Ой я знаю—онъ мене покине!
—Почему жъ ты, моя мила, знаешь,
Что я цебе покинуци маю?
Ты часто до станеньки ходзишь,
Часто коню оброкъ носишь.
Ой поставлю сторожа у порози,
Сама лягу до білаво ложи.
—Уцекай, уцекай сторожа зъ порога,
Бувай, бувай, миленька, здрова!
—Не ѣдзь, не ѣдзь, мой милюсенькій,
Не ѣдзь, не ѣдзь, милый милюсенькій,
А ктожъ табѣ головку сполоще?
—Въ чистомъ полѣ дробный дощикъ хвоще,
Тамъ же іонъ мнѣ головку сполоще.
—Не ѣдзь, не ѣдзь, милый милюсенькій,
А ктожъ табѣ снѣданье зготуе?
—У цёмномъ лѣсѣ зозуленька куе;
Тамъ іона мнѣ снѣданье зготуе.
—Не ѣдзь, не ѣдзь, милый милюсенькій,
А ктожъ табѣ постельку постеле?
—На балоцѣ трава пуховая,
Тамъ мнѣ будзе постелька мягкая,
Когда схочу то проспюся,
До цебе, милая, не вернуся.

—Не ѣдзь, не ѣдзь, милый милюсенькій,
А ктожъ тваю галовку оплаче?
—Въ цёмномъ лѣсѣ чорный воронъ граче,
Тамъ іонъ маю галовку оплаче.

(Записалъ *Игнатій Котовичъ.*)

CCXXXV.

(*Тамъ же.*)

Дай же, Боже, недзѣльки дождаци,
То я пайду до роду гуляци,
А мой родокъ не вочень богатый,
Іонъ мнѣ скаже сповна выпиваци.
Ой не буду сповна выпиваци,
Бо я маю три бѣдзѣ въ хаци:
Перва бѣда—матуля лихая,
А другая—сама молодая,
А трецяя—дзѣцина малая.
Матуля лихая вечераци варыць,
А ойченько дубиноньку парыць,
Хоць іонъ парыць, та не будзе бици,
Сидзиць милый, будзе боронщи.
Сидзиць милый, здробна листы пише,
И малую дзѣцину колыше.
—Гуляй, гуляй, моя чернобрива,
Покиль мая галовка здорова,
А якъ мая галовка схибнецца,
Въ той часъ твое гулянье минецца!

(Записалъ тотъ же.)

CCXXXVI.

(*Тамъ же.*)

Заковала зозюленька
Край бору летучи,
Заплакала сиротунька
На службоньку йдучи.
Чуе то самъ Богъ зъ неба,
Чаго сироцѣ треба:
Дае табѣ ручьки-нужки
И чорныя вочки.
—Роби, роби, сиротунько,
До цёмныя ночки.
—Я рабила наробила,
Сироценька работа
Никому не мила!
Становятця обѣдаци,
Шлюць мене по воду.
А Боже мой милюсенькiй!
Для такого роду!
Становятця вечераци,
Шлюць мене по пиво.
А Боже мой милюсенькiй!
Якое мнѣ дзиво!
Сказали варицъ вечеру
Сырыми дровами;
Упылилася, укурилася
Одна помежъ вами.

Въ чистомъ полѣ дубъ зялёный,
На іомъ листъ розвився,
Кого люблю—не возьму,
Не буду и женицца.

(Записалъ тотъ же.)

CCXXXVII.

(*Тамъ же.*)

Дожали жито ажъ до границы,
Не пожалуй, пане, вина шкляницы.
Дожали жито ажъ до отлогу,
Подзякуемъ да Пану Богу.
Не пожалуй, пане, сивого коня,
Шли по музыку ажъ до Кракова.
Не пожалуй пане сиваго жеребца,
Шли по музыку ажъ до Крулевца.
Ой у огродзи червоная рожа,
Нашего пана жона хороша.
Ой у огродзи червоны квятки,
Нашего пана пенкные дзятки.
Ой выйдзи нашъ панъ хоцъ на ганэчэкъ,
Ой выкупъ дай—злоты вянэчэкъ!
Намъ вянэчэкъ не по такому,
Кажна кветонька по золотому,
Звили вянэчка зъ щирого мирту,
Зъ щирого мирту, зъ щирого злота.
Ой ходзиць намъ панъ да по огродзѣ,

У іого боты, да злоты на нодзѣ.
Ой сидзиць намъ панъ да на ратуши,
Личиць червонцы у каполюши.
Дае кажному по червончику:
Своей дружинѣ по талярику,
Штобъ ради были своёму панови.

(Записалъ тотъ же.)

CCXXXVIII.

(*Тамъ же.*)

А, Боже мой да милюсенькій,
Никто правды не скаже:
Сама я не знаю,
Мнѣ людзѣ не скажуць,
Съ кімъ мене матка свяже.
Нехай вяже, да нехай вяже!
Да на свою недолю.
А якъ мнѣ придзе,
Да и зъ нимъ быци,
То я зъ мосту и въ воду.
—Ой, не тапися, моя донюшьку,
Бо ты душу загубишь.
—А щемъ бо я, моя матушка,
Да никого не любила;
Да кабъ я рочокъ, да кабъ я другій
Да дзѣвкою походзила.

Ой намочивши конопялюшку,
Да треба выцягаци;
Ожилвимся зъ великимъ недбайломъ,
Треба вѣкъ пропадаци.

(Записалъ тотъ же.)

CCXXXIX.

(*Тамъ же.*)

Ой ци я въ лужечку не калина!
Ци я въ своей матки не дзѣвчина!
Буду дожидацься дворянина.
По садочку хожу, походзаю,
Сонъ мене измаривъ—я заснула,
Пріѣхавъ дворянинъ—я не почула.
Калѣ мене ходзиць, походзае,
Мене маладую побудзае.
—Коли ты спишь, дзѣвчина,
Богъ съ тобою!
А коли ты не спишь,
Мандруй за мною.
Я молодый хлопецъ ницъ не боюся,
Я въ Минской губерніи выслужуся.
А приду до дому—оженюся,
Возьму сабѣ жонку Варшавочку,
Не перебиравши паненочку.

Якъ у саду вишня червоненька
Такъ моя жонка молодзенька;
Якъ у саду вишня подсыхае,
Въ той часъ моя жонка помирае.

(Записалъ тотъ же.)

CCXL.

(Тамъ же.)

А у лузі калина зъ вѣтромъ говорила:
Ой породзила да вдовенька солдацкого сына;
Ой породзила іона іого цёмненькеи ночи,
Не далажъ іому ни счастья, ни доли.
Ой одно дала—бѣло личенько и чорныя брови,
А чорныя брови съ чорными очами.
Сѣдай же жоунеръ да вечераци,
Уже смерть за плечами.
Скоро сѣвъ жоунеръ ѣсци,
Пришли съ полку вѣсци.
Кидай жоунеръ да вечераци,
Часъ на коня сѣсци.
Жоунеръ коня сѣдлае,
Матка ручки ломае,
А іого жена молодзюсенька
Землю пробивае.
Недай Боже смерци
У чужомъ краю умерци!

Нима кому да догледзѣци
Солдацкія смерци.
Оролъ прилетае,
Бѣло личенько обирае,
Косци покидае.

(Записалъ тотъ же.)

CCXLI.

(*Тамъ же*).

Каля быстрыя рѣчки
Шло два розбойнички,
Пыталися до села,
До Ганулина двора.
—Ой Гануль Гануленьку,
Ци въ дому Ясюленько?
А коли нѣтъ Яся въ дому,
То выйдзи хоць сама до насъ.
А не выйдзешь сама до насъ,
То вышли хоць слугу до насъ.
А Гануленька пымне,
За ворота не вышла;
Да кразъ тымъ ручку дала,
Разбойничками назвала.
—Гануль, Гануленьку,
Почему ты насъ знаешь,
Разбойничками называешь?

—Потому я васъ знаю,
Што Ясёвъ кунь подъ тобою,
А сѣдло подъ слугою,
Забили Ясюленька,
У дуброві на карени.
—Гануль, Гануленьку,
То неправда есць твоя,
Торговали мы коня
Въ Свислочи на риночку,
А личили дзенушки
Ни цесовомъ столичку.
—Ой не правда то есць ваша!
Забили Ясюленька
У дуброві на карени,
А личили грошики
На сосновой колодзѣ.

(Записалъ тотъ же.)

CCXLII.

(*Тамъ же.*)

Ой поѣхавъ Ясенько
На семъ лѣтъ по Волыни,
На восьму по Украинi,
Искавъ iонъ сабѣ панны,
Якъ сестра Гануленька.
Якъ прiѣхавъ до дому,

Вывинувся на коню.
—Ой Гануль, Ганулєньку,
Застилай сталы, лавы,
Ѣдзе гость небывалый!
Ой Гануль, Ганулєньку,
Да скажи хлѣбы печи
И скажи пиво варици,
Бо будземъ веселье робици.
—Ой, Ясюленьку браце,
Якъ свѣтъ свѣтомъ наставъ,
То братъ сестры не взявъ,
И ты мене не возмешь,
Бо не слава будзе.
(Тутъ замѣтенъ пропускъ.)
Дзѣ іона упала,
То тамъ церква стала;
Дзѣ ея упали ноги,
Тамъ поставили проги;
Дзѣ ея упала головка,
Тамъ олтари повстали;
Дзѣ ея ручки упали,
Тамъ протэсы стали;
Дзѣ ея очки упали,
Тамъ свѣчки гарѣли.

(Записалъ тотъ же.)

CCXLIII.

(*Тамъ же.*)

Цёмная ночка да невидная,
Головенька моя бѣдная!
Зъ кімъ я буду ночь ночеваци?
Зъ кімъ я буду да ії вечераци?
Въ чистомъ полѣ да долинушка,
Тамъ стояла да калинушка,
Ой подъ тою да калиною
Ой тамъ лежиць да казакъ забитъ,
На поврозѣ коня држиць.
Тамъ дзѣвчиина да походзала,
Казаченька да побудзала:
—Встань, казаче, мой милюсенькій,
Идзе войско да цёмнюсенькое;
Не такъ же іоно да цёмненькое,
Але бардзо своевольное,
Коня возмуць—то другій будзе,
Цябе забюць, то мнѣ жаль будзе.

(Записалъ тотъ же.)

CCXLIV.

(*Тамъ же.*)

Пошла дзѣвка на базаръ,
Куповаци голуба;
Дзѣвка голуба нясёць,
Голубъ скрыдлами трасецъ.

Принесла до дому,
Посадзила въ камору,
Посадзила въ камору,
Накармила пшеною,
Напоила сытною.
Голубъ того не схоцѣвъ,
Чрезъ окно вылецѣвъ.
Лецѣвъ голубъ у долину,
На червоную калину;
Голосненько заспѣвавъ,
Шинкарочки покликавъ:
—Шинкарочка ты моя,
А дзѣ твоя дочушка,
Што мюдъ вино точила,
Щиримъ злотомъ свѣцила?
—То не моя дочушка,
Служоная дзѣвушка,
Што мюдъ вино точила,
Щиримъ злотомъ свѣцила.
—Шинкарочка ты моя,
Ци порожня стодола,
Нашимъ конюмъ постояць,
А намъ млодымъ погуляць.
За сосновенькимъ столомъ,
Сѣдзиць маіоръ съ паперомъ,
Пише листы серебромъ.

(Записалъ тотъ же.)

CCXLV.

(*Тамъ же.*)

Подъ вишнею, подъ черешнею,
Да миленькій мой ляжиць.
Ой зажуривъ на головушку,
Што головка болиць.
—Ой болиць, болиць, да й поболивае,
Самъ я не знаю чого!
Полюбивъ я хорошу дзѣвчину,
Самъ не знаю для кого!
Коли доброму семянину,
Судзи, Боже, ее взяци!
Коли якому да просвѣтнику,
Не дай, Боже, зъ ночи встаци.
Ой выкопаю да креничку,
Да й у новомъ дворѣ;
Ци не придзе хороша дзѣвчина,
По водицу до мене?
Но зъ тэй крениченьки
Два голубы воду пьюць;
Но тую хорошу дзѣвчину
До шлюбеньку ведуць.
Ой одзинъ ведзе за бѣлую ручку,
Другою жаль взявъ,
А трецій стоиць, да рученьки ломиць:
Што любывъ, да не взявъ.
Ой бѣжиць край оконушка,
Дзень добрый дае.

—Ой, дзень добрый, мой Ясю надо мны,
Цяперъ вже я не твоя!

(Записалъ тотъ же.)

CCXLVI.

(*Тамъ же.*)

У городзи капуста,
На ей листъ зелены.
Ѣдзе Ясю, ѣдзе,
Подъ нимъ конь вороны!
Ѣдзе Ясю ѣдзе,
Подъ нимъ конь тапцуе!
Стоиць панна въ окнѣ,
Стонжечки [1]) шнюруе.
Тылько матка зобачила,
Ценжко [2]) цурку [3]) залаяла:
—Бодай твое кони
На скрюзь землю прошли!
Бодай цябе, цурько,
Зъ двору не вывезли!
Цурька бардзо за жаль мяла [4]),
Стоючи предъ коньми,
Зъ жалю обомлѣла:
—Моя матуленьку,
Хоць мене не лайце;
Што мнѣ записано,
То вшистко [5]) оддайце.
Сѣ ѣхали поле,

Ѣхали другое,
Пытается Кася Яся,
Ци далеко до двору?
—Штыри мили лясу
До мэго попасу [6]),
Пята миля поле,
Дзѣ фортуна моя.
—Альбо мене везьце,
Альбо зъ брички высадзце,
Альбо жъ мнѣ подушке [7]),
Подъ глувке [8]) подайце!
Подайце подушку,
Подайце пухову,
Ажъ моя головка
Не бардзо здорова.
Дайце мнѣ каламажъ [9]) и злото пюро,
Нехай я запишу вшистко свое.
Мое кони вороне Ясю зоставляю,
Мое пенендзы на убогихъ роздайце,
Мое сукни дроге матцѣ отсылайце.

(Записалъ тотъ же. [1]) манишка. [2]) тяжко, сильно. [3]) дочь. [4]) имѣла. [5]) все. [6]) пастбище. [7]) польская форма вин. пад. [8]) idem. [9]) чернильница.)

CCXLVII.

(*Тамъ же.*)

Сивый голубочекъ сидзиць на дубочку,
Кручиць головою, якъ вѣцеръ горою,
Якъ вѣцеръ горою, слонце долиною,
Слонце долиною, козакъ дзѣвчиною.
Козакъ приходзае, матули пытае:
—Матуленьку моя, дзѣжъ Ганула твоя?
—Пошла до садочку, щипаци цвѣточку.
Козакъ до садочку—нервано цвѣточку.
—Матуленьку моя, дзѣжъ Ганула твоя?
—Пошла до креницы, черпаци водзицы.
Козакъ до свѣтлицы—нѣтъ Ганули въ свѣтлицы.
—Матуленьку моя, дзѣжъ Ганула твоя?
—Пошла до комары, всеньки браци строи.
Козакъ до комори, нѣтъ Ганули въ комори,
Нѣтъ Ганули въ комори, не браны и строи [1]).
Казакъ приходзае, матули пытае:
—Матуленьку моя, дзѣжъ Ганула твоя?
—Пошла до свѣтлицы бѣлу ложу слаци.
Козакъ до свѣтлици—Ганула въ свѣтлицы,
Ганула въ свѣтлицы, бѣлу ложу сцеле.
—Ганула сирото, не стели широко,
Не стели широко, но стели узенько—
Присунься близенько: будземъ говорицъ,

Будземъ говорицъ, якъ свой вѣкъ пробыцъ,
Будземъ розмовляци, якъ свой вѣкъ коротаци.

(Записалъ тотъ же. [1]) уборъ, нарядъ.)

CCXLVIII.

(*Тамъ же.*)

Цёмная ночка, да невидная была,
Молодая дзѣвчина неразумна та была:
Іона полюбила, но старенького жолнера,
Іона іого пьяного да за рученьку взяла,
Повела іого да на бѣлую постель спаци,
А сама засѣла на всю ноченьку въ карты граци.
Іона думала, што спицъ миленькій, не чуе,
На ее милый да нагаюшку готуе.
—Не бій мене, милый, да у той бялюсенькій дзень,
Не смѣши, милый, да сосѣдзевъ людзей!
Набій мене, милый, да тэі цёмныя ночи.
Да й я переплачу бѣлу ложу сцелючи,
Да й я перетужу до своеи матки идучи.
Якая жъ моя да матуленька была,
На што іона мене за пьяницу отдала!

(Записалъ тотъ же.)

CCXLIX.

(*Тамъ же.*)

—На штожъ мене, матуленька, млоду отдала,
А щежъ бо я господарки [1]) не зрозумѣла;
Въ господарци треба робиць,
Нема часу пекне [2]) ходзиць.
Гадай, думай, моя матко, сама по сабѣ,
Котора жона да за менжемъ [3]) въ роскоши жіе?
Только въ бядзѣ и въ неволи
И зъ просонку глувка боли.
Цяперъ же я, матуленько, такъ, якъ не своя;
Я въ лаещи, матуленько, такъ, якъ не стое.
Заложеце сивы кони, куты [4]) колеса,
Ой я сяду, да поѣду до своёго палацу!
Заложеце што найпрендзвей [5]),
Не задайце жалю венцей матули моей!
Добре було, матуленько, слухаць музыки,
Якъ заграюць на дзень добрый якъ словіки [6]),
А цяперь слухаць не мило,
Не отдаваць мене было, матулю моя.

(Записалъ тотъ же. [1]) хозяйка. [2]) хорошо, красиво. [3]) за мужемъ. [4]) обтянутыя шиною. [5]) поскорѣе. [6]) соловьи.)

CCL.

(*Тамъ же.*)

Молодому молодчику да не спится,
Пуховая подушенька всю ёму снится.

—Позволь, позволь мнѣ, татуленьку, да й ожепицца!
—Оженися, сынку молойче, оженися!
Возми сабѣ вдовку за жонку молодую,
А за ею пастель бѣлую пуховую!
—А вдовенька, мой татуленьку, да пе дзѣвка:
Стеле постель тонку-мякую, всё плакае,
Іона свого першаго мужа на умѣ мае.
А дзѣвонька, мой татуленьку, стеле постельку
Тонку-мяку всё спѣвае,
Іона сваей русай косѣ примовляе,
Коса жъ моя, коса русая,
Съ кімъ я буду ночь ночеваци молодая!

(Записалъ тотъ же.)

CCLI.

(*Тамъ же.*)

Въ чистомъ полѣ буйный вѣцеръ вѣе;
Тамъ молойче пшениченьку сѣе;
Сѣе-сѣе отъ краю до краю,
Выбѣгае дзѣвчиненька зъ гаю.
—Помагай Богъ, молойче гультаю!
—Ци ты, дзѣвче, розуму не мѣла,
Што мене молойча гультаемъ назвала?
—Куплю дзѣвцѣ кватерку горѣлки,
Запробую, што за розумъ дзѣвка.
—Купи сабѣ хоць бы и другую,

Не подманешь мене молодую.
—Куплю дзѣвцѣ хоць шкляночку пива,
Запробую дзѣвоцкаго дзива.
—Купи сабѣ хоць бы и другую,
Не обманешь мене молодую.
—Куплю дзѣвцѣ хоць шкляночку меду,
Запробую дзѣвацкаго роду.
—Ведзи же мене подъ бѣлу берёзу,
Не подманешь мене—ни пяну, ни тверозу.

(Записалъ тотъ же. Эта пѣсня, кажется, довольно безцерем-
на, хотя и представляетъ борьбу слабой женщины проти
всѣхъ искушеній „гультая".)

CCLII.

(*Тамъ же.*)

Сидзѣла вдова на конецъ села—Гей намъ! гей!
Ой были у ей—да три дочушки—Гей намъ! гей!
Ой одна была, да й Марусенька—Гей намъ! гей!
А другая да Касюленька—Гей намъ! гей!
А трецяя была да Настазія.
А Марусенька хусты качала,
А Касюленька коня сѣдлала,
А Настазія на войёнку выѣжала.
Іона матки да й спрашивала:
—Справъ мнѣ, матко, всѣ солдацкія речи [1]):
Першая речь солдацкая—коня вороного,
А другая—сѣдло золотое,

А трецяя—шапочка на глувкѣ,
А чецвертая—шабелька до боку,
А пятая—сини шаравари.
Ее матулька да выправляла,
Выправляючи да научала.
—Не стой, доньку, да напередъ войска,
Бо напередъ войска начальники стояць,
Да стань, доньку, да середъ войска.
Іона матуньки не послухала,
Да стала напередъ войска;
А старшій начальникъ да узнавъ ее,
Подъ бѣлыя рученьки да узявъ ее,
Да вывевъ ее въ чистое поле,
Кликнувъ свого да ціомнаго войска,
Казавъ ее раздзѣць, якъ матка радзила.
Посадзили ее да на бѣломъ камени.
Казавъ своему войску да ружья набици,
Якъ зачели до ее да зъ ружья палици.
Коля ее кули да якъ бобъ бращаць,
Коля ее шабли якъ огонь горяць.
На лѣвое плечко головку схилила,
А у правой руцѣ пюро дзержала.
Гэто табѣ, Настазья, войскомъ керованье [2]),
А другое—отъ матки научатье [3]).

(Записалъ тотъ же. [1]) вещи. [2]) управленіе. [3]) наученіе.)

CCLIII.

(Тамъ же.)

Ой у кагора да злотэ пёро,
А у павоньки влосы.
Ой не заживець жадна [1]) невѣста
Да у всёсенькой роскоши.
Свекерко ходзиць по новыхъ сѣняхъ
Невѣсту обучае.
—Встань, невѣсто, встань, молодая!
Уже двое курей пѣло.
Невѣста встала да заплакала,
Рученьки заламала:
—Ахъ Боже мой да милюсенькій!
Чего жежъ я да дочекала [2])?
У матули была, якъ рожа [3]) цвѣла,
На всякой роскоши: курей не чула,
Зоревъ не знала, работа пороблена.
А якъ я пришла да до милого
На великое горе кури почула,
Зори познала, робота незроблена.

(Записалъ тотъ же. [1]) ни одна. [2]) дождала. [3]) роза.)

Печатаемыя ниже пѣсни—бѣлорусскія.

CCLIV.

(*Виленской г., Вилейскаго у., Германишской вол., д. Дровошевъ.*(

Ахъ ты палынъ палыночекъ,
Ахъ ты горкая трава;
Зачѣмъ цябе палыночекъ
У ровнымъ полі пима.
А якъже мнѣ полыночку,
У ровнымъ полі бывацъ,
Въ ровнымъ полі карчемушка
И салдацики стояцъ
Тамъ салдацики стояцъ обучаютца
Солдацики къ свойму горю пріучаютца.
Вотъ якъ бѣленькій цвяточекъ
Ѣдзецъ Бѣлый Русскій Царь
Нашъ бацюшка Государь.
—Здраствуй, здраствуй вамъ, рабята,
Здраствуй, дѣти мое,
Принимайце горишко,
Усё вы сами празъ сябѣ,
А якъ горе паймёце,
Тады дамовь пайдзёце.

(Записалъ ученикъ Молодечненской учительской семинаріи *Семенъ Зънька.* [1]) древняя форма *до домовъ.*)

CCLV.

(*Тамъ же.*)

Камарики камари
Нелятайця у вишнёвъ садъ
Не кусайця вы мяне
Ани личунька майго.
Мое лицо горачо,
Разгаритца балячо.
Но садочку ходзила,
Цвѣтъ калинку ламала,
И въ пучечки вязала,
На дарожку кидала,
И вяночакъ сувила,
Сама спаточки лягла.
Якъ соснила першы сонъ,
Стоиць милы преда мной,
Ни жанаты, холостой,
Держиць гусли подъ полой,
Ни падъ правой, падъ лявой.
Ахъ вы гуслики мое,
Разыграйцися вы мнѣ:
Якъ у Царя на дварѣ
Стоиць церковь новая,
Тамъ Маруся маладая,
Зваявала бурлака,
Безъ меча, безъ ружья.

(Записалъ тотъ же.)

CCLVI.

(*Тамъ же.*)

Цисовая рыдзялька збудавлена,
На вясёлымъ мѣйсцечку поставлена,
Радуйся сердечко бацюхново,
Радзячи [1]) вяселье [2]) (имя жениха).
Пакуль я гэту радачку перераджу,
Я сваю нуду [3]) трачу,
Празъ гэту рыдзяльку цисовую,
Празъ гэту сямейку вясёлую.

(Записалъ тотъ же. [1]) совѣтуя, заботясь. [2]) сватьба. [3]) тоска.)

CCLVII.

(*Тамъ же.*)

При дарозѣ якъ клёнъ
Бярова стаяла,
На той бярозѣ,
Шѣрая [1]) зязюля куковала.
Тудою [2]) ѣхавъ
Малады (имя) пячючи,
Ды, [3]) зачувъ тую
Зязюлючку кукуючи:
—Перестань, перестань,
Шѣрая зязюля куковаць,

Лѣпѣй умѣя моя (имя) вышивацъ,
Цёмнинькаи ночи,
При яснай свячи сѣдзячи,
Тонку бѣленьку
Кашулицу [4]) шіючи.
Кабъ я гэту кашулицу пошила,
У нядзѣльку рапа,
У дарожечку уложила,
Кабъ свойму свякратку [5]) угодзила.
Да зачувъ тое
Молоды (имя) у камори:
—Угодзишь, моя (имя), угодзишь,
По его подворьи подходзишь,
Звонкія ключи поносишь,
Ты маладзенькая ему угодзишь.

(Эта пѣсня сбита. Записалъ тотъ же. [1]) сѣрая. [2]) туда. [3]) уда. [4]) рубашка. [5]) свекоръ.)

CCLVIII.

(*Тамъ же.*)

Кацилася калясо та-ра-ра,
Просилася (имя) у свой край,
Вязи мяне (имя) тамъ гдзѣ узёвъ,
Кабъ мой вяночекъ тутъ не звявъ,
Чи звяня [1]), моя (имя), ни звяня,

Ни звяня покуль моя матачка ни гляня,
Якъ мая маточка поглядзиць,
Яна твой вяночакъ позлациць.

(Записалъ тотъ же. [1]) увянетъ.)

CCLIX.

(*Тамъ же.*)

Ляци паляци,
Ясный сауколе, поле,
Идзи паглядзи
Своей чирачки [1]) у гняздечку.
У твоей чирачки,
Трусовыя перичка,
У цябѣ, саколе,
Ясныя перьейка,
Паѣдзь, молоды (имя),
Къ цясцю [2]) на дворъ,
Идзи поглядзи
Своей (имя) у вяночку,
Усё на русой косѣ вяночокъ,
У цябе на правой рутцѣ пярсцёночакъ.

(Записалъ тотъ же. [1]) собственно: дикая утка, но здѣсь—въ смыслѣ ласки, т. е. уточка. [2]) тесть.)

CCLX.

(*Тамъ же.*)

Ахъ ты (имя) ты молодзенькій,
Пышный папъ,
О не би [1]) своей (имя),
Якъ будзешь пьянъ,
Яна будзя молода,
У караватца [2]) лежаць,
А ты малоды надъ ней ручки ломаць.

(Записалъ тотъ же. [1]) бей. [2]) въ кровати.)

CCLXI.

(*Тамъ же.*)

Сядзиць (имя) у конецъ стола вино пье,
Ниподалека яго, нявѣста—мядочакъ.
Ой ближай, моя нявѣста, да мяне,
Припало маё сярдечко до цябе.
Люби мяне нявѣста, я цябе.

(Записалъ тотъ же.)

CCLXII.

(*Тамъ же.*)

Ѣхавъ (имя) край бору,
Завалила калинка дарогу,
Ставъ калинку сѣчь рубаць,
Стала калинка правду казаць:
—Мяне калинку садъ садзивъ,
Табѣ панну Богъ судзивъ,
Мяне калинку дощь паливавъ,
Табѣ панну Богъ гадовавъ [1]).

(Записалъ тотъ же. [1]) воспиталъ, вскормилъ.)

CCLXIII.

(*Тамъ же.*)

Шѣрая зязюлячка,
Да уже твое минаитца:
Ранняя кукованьяйка,
Позная летаньяйка.
Хоць будзешь кукаваць,
(Здѣсь замѣтенъ пропускъ.)
Молодая (имя), усё твоё минаетца:
Матчино гадаваньейко [1]),
Дзявоцкое красованьейко.
Хоць будзешь красаватца,

Ни у паненскимъ станочку [2]),
А у руцвянымъ [3]) вяночку.

(Записалъ тотъ же. [1]) матушкино воспитаніе. [2]) въ дѣвичьемъ положеніи, въ дѣвицахъ. [3]) рутвяный, руто.)

CCLXIV.

(*Тамъ же.*)

Ѣхала (имя) до вѣнца,
Сыпалося золото зъ руковца,
Ишла за ей маточка,
Стала золото сбираци,
Дробныя слёзы разливаци.
Ты майго золота не збярешъ,
Дробныя слезы разальешъ.

(Записалъ тотъ же.)

CCLXV.

(*Тамъ же.*)

Хиляйся, калинка, хиляйся,
Кланяйся, (имя) кланяйся,
Старога, малога не минай,
У Бога долячки добывай.

За тое зганена [1]) ня будзешь,
У Бога долячки добудзишь,
Старому, малому па двойчи,
Свойму бацюшку хоць трейчи.

(Записалъ тотъ же. [1]) злословлена.)

CCLXVI.

(*Тамъ же.*)

Братъ сястру на посадъ вядзе,
Сястра брату до ногъ падзе.
—Чімъ я братка докучила:
Ци русаю касой,
Ци сваей красатой.
—Ты мнѣ не докучила
Ни русай касой,
Ни сваей красатой,
—Частыми госциками,
Што субботы ѣздячи,
Цябѣ молодой пытаючи [1]).

(Записалъ тотъ же. [1]) спрашиваючи.)

CCLXVII.

(*Тамъ же.*)

Паѣхала (имя) до вѣнца,
Забыла хусточки, грабянца.
Яна свойго брацейки прасила,
Вярнися, брацейка, вярнися,
По тую хусточку и грабянецъ,
Часаць косачку падъ вянецъ.

(Записалъ тотъ же.)

CCLXVIII.

(*Тамъ же.*)

—Чаго (имя) къ столику прилягаешъ,
Ци ты лихую свякровь чуишъ?
—Ци лихая не лихая,
Ня будзя такъ якъ матка,
Ня будзя якъ радная.

(Записалъ тотъ же.)

CCLXIX.

(*Тамъ же.*)

У нядзѣльку раненко
Совненько купалося,

(имя) воду брала,
Совненько ратовало,
Ратуючи сама упала,
Клича поклича маточку:
—Матачка мая радная,
Да ратуй мяне съ моря,
Да съ великаго горя.
—(имя) моя дочушка,
Я цябе не уратую.
Нихай цябе Богъ ратуя,
Ня сама туды увайшла,
Цябе долечка унесла.

(Записалъ тотъ же.)

CCLXX.

(*Тамъ же.*)

Молодый Романъ
У дорожачку прибрався,
Сѣвъ сабѣ вина напився,
За тымъ у дорожачку спознився.
Чуйце, кони падъ нами,
Намъ ѣхаць чатыри мили борами,
А пятую жалѣзными мостами,
Сёмую вышнёвыми садами,
Какъ мы (имя) на пасадзѣ [1]) застали,

Мы ей русаю косу часали,
Болѣй жалю задали.

(Записалъ тотъ же. [1]) покутье.)

CCLXXI.

(*Тамъ же.*)

Стоиць маточка у конець столика,
Всѣ паненки вясяленьки,
Адно моё дзицятко хмурное,
На яю луна [1]) напала съ маковаго цвѣту,
Съ макаваго цвѣту, будзя ей до вѣку.

(Записалъ тотъ же. [1]) тоска, болѣзнь.)

CCLXXII.

(*Тамъ же.*)

Штожъ тамъ за пташачка,
Чорная якъ галочка,
Усё поля злятала,
Крыльцомъ [1]) ни махнула,
Перца [2]) ни зронила,

Штожъ тамъ за дзѣвица,
Пасадъ парасѣдзила,
Слёзки ни зранила,
Маточки ни разжалила.

(Записалъ тотъ же. [1]) крыло. [2]) перо.)

CCLXXIII.

(*Тамъ же.*)

Ляцѣли гусочки циразъ садъ:
—Часъ [1]) табѣ (имя) на пасадъ.
—Што вамъ, гусочки, да таго,
Іёсць у мяня маточка для таго,
Яна мяне на пасадъ пасадзиць,
Яна мнѣ радочку парадзиць.
Парадзиць радочку я рада,
Выправиць да шлюбу паѣду.

(Записалъ тотъ же.) [1]) пора, время.)

CCLXXIV.

(*Тамъ же.*)

Ляцѣвъ виноградъ циразъ садъ,
Разсыпавъ перьейка на увесь садъ,

Молода (имя) хадзила,
Яна своихъ дзѣвачакъ прасила!
—Дзѣвачки мае, сястрыцы,
Вы гэта перьейка сбяриця,
Ды мнѣ вяночакъ звиця [1]),
Хоць ня руцвяны—парловы [2]),
Кабъ бывъ до шлюбу гатовы.

(Записалъ тотъ же.) [1]) свейте. [2]) перловый, украшенный жемчугомъ.)

CCLXXV.

(*Тамъ же.*)

Зялёная руточка, жевты цвѣтъ,
Пыталася (имя), ци вже свѣтъ,
Чаму майго (имя жениха) позна нѣтъ,
Писала бъ лысты—ня умѣю,
Послала бъ пословъ—ня смѣю,
Пашла бъ сама—баюся,
У вяликую дарожку спазнюся.
На той дарогѣ старожа,
Тая мяне старожа поймая,
Па русой косѣ повная,
Съ молодымъ звянчая.

(Записалъ тотъ же)

CCLXXVI.

(Тамъ же.)

Шолкавая ниточка,
Къ сцянѣ бье (имя),
Твоя (имя) давно жде,
Были всѣ ксянжата, панята,
Яна малада усими ими сгордзила,
Цябе (имя) полюбила,
Па твоимъ конику варанымъ,
Па твоимъ личуньку руманымъ,
Па тваимъ вочку соколимъ.

(Записалъ тотъ же.)

CCLXXVII.

(Тамъ же.)

Пашовъ (имя) въ калиновый логъ,
Наламивъ калинки колька могъ,
Положивъ (имя) на припокъ,
Стала калинка буяци:
—Досиць [1]) табѣ (имя) гуляци,
Пора на вазокъ сядаци,
Ни на одну годзинку—на увесь вѣкъ,
Ни на цябе одну—на увесь свѣтъ.

(Записалъ тотъ же. [1]) довольно.)

CCLXXVIII.

(*Тамъ же.*)

Ходзила (имя) на падворьейку,
Просила своей маточки,
Не позни насъ позниньки,
Выправляй насъ раненька.
Тамъ же насъ попы ждали,
Церквы поодмыкали,
Каберцы [1]) позосцилали.
Тамъ намъ руки свяжуць,
Вѣрная слова скажуць,
Съ чужою чужаницаю,
Съ вѣчною маладзицаю.

(Записалъ тотъ же. [1]) ковры.)

CCLXXIX.

(*Тамъ же.*)

Гдзѣ бывъ салавейка,
Дзѣ была зязюлька,
Зляцѣлися яны въ адзинъ садочакъ,
Въ одзинъ кусточакъ.
Ѣли калинки съ одной голинки [1]),
Пили вадзицу съ одной криницы.
Дзѣ бывъ (имя жениха),
Дзѣ была (имя невѣсты)?

Зъѣхалися яны на одно подворье,
За одно подворье, за одно застолье,
Ѣли разынки [2]) съ одного повмиска [3]),
Съ одного повмиска одной ложачкай,
Пили мёдъ, вино, съ одного килишка [4]).

(Записалъ тотъ же. [1]) вѣточка. [2]) вмѣстѣ, за одинъ разъ. [3]) посуда, миска. [4]) рюмка, чарка.)

CCLXXX.

(*Тамъ же.*)

Па чимѣ познаць
Салавейку въ лузя:
Онъ самъ маленьки
Голосокъ таненьки.
По чемъ познаць,
Што вянчаци вязуць,
Па плечахъ коски,
Па лицу слёзки,
Па плечахъ коски,
Якъ лёнъ бяленьки,
Па лицу слёзки,
Якъ бобъ буйненьки,
Па плечахъ коски расцилаютца,
Па лицу слёзки разливаютца.

(Записалъ тотъ же.)

CCLXXXI.

(*Тамъ же.*)

У садочку на вишанцѣ,
Салавейка щабеча,
У комори на креслечку,
Дзѣвачка коску чеша.
Чешучи коску говорила:
—Я свойму бацьку ня мила,
Милѣй бацьку чарка горѣлки,
Якъ я маладзенька.
Чарку горѣлки попиваць будзя,
Некого песлаць будзя
У сырый боръ, у крыницу,
Па сцюдзёную вадзицу.

(Записалъ тотъ же.)

CCLXXXII.

(*Тамъ же.*)

Загарѣлася калинка,
Въ цёмнымъ лузѣ стоячи,
Гасивъ вѣтрикъ не угасивъ,
Па поли искарки разнасивъ.
Ни гари, калинка, ни гари,
Болѣй гасиць ня буду,

Угасиць цябе дробный дощь,
Спадъ цёмнай тучи идучи,
Цябе калину гасячи.
Заплакала дзѣвачка,
У бацки за сталомъ сѣдячи,
Унимавъ бацюшка да ни унёвъ,
Болѣй жалосци ей задавъ.
Ни плачь, дзѣвачка, ни плачь,
Болѣй цябе унимаци ня буду,
Унимя цябе чужина,
Уся малайцова родзина:
Зъ лѣваго боку татаринъ,
Съ праваго боку татарка,
Зъ лѣваго боку малойчикъ,
Съ праваго боку свацица,
Малайцова сястрица.

(Записалъ тотъ же.)

CCLXXXIII.

(*Тамъ же.*)

Гула пчолка гула,
Па бору лятаючи,
Мядочакъ сбираючи,
Плакала удовунька,
Рана па воду идучи,
Горки обѣдъ готуючи.

Да обѣдзе мой горкій,
Безъ цябе, мой миленькій,
Нима кому рана устаци,
Чалядушку пабудзиць.

(Записалъ тотъ же.)

CCLXXXIV.

(*Тамъ же.*)

Кукавала зязюлька у садочку,
Прилаживши галовку къ листочку,
Кукуе, кукуе ды [1]) кукне:
—Хто маё гняздечко разавье,
Хто мае дзѣтачки пабяре?
Аказався салавей у лузѣ:
—Я табѣ, зязюля, въ послузя,
Я гняздечка разовью,
Твае дзѣтки пабяру.
Плакала дзѣвачка у святлицы,
Прилаживши головку къ зямлицы:
—Хто маю коску расплящe,
Хто мяне да шлюбу прибяре?
Аказався братка у камори:
—Ни плачь, сяестрица, ни плачь,
Я тваю коску распляту,
Я цябе да шлюбу выправлю.

(Записалъ тотъ же. [1]) да.)

CCLXXXV.

(*Тамъ же.*)

Што дзень перадъ Богамъ,
(имя) маточка,
Яна у Бога проситца:
Боже! Боже!
Пусци мяне зъ неба даловь [1]):
Дробнымъ дождчемъ,
У поли мыглицою [2]),
У травѣ расицаю.
Поглядзецы, дзицяци,
Ци харашо прибрана,
Ци высоко посадзана.
Прибрана якъ панёта,
Посадзана якъ сирота,
Процивъ кутняго оконца,
Процивъ яснаго сонца.

(Записалъ тотъ же. [1]) древняя форма: доловь, долой. мглица, туманъ.)

CCLXXXVI.

(*Тамъ же.*)

Молодая (имя)
Сѣла сабѣ за столикамъ,
Папускала коски,
Параняла слёзки,
Задавала жалосци
Своей родной маточци:

—Матачка мая радная,
Сягодня мяне даешь,
Завтра успамянешь,
Увойдзишь у рыдзельку,
Рыдзялька ня мѣцяна,
Сямейка ня вясёла.

(Записалъ тотъ же.)

CCLXXXVII.

(*Тамъ же.*)

У цёмнымъ лѣсѣ на верасѣ [1]),
Тамъ пчолка мядокъ брала,
Пчёлкамъ слала.
У камори на креслечку,
Тамъ дзѣвачка дари кроицъ,
Дари кроицъ, племья дарицъ.
Добра дзѣвачка—дари добріе,
Тонкіе бѣленькіе—тонко прала,
Густо ткала, бѣло бялила,
Бѣло бѣлила, племья дарила.

(Записалъ тотъ же. [1]) на вересѣ.)

CCLXXXVIII.

(*Тамъ же.*)

Вы, свацицы голубицы,
Прошу васъ,
Кабъ ня была наша,
(имя) зганена у васъ,
Кабъ ни стаяла,
Цёмнай ночачки падъ акномъ,
Кабъ ня уцирала
Дробныхъ слёзакъ рукавомъ,
Кабъ ня была павѣточка [1]) за хату,
Кабъ ня была сусѣдачка за матку.

(Записалъ тотъ же. [1]) подпавѣтка—навѣсъ.)

CLXXXIX.

(*Тамъ же.*)

Хто тамъ ходзиць,
Па цёмнымъ лѣсѣ гукая,
Молодая дзѣвачка,
Своей матачки шукая:
—Выдзи, выдзи, мая матачка, да мяне,
Нима у мяне нарадачку [1]) безъ цябе.
Я выду, маё дзицятка, ни могу,
Балиць мая галовачка ня узниму,
Зрабили добріе людзи добрій домъ,
Бязъ сѣначакъ, бязъ аконочакъ,

Бязъ сонца.
Ни скажу табѣ мае дзицятка,
Ни словца.

(Записалъ тотъ же. [1]) древнее слово: *нарядъ*—порядокъ, совѣтъ.)

CCXC.

(*Тамъ же.*)

Разумная пташачка жаваронačакъ,
У гору лятучи, крильяйками махая,
Съ гары лятучи, пѣсяньки спявая.
Разумная дзиця (имя) учера зъ вечера,
Русыя кудзярки часавъ,
Съ повначи варанога каня сядлавъ,
Сягонья [1]) рана на поляванья паѣхавъ,
Забивъ іонъ куночку-бобрика,
Привезъ іонъ къ цясцёчку падарку [2]),
За свою маладую каханку.

(Записалъ тотъ же. [1]) сегодня. [2]) къ тестю подарокъ.)

CCXCI.

(*Тамъ же.*)

Ходзиць дѣвачка па новыхъ сѣняхъ па низу,
За ей малойчикъ говарачи па-близу:

—Пастой, дзѣвачка ты, молодая, ты мая.
Она стала, отказала: «я ни твая».
—Ты, малойчикъ, ты маладзеньки,
Пышный папъ, шукай сабѣ
Такой паненки якъ ты самъ.
—Я пяраѣхавъ чатыри боры, пятую весь,
Ни нашовъ такой паненки, якъ ты ёсць.

(Записалъ тотъ же.)

CCXCII.

(*Тамъ же.*)

—Чаму, зязюля, ня кукавала,
Якъ сады зацвітали?
—Я думала, разумѣла,
Што сняги пападали.
—Чаму, дзѣвачка, ни плакала,
Якъ цябе заручали?
—Я думала маладзенькая,
Што во мною жартавали [1]),
Тыя жарты [2]) пришли да правды,
Павязали ды звянчали.

(Записалъ тотъ же. [1]) шутили. [2]) шутки.)

CCXCIII.

(*Тамъ же.*)

Разсыпайцися горы,
Разлятайцися ущёсы,
Дзѣвачка къ вянцу ѣдзя,
Яё доля спатыкая [1]).
Она съ доляй размовляя:
—Доля мая доля, кали ты добрая,
Садзися са мной на возъ,
Доля мая доля, кали ты якая,
Плыви сабѣ зъ водою,
Ни са мной маладою.

(Записалъ тотъ же. [1]) встрѣчаетъ.)

CCXCIV.

(*Тамъ же*).

Дымна [1]) у поли дымна,
Зачімъ яно дымна:
Малойчикъ ваюитца,
На имъ бацька турбуитца [1]).
—Ня журбуйся, мой бацюшка,
Я ни адзинъ ваюю,
Самъ Богъ нада мною,
Вараны конь пада мною,
Дзявица перада мною.

(Записалъ тотъ же. [1]) дымно. [2]) груститъ, печалится

CCXCV.

(*Тамъ же.*)

Зялёная руточка, жовты цвѣтъ,
Пыталася (имя) ци уже свѣтъ,
Чаму майго (имя) ящё нѣтъ:
Ци я яму хустачки ни дала,
Ци я яму вяночка ня звила.
Енъ маю хустачку сцёръ да змёвъ,
Падъ коника падаславъ,
Мой вяночакъ разарвавъ,
Усимъ дзѣвачкамъ падававъ.

(Записали тѣ же.)

Печатаемыя ниже пять сватебныхъ пѣсенъ взяты изъ Минскихъ губернскихъ вѣдомостей.

CCXCVI.

(*Минской г., Пинскаго у.,*)

Пыталася [1]) Ганночка
Старшое свашки:
—Эй свашко, пташко,
Куды мы поѣдземъ?
—Поѣдземъ, Ганночко,
Мимо гай зелены,

Мимо садъ вишневы.
Мимо гаи[2]) ѣхаты—
То калину ламати,
Мимо садъ ѣхати—
То вишни щипати.
Садъ паламили,
Голубы погонили,
Залатого кубочка
Коньми разбили.
Маладая Ганночка,
Кали будешь наша,
То мы садъ посадзимъ,
Голубы принадзимъ [3]),
Золотого кубочка
Мэдью наладзимъ.

([1]) спрашивала. [2]) роща. [3]) заманить.)

CCXCVII.

(*Тамъ же.*)

Сіры, білы саколику,
Сядзи, падзи на столику!
Да занеси повістоньку,
Що сынъ вэзе нявістоньку!
Симъ вузъ она добра вэзе,
А на осьмомъ сама ѣдзе—
И ручая [1]), робочая
И до діла охочая [2]).

([1]) ловкая за работой. [2]) трудолюбивая.)

CCXCVIII.

(*Тамъ же.*)

Запали, матко, свэчку,
Да погляди по за пэчку,
Ти [1]) хороше у хати
Безъ твого дитяти?
Лавы [2]) твои не мытыя,
Горшки не накрытые,
Ложки пудъ лавкою
Обросли муравкою [3]).

([1]) вмѣсто чи. [2]) скамьи. [3]) травою.)

CCXCIX.

(*Тамъ же.*)

Да литіла зоузулька, да по сяножати;
Пытала соловэйка, гдзѣ гнѣздо класти?
—Клади соби, зоузулька, гдзѣ літось [1]) клала
Буде табѣ, зоузулька, отъ пташокъ слава!
Пыталася Ганночка молодого Януська:
—Якъ же мнѣ, Янусько, твою матку звати?
—Зови сабѣ, Ганночка, якъ свою звала—
Будзе табѣ одъ людей ліпшая слава!

([1]) прошлымъ лѣтомъ.)

CCC.

(*Тамъ же.*)

Ой у ліску у ліску, да вэреску,
Раномъ, раномъ!
Тамъ староста да коня пасе,
Раномъ, раномъ!
А свашечка да абѣдъ несе,
Раномъ, раномъ!
Постуй, свашко, почасуй [1]) трошка,
Раномъ, раномъ!
Скажу табѣ диво дiуненькэе,
Раномъ, раномъ!
Эй на святое Рождво, да ружа зацвяла,
Раномъ, раномъ!
—Яжъ тамъ була и вэнокъ вила,
Раномъ, раномъ!
Эй на святого Пэтра да Дунай замэрзъ
Раномъ, раномъ!
Яжъ тамъ бувау, топоромъ рубау,
Раномъ, раномъ!

([1]) повремени.)

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ.

(*Гродненской г., Кобринскаго у.*)

1. Богово дорого, чортово дёшево.
2. Онъ за чужою свічкою Богу молився.
3. Усё Божее, а наше гріхи.
4. Дай то, Боже, щобъ було гоже [1]).
5. Якъ хутко [2]) кошиль [3]) ставъ беремьемъ. [4])
6. Нэ радъ мужикъ що бьють іого, а то ще ногамы перэбэрае.
7. Коваль согріщивъ, а слюсаря вішають.
8. Ны самъ, ны гамъ [5]), ны тобі ны дамъ.
9. Не такій то крухъ [6]), щобъ выпуствивъ зъ рукъ.
10. Соломянымъ [7]) воломъ ны ораты, сінянымъ [8]) конёмъ ны іздыты.
11. Колы ны наівся, то и нэ налыжешься.
12. Якъ зробышь *якъ*, то и будэ такъ.
13. Онъ на пацирі [9]) гадокъ [10]), але ны відае якъ начинается.

(Записалъ *Иванъ Котовичъ*. [1]) хорошо. [2]) скоро. [3]) котомка, кошель. [4]) бремя, тяжесть. [5]) междометіе. [6]) глыба, комъ. [7]) котораго только соломой кормятъ. [8]) котораго кормятъ однимъ только сѣномъ. [9]) краткая молитва, Отче нашъ [10]) смышленъ, догадливъ.)

(*Виленской г., Дисненскаго у., с. Чересъ.*)

14. Не рушь [1]) ничога, ня бойся никога.
15. Гора съ гарой не сойдится, а чалавѣкъ съ чалавѣкомъ сойдится.
16. Зъ дуракомъ звяжися, самъ дуракомъ останешся.

17. Ня бойся таго собаки, каторый брешиць.

18. Богъ не Гришко, паставиць высоко и нисько.

19. Вовкъ сабаки не баится, а только звяги [2]) ня любиць.

20. Такъ нада жиць якъ бяжиць.

21. Якое дзерево, такій и клипъ, якій бацька, такій и сынъ.

22. Ня имѣй сто рублёвъ, а имѣй сто друговъ.

23. Узявшися за гужъ, ни кажи што ня дужъ.

24. На каго Богъ, па того и людзи.

25. Ни скачи пиразъ [3]) яму, пиць захочется.

26. Кинь папирадъ, пазадзи найдзишь.

27. Шануй [4]) копя дома, а ёнъ цябе у дарозѣ.

28. У Май капю сѣна дай и самъ на печь удзирай.

29. Не судзися съ багатымъ, а судзися съ справедливымъ.

30. Пошли дурнова, а за имъ другова.

31. Видзивъ Богъ, што ни давъ свиньи рогъ.

32. Кали будзишь горкимъ—прыплюнуть [5]), а кали салодкимъ—прыглынуть [6]).

33. Якъ авкнитца, такъ и откликнетца.

34. Умѣвъ принимаць доброе, умѣй принимаць и худое.

35. Якія мы самы, такія и наши сани.

(Записали ученики Молодечненской учительской семинаріи *Григорій Авсюкъ и Антонъ Ликотка.* [1]) не трогай. [2]) май, вяканье. [3]) черезъ. [4]) уважаю, заботься. [5]) выплюнуть. [6]) проглотять.)

(Гродненской г., Брестскаго у., Каменецъ-Литовской волости, д. Голоборка.)

36. До пори збанъ воду посытъ, а якъ ухо одорветца, то лихо [1]) складецца.

37. Пожды, цѣлитъ коса на камень.
38. Языкъ до Кіева завыдэ.
39. Коли кусый [2]) огледився, якъ хвюстъ угорѣвся.
40. Не вважай [3]) на врожай [4]), сій жито, хлібъ будэ.

(Записалъ ученикъ Молодечненской учительской семинаріи *Михаило Мушицъ*. [1]) зло. [2]) не смотри. [3]) куцый, безхвостый. [4]) урожай.)

(*Гродненской г., Брестскаго у.*)

41. Батько за порогъ, а дѣти за пирогъ.
42. Дэ чуе, тамъ и ночуе.
43. Коли хочешь пропасты, начны красты.
44. Косю [1]),косю,до оброку [2],а якъ поймэ [3]) та й кісмъ по боку.
45. Круты нэ вэрты, а прыдютца умерты.
46. Надъ сыротою, Богъ съ калитою [4]).
47. На вовка помовка [5]), а лісъ [6]) кобылу стысъ [7]).
48. Откладъ нэ йдэ въ ладъ.
49. Пошли дурного, а за имъ другого.
50. Сь розумнымъ поговоры, то розому набэрешся, а съ дурнымъ, то й свой сгубышь.
51. Хто на прямки ходитъ, то й до дому нэ приходытъ.

(Записалъ ученикъ Молодечненской учительской семинаріи *Емельянъ Яковшицъ*. [1]) ласкат. ф. [2]) кормъ. [3]) поймастъ. [4]) мѣшокъ. [5]) поговорка. [6]) лѣсъ. [7]) стискалъ, задавилъ.)

(*Гродненской г., Пружанскаго у., м. Сельца.*)

52. Бэзъ Бога, аны до порога.
53. Нэ смѣйса, батьку, зъ моёго принадку [1]): мнѣ сёгоння [2]); а тобѣ узавтра.

54. Надъ сиротою Богъ зъ калитою.

55. Своя сэрмяжка, никому нэ тяжка.

56. На вовка только помовка.

57. На похилэ [3]) дэрево и козы скачутъ.

58. Покорнэ дитятко двѣ матки ссэ, а нэпокорнэ ни годное [4]) нэ ссэ.

59. Гдэ много нянёкъ, тамъ дитя бэзъ носэ.

60. Крути, нэ вэрти, а трэба умерти.

61. Не чэпай [5]) Жида, нэ марай вида.

62. Правдою увэсь свѣтъ обыдэшь и назадъ вэрнэсса, а нэправдою зайти—зайдэшь, но назадъ нэ вернэсса.

63. Слово дорожше золота.

64. За одного битого даютъ дэсэть нэбитыхъ, а ёхъ и такъ нэ бэрутъ.

65. Пошли дурного, а за нимъ другого.

66. Одна паршивая овэчка все стадо заразитъ.

67. Батько за порогъ, а сынъ за пирогъ.

68. Свой своёму тыцъ огневу.

69. Нэ хвались, а Богу молись.

70. За очами [6]) пироги зъ блинами, а якъ мы пришлы, то и куска хлѣба нэ пашлы.

71. Зъѣжъ и вола, то будэ одна хвала.

72. Давъ Богъ тэля [7]), да нэма хлѣва.

73. Нэ плыви противъ воды, бо утописса.

74. Глухи нэ дочуется, то домыслится.

75. Конъ па чотырохъ ногахъ, да спотыкается.

76. Чоловѣкъ нэ пэнь, нэ будутъ бити увэсь дэнь.

77. Душу трэси, якъ грушу.

78. Дѣда пусти подъ лавку, то-вонъ схоче и на лавку.

79. Дѣду, горить сэло—нэхай горить, я у другое пойду.
80. Дитя нэ плаче, мати нэ чуе.
81. Кто хоче пропасти, нэхай научится красти.
82. Нэ шукай [8]) бэды, бэда сама найдэ.
83. Нэ давай рукамъ воли, бо воля уведэ въ нэволю.
84. До чого быкъ звыкъ, то и у ноче рыкае.
85. Нэ пытай у старого, а пытай у бывалого.
86. Нэма коли мати, коли рыба приперла въ гати.
87. Лѣнь, отчини двэри! Подай кочергу то я съ пэчи отчиню.
88. Научатъ люди якъ застэгати груди.
89. Нэ за то бито, що ходило въ жито, но за то що у дома нэ начовало.
90. Нэ плюй у море, бо може придэтся напитися.
91. Бачили [9]) очи що купляли, ѣжтэ хочъ повылазьтэ.

(Записалъ ученикъ Молодечненской учительской семинаріи *Николай Василевичъ.* [1]) случай, приключеніе, несчастіе. [2]) сегодня. [3]) кривое, покривившееся. [4]) одное, съ придых. [5]) не цѣпай, не трогай. [6]) за глаза. [7]) теленокъ. [8]) не ищи. [9]) видѣли, смотрѣли.)

(*Виленской г., Вилейскаго у., Германишкой вол., дер. Дровошевъ.*)

92. Ни уважай на уражай а жито сѣй.
93. Кали не пяраскочивъ ни кажи гоцъ [1]).
94. Ня плюй у воду, трапитца [2]) напитца.
95. Кинь за сабой найдзишь перадъ сабой.
96. Пашануй [3]) одзежку дома, яна цябе у людзяхъ.
97. Коли да цябѣ ня пьюць, то ты ни дзякуй [4]).
98. Прочь убирайся, хлѣба старайся.

99. Злодзяй злодзяя съдалёкъ пазная.
100. На злодзяю шапка горыць.
101. Якъ кавкнишь такъ и адазветца.
102. Опёкся на парапымъ малацѣ и на ваду студзиць.
103. Горько и солано ѣшь на томъ свѣцѣ ня згніешь.
104. Кали узёвся за гужъ ни кажи што ня дужъ.
105. Людзей слухай и свой розумъ май [5]).
106. Хлѣбъ соль ѣшъ и праўду рѣжъ.
107. Правда вочи коля.
108. На баршни усё брашн [6]).
109. Свая матка быючи ни забье, а чужая гладзячи загладзиць.
110. Богъ сыроты любиць, але доли ни дае.
111. Да пари [7]) збанъ воду посиць, а якъ ручка адарветца и збанъ разабьетца.
112. Да Святога Духа пя скидай кажуха, а по Святомъ Духу у тымъ самымъ кажуху.
113. Хоцъ сонца грѣя, але душа млѣя.
114. Гдзѣ коратко тамъ и рветца.
115. Ня куетца, да плещитца.
116. Сабака касматы яму цепла, чалавѣкъ багаты ему добра.
117. Видзявъ Богъ што ни давъ свини рогъ, а то бы увесь свѣтъ пяравярнулабъ.
118. Адъ неба адарвався зямли ни даставъ.
119. Лычка украдзь, ремянчикомъ заплацишь.
120. Цярпи Гришка спасёнъ будзишь, а ня уцерпишь сгапенъ [8]) будзишь.
121. Ни чапай ничога, ня бойся никога.

122. Круцячи свѣтъ пяройдзишь, а узадъ ня вернися.
123. Якъ тривога, тады да Бога.
124. Богъ ни цяля [9]) видзиць круцяля [10]).
125. Насмѣёвся гарщокъ съ катла, а гледзився и самъ чорный.
26. Госць гасьця ни навидзиць, а гаспадаръ абудвыхъ [11]).
27. Ня у томъ сила, што кабыла сива, а утомъ, што ни цягня [12]).
28. Кали у бацки сынъ адзинака, будзя хортъ [13]), ци сабака.
29. Ни капай па кого ямы, бо самъ упадзешь.
30. Ня смѣй [14]) съ чужой бяды, табѣ свая будзя.
31. Па што, вовкъ, идзешь? Па твое астатняя.
32. Якъ пришла бѣда, отчиняй варо́та.
33. Абы умѣла танчиць, работку горя павчиць.
34. Ня шукай мора, у лужи утопишся.
35. Ня шукай бяды, яна сама придзя.
36. Ѣшь хоць прилежъ [15]), абы скура да трывала [16]).
37. Ня здохня мышь надъ орудамъ [17]).
38. Куй жалѣзо пакуль куётца.
39. На пакляклое [18]) дзераво и козы скачуць.
40. Багата живи жабровацъ [19]) ни заракайся.
1. Багатому чортъ дзѣци калыша.
2. Ня мывся лянивъ, помывся хвастливъ.
3. Хицёръ Мицёръ и Савка ня дуракъ.
4. Старо́га верабья на мяќину ня зловишь.
5. Богъ ня гуляя усё свѣтъ мѣняя.
6. Адрыгнутца вовку каровія слёзы.
7. Вялики кусокъ горло дзяре.
8. Абы бѣда, гроши будуць.

149. Кали бацька ня бье сына малого, за тоя сынъ яг старóга.

150. Якое древа таки и клинъ, яки бацька таки и сынъ.

151. Гаспадаръ атъ хаты на шагъ, хата атъ яго на два.

(Записалъ ученикъ Молодечненской учительской семинарiи *Семенъ Зѣнька.* [1]) междометiе. [2]) случится. [3]) уважь, здѣсь въ см. побереги. [4]) не благодари. [5]) имъй. [6]) братья. [7]) до поры до времени. [8]) посрамленъ. [9]) теленокъ. [10]) плутъ. [11]) обоихъ [12]) не везеть. [13]) борзая собака. [14]) не смѣйся. [15]) прилягъ [16]) лишь бы шкура выдержала. [17]) мѣсто для складки сноповъ [18]) поникшее. [19]) просить милостыню.)

ЗАГАДКИ.

(*Минской г., Новогрудскаго у.*)

1. Бѣгло воучкоу двадцат пьяць, перезимовавши слѣдки знаць. *Баранъ.*
2. Бѣгуць чирйчики, задраушп лычики, бѣгуць и масло ядуць. *Сани.*
3. Безъ рукъ, безъ ногъ, безъ черева, злѣзе на дзерево. *Хмѣль.*
4. Въ одномъ мѣсцѣ крижовъ дзвѣсцѣ. *Клубокъ.*
5. Два стаяць, два лежаць, пьятый ходзиць, шостый водзиць. *Косякъ, двери и человѣкъ.*
6. Два япручке, а чатэры хвосцики. *Лапти.*
7. За бѣлымъ березничкомъ, талалайка бреша. *Языкъ.*
8. Круць-верць, у чарапочку смерць. *Стрѣльба.*
9. Маци тавсцюха, дочка залатуха а сынъ параборь [1]) выскачпу на дворъ. *Печъ, огонь, дымъ.*
10. Отъ кута да кута станць баба распята. *Балка.*
11. Одну козу маю и тую каждый дзень за хвостъ подымаю. *Заслонка.*
12. Пасцелю дзѣрушку [2]), пасыплю гарошку, палажу акрайчикъ хлѣба. *Небо, звѣзды и мѣсяцъ.*
13. Паразъ моро катоу [3]) хвостъ. *Ведерная дужка.*
14. Повенъ хлѣвецъ бѣлыхъ авецъ. *Зубы.*
15. Повна хата гарабіоу [4]).
16. Повна бочачка крупъ, а на версѣ [5]) струпъ. *Маковка.*
17. Повна бочачка вина, ни дзирочки, ни дна. *Яйцо.*

18. Станць баранъ у поли, просиць у Бога доли: дай Боже долю, надъ всѣми волю. *Волкъ.*

19. Станць цыганъ на золоцѣ. *Горшокъ.*

20. У лѣсѣ сцято [6]), у каморы узято, па рукахъ плача. *Скрипка.*

(Записалъ ученикъ Молодечненской учительской семинаріи *Степанъ Евтухинъ.* [1]) паробокъ? хоробсръ? [2]) простыня изъ насконицы. [3]) котій. [4]) воробьевъ. [5]) на верхѣ. [6]) срублено.)

(*Гродненской г., Кобринскаго у.*)

21. Семьсотъ свыще [1]), четыре плеще, два слухае, два нюхае, два дывытця. *Конь.*

22. Стоитъ домъ, безъ оконъ, безъ дверей, а въ немъ полно людей. *Огурецъ.*

23. Одинъ каже: свытай Боже, другой каже: змеркай Боже, а третій каже: якъ въ день, такъ и въ ночи вытрыщай зеркачи [2]). *Постель, дверь, окошко.*

24. Вузъ безъ калюсъ, бычъ безъ ляску, а дорога безъ пыску. *Лодка, весло, рѣка.*

25. Братъ брата сыче, біла кровъ тычэ. *Жернова.*

26. Шаталось, моталось, подъ припычекъ сховалось. *Вѣникъ.*

27. Въ нашіи нэвісты рубашекъ большъ якъ двысты, а вітёръ выйнэ и тіло выдно. *Курица.*

28. Крикнувъ вулъ на семъ сюлъ, его невыдаты а голосъ чуваты. *Колоколъ.*

29. Матка корупатка, дітки свячоны а батько кручоный. *Сарай, снопы, цѣпъ.*

30. Ишла марущка въ девяти кожушкахъ, и кто на ей взглянэ, то й заплаче. *Луковица.*

31. Черлюнъ [3]) жука лиже. *Огонь и горшокъ въ печкѣ.*

32. Два брата, одинъ отъ другого чрезъ межу живутъ, а одинъ къ другому въ гости нэ ходятъ. *Глаза.*

33. Горбатынькій, малецькій, все поле збігавъ. *Серпъ.*

34. Чотыре брата пудъ одною шапкою стоять. *Столъ.*

35. Крутосто, вертосто, на немъ крестовъ зо сто. *Капуста.*

(Записалъ ученикъ Молодечненской учительской семинаріи *Антонъ Рѣдька.* [1]) свищетъ. [2]) выпучи глаза. [3]) червленъ, красный, огонь.)

(*Гродненской г., Кобринскаго у.,*)

36. Бувъ у насъ баранъ, на юмъ (или нюмъ) мэньшъ шерсты якъ ранъ. *Колодка, на который рубятъ.*

37. Що гето за писаръ, що по ночи пыще, вткнэ пэро въ калямаръ, а самъ колыше. *Ключъ съ ведромъ у колодязя.*

38. Круть-вэрть, подъ черепочкомъ смерть. *Мельница.*

39. По соломы ходыть—нэ шелэстыть. *Солнце.*

40. Горбатый дідъ усэ поле збігавъ. *Серпъ.*

41. Бульшій меньшого не доганыть. *Колеса задн. и пер.*

42. Стоить панна у коморы, а косы еи на дворі. *Морковь.*

43. У дэнь якъ обручь, а въ ночи якъ ужъ. *Поясъ.*

44. Шаталося, маталося, подъ припечокъ сховалося. *Метла.*

45. Вложивъ якъ ругъ [1]), выйнявъ якъ флякъ. *Огурецъ.*

46. Дырявое радло [2]) всё поле збігало. *Борона.*
47. Сыва кобыла весь лісъ поіла. *Печка.*
48. Штыри діды подъ однымъ капелюшомъ. *Столъ.*
49. Безъ оконъ, безъ дверей, а повна хата людей. *Дыня.*
50. Чернэць-молодэць по коліна въ болоті. *Горшокъ.*
51. Лытівъ птакъ черезъ Божій дахъ [3]),—тутъ мое тіло на віки посіло. *Пчела.*
52. Мниго на небі зорочекъ, тулько на земли дырочокъ. *Стерня* [4]).
53. Якъ лежить, то мовчить, а якъ возмэшь на руки, то плаче. *Скрипка.*
54. Бычь безъ ляску, дорога безъ песку. *Весло и лодка.*
55. Въ лісы рубають, а иверье [5]) на село лытать. *Звонъ.*

(Записалъ *Иванъ Котовичъ.* [1]) рогъ. [2]) плугъ, соха, рало. [3]) кровля. [4]) жнивище. [5]) щепки.)

(*Виленской г., Дисненскаго у., село Чересъ.*)

56. Сядзиць баба на пагурку у чирвонымъ каптурку [1]), хто идзець тотъ поклонитца. *Земляника.*
57. Ляциць—выецъ, сядзиць—рыецъ. *Чорный жукъ.*
58. Лѣзу, лѣзу, позалѣзу на мясную гору. *Конь и человѣкъ.*
59. Пятухъ въ земли, а косы на верху. *Буракъ.*
60. Ѣсць бѣлое, а оставляиць чорное. *Лучина.*
61. Ни мывся, ни кресцився, а якъ запяець, такъ и чортъ уцячёць. *Пѣтухъ.*
62. Висиць виса, самъ касматый, канецъ лысый. *Орѣхъ.*

63. Поверхъ лѣсу дзижа [2]) кисниць. *Яблоко.*

64. Коцитца клубочакъ, за клубочкамъ мяшочакъ, за мяшочкамъ дзидка [3]). *Котъ.*

65. Сядзиць Ганусква въ семи каптуркахъ, хто ей наклонитца, тотъ заплачець. *Луковица.*

66. Чотыре брата подъ адней шапкой стояць. *Столъ.*

67. Мудрый мудрецъ гусѣй орець [4]). *Писарь.*

68. Цюхцики тавкуць, а Михалочка мелиць. *Зубы и языкъ.*

69. Мѣхъ па мѣху и кій на верху. *Жернова.*

70. Коцитца бачурачка, ни звѣръ, ни птушачка. *Мѣсяцъ.*

71. Повный хлявецъ овецъ, а одинъ баранъ чорный и тотъ бляецъ. *Люди и попъ.*

72. По полу искра скачець. *Блоха.*

73. Помижи лисиць свинья висиць. *Дверь.*

74. Станць Григоръ помижи горъ, кавилами [5]) подпершися. *Столбъ.*

75. Ляжиць Рася расцигняся [6]), якъ устаниць такъ и небо достаниць. *Дорога.*

76. Станць у лозѣ на адней нозѣ, самъ ня спиць, а другимъ сну даець. *Маковка.*

77. Кину я палку, забью ни галка, скублю [7]) ня перья, ѣмъ ни мясо. *Рябина.*

78. Кругомъ ямы всѣ съ кіями. *Люди и ложки.*

(Записали ученики Молодечненской учительской семинаріи *Григорій Авсюкъ* и *Антонъ Лакотка.* [1]) чепецъ. [2]) квашня. [3]) копье. [4]) гусемъ пашетъ. [5]) костыли. [6]) Раиса растянувшись. [7]) щиплю.)

(*Гродненской г., Брестскаго у., Каменецъ-Литовской в., д. Голоборка.*)

79. Білое поле, чорное насипьне [1]) розумный сіе. *Письмо.*

80. Безъ нюгъ, безъ рукъ, а лiза на друкъ [2]). *Хмѣль.*

81. Безъ оконъ, безъ дверей, повна церква людей. *Огурецъ.*

82. Безъ воронки, безъ дна, повна бочка вина. *Яйцо.*

83. Безъ рукъ, безъ нюгъ, дверы отчиняе. *Вѣтеръ.*

84. Бiлая кобыла ввесь лiсъ изъiла. *Печь.*

85. Вовкъ зелiзный, хвюстъ конопляный. *Иголка и нитка.*

86. Выйшевъ на гюрку, отчинывъ комюрку, кобъ не панъ Дыминскiй, то собаки заiдибъ. *Пчелы.*

87. Дiвка въ коморы, а ея косы на дворы. *Морковь.*

88. До горы хвостомъ ростѣ. *Огурецъ.*

89. Круглое маленькое до неба докинешъ, а черезъ хату не перекинешъ. *Глазъ.*

90. Лiзу, лiзу позалiзу на месную гору. *Конь.*

91. Прыдэ осень забью лося, голову зъiмъ, шкуру олуплю, а мясо за плютъ [3]) выкину. *Ленъ.*

92. Чэтырэ брата быгутъ, одинъ другого гонытъ, не якъ не зловитъ, а кобъ нагонывъ, тобъ одынъ другому шiю зломывъ. *Колеса.*

93. Якъ лежитъ, то менше за кота, а якъ устане, то бюльше за коня. *Дуга.*

(Записалъ ученикъ Молодечненской учительской семинарiи *Михайло Мушицъ.* [1]) розсада. [2]) щеть. [3]) плотъ, заборъ.)

P. S. Сообщенныя г. *Ивановымъ Котовичемъ* пѣсни изъ села Косичь, Гродненской губ., записаны г. *Качановскимъ.*

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ВЫПУСКА.